

ВИТАЛИЙ АКСЕНОВ

ЛЮБИМЫЙ МУЗЕЙ ФЮРЕРА

УКРАДЕННЫЕ СОКРОВИЩА

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

ВИТАЛИЙ АКСЕНОВ

**ЛЮБИМЫЙ МУЗЕЙ
ФЮРЕРА**

УКРАДЕННЫЕ СОКРОВИЩА

Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
2003

ББК 66.61(2)
А 42

Исключительное право публикации книги Виталия Аксенова «Любимый музей фюрера. Украденные сокровища» принадлежит «Издательскому Дому „Нева“».

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Аксенов В.

А 42 Любимый Музей фюрера. Украденные сокровища. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. — 319 с. (Серия «Досье»).

ISBN 5-7654-1421-4

ISBN 5-94849-227-3

Эта книга рассказывает о голубой мечте Адольфа Гитлера — осчастливить немецкий народ, подарив ему величайший в истории человечества Музей всех народов, который превзошел бы все музеи мира.

Вы узнаете, как именно осуществлялся этот уникальный проект (разграбление художественных сокровищниц Европы) и что случилось с шедеврами Рембрандта, Леонардо, Кранаха, Вермеера, Рафаэля, Ван-Гога.

ББК 66.61(2)

ISBN 5-7654-1421-4
ISBN 5-94849-227-3

© В. Аксенов, 2001
© «Издательский Дом „Нева“», 2001
© «ОЛМА-ПРЕСС Образование»,
оформление, 2001

ОТ АВТОРА

Сравнительно недавно вышла в свет моя книга «Дело о янтарной комнате». Те, кто прочитал ее, хорошо представляют, какие захватывающие события составляют историю создания, похищения и поиска знаменитой Янтарной комнаты из Царского Села.

Однако при изучении материала стало ясно, что история Янтарной комнаты лишь небольшая часть трагической судьбы многих художественных шедевров мирового значения, утраченных в ходе последней мировой войны, развязанной немецким фашизмом.

Суммарную стоимость этих утрат просто невозможно определить. Но дело, конечно, не в цене. Любуясь картинами величайших художников мира, мы не думаем об их стоимости на рынке — нас влечет прежде всего неповторимое художественное мастерство их создателей, мы получаем величайшее эстетическое наслаждение.

Запечатленная в картинах и скульптурах жизнь человека — это и есть художественная летопись человечества. Может быть, и поэтому народы так ревностно хранят свои художественные сокровища.

А заполучить их можно разве только за очень большие деньги или... отобрать силой.

Конечно, Гитлер известен прежде всего своими чудовищными планами уничтожения целых народов и превращения в рабов тех, кому удастся уцелеть.

Сегодня об этом знают все.

Мы же расскажем о менее известном, но без преувеличения грандиозном проекте Адольфа Гитлера, осуществление которого позволило бы создать величайший художественный музей мира. Его собрание первоклассных картин и целых коллекций, несомненно, превзошло бы коллекцию музеев Эрмитажа, Метрополитена и Лувра вместе взятых.

И надо признаться, многое фюреру удалось.

У этой истории большое число действующих лиц.

Это, прежде всего, сам АВТОР *«грандиозного плана для маленького Линца»*, который, пожалуй, не был бы реализован, если бы не был достаточно безумным. Как известно, безумные идеи сплошь и рядом оказываются не только реальными, но и — по-своему — весьма плодотворными. И это доказал

АДОЛЬФ ГИТЛЕР — великий фюрер, отец, вождь и учитель германского народа, маниакально воплощавший в жизнь свою **ГОЛУБУЮ МЕЧТУ** — подарить Германии величайший художественный музей всех времен и народов и тем самым воспитать в немцах хороший, достойный великой нации художественный вкус.

GERMAN GERING — второй человек в Германии, министр-президент, председатель Совета по обороне, генерал-фельдмаршал,

рейхсмаршал авиации, который обладал неукротимой страстью к коллекционированию — в основном чужих художественных ценностей — и стремился превзойти в этом самого фюрера, обладая своей собственной вполне приличной художественной коллекцией.

АЛЬБЕРТ ШПЕЕР — личный архитектор Гитлера, один из самых преданных ему людей, почти друг (просто у Гитлера друзей не было), автор многочисленных архитектурных проектов, в том числе знаменитой Имперской канцелярии и градостроительного плана превращения маленького городка Линц в грандиозную столицу на Дунае.

МАРТИН БОРМАН — рейхслейтер, начальник имперской канцелярии, «серый кардинал» в команде Гитлера, оперативно руководивший реализацией плана «дорогого фюрера» и не жалевший на это казенных денег.

ГЕНРИХ ГИММЛЕР — рейхсфюрер СС, свозивший реквизированные ценности в Рейхсбанк, где они хранились, затем реализовывались через ломбард, а вырученные средства шли на нужды «тысячелетнего рейха».

ВАЛЬТЕР ФУНК — президент Рейхсбанка, хотя, как он заявил на Нюрнбергском процессе, ничего про это не знал, тем не менее за любовь к чужим золотым коронкам получил пожизненное тюремное заключение.

БЕНИТО МУССОЛИНИ — дуче фашистской Италии, дружески презентовавший Гитлеру кое-что из национальных сокровищ своей страны, не разрешенных законом к вывозу.

БОТТАИ — министр просвещения в правительстве Муссолини, бешено сопротивлялся незаконному вывозу немцами ценностей из Италии, но вынужден был подчиняться командам дуче.

МАКЕНЗЕН Г. — статс-секретарь министерства иностранных дел, посол Германии в Италии, прикрывал незаконный вывоз итальянских ценностей и постоянно доносил в Берлин о все новых скандалах по этому поводу.

ГАНС ПОССЕ — директор Дрезденской галереи, профессор, личный уполномоченный фюрера по комплектованию «Музея всех народов» в Линце, неустанно трудился над заданием фюрера и пострадал из-за своего рвения.

ФИЛИПП ГЕССЕНСКИЙ — принц, обер-президент земли Гессен-Нассау, сын немецкого кайзера Фридриха Третьего и королевы Виктории, зять итальянского короля Виктора Эмануэля, ближайший помощник доктора Поссе, был любезно принят фюрером в его ставку и вместе с женой отправлен в концлагерь.

ЙОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП — рейхсминистр иностранных дел, сумел плодотворно поработать по вывозу из Франции и Италии художественных ценностей.

АЛЬФРЕД РОЗЕНБЕРГ — рейхсминистр по оккупированным территориям заявил, что «привлек миллионы людей к неизвестным им до тех пор сокровищам искусства», но все равно был повешен.

ЭММИ ГЕРИНГ — дочь рейхсмаршала авиации, вела длительную изнуряющую борьбу

бу за картину Лукаса Кранаха Старшего «Мадонна с младенцем».

ИОЗЕФ ГЕББЕЛЬС — рейхсминистр пропаганды и гаулейтер Берлина, теоретически обосновал исключительные права немецкого народа на владение всеми ценностями мировой культуры.

ГЕНРИХ МЮЛЛЕР — шеф гестапо, группенфюрер СС, сумел сколотить неплохое состояние, составить свою личную художественную коллекцию и таинственно исчезнуть в последние дни войны.

КАЙ МЮЛЬМАН — штандартенфюрер СС, доктор, полномочный представитель генерал-губернатора Польши по учету культурных ценностей.

ГЕОРГ ПЕНГСЕН и **ЭРНСТ ОТ СОЛЬМС-ЛАУБАХ** — полковник-доктор и граф майор-доктор, офицеры Вермахта; аккуратно и оперативно вывезли все ценности из-под Ленинграда.

АЛЬФРЕД РОДЕ — доктор, директор художественных собраний Кенигсберга; беззаветно любил украденные русские ценности и старался их спасти.

ГАРРИ ТРУМЭН — президент США, пользовался советами одного из вышеперечисленных лиц и получал от него ценные подарки.

ДУАЙТ ЭЙЗЕНХАУЭР — генерал, Главнокомандующий американским экспедиционным корпусом в Европе, а затем и Президент США; первым увидел склад похищенных нацистами сокровищ, но не растерялся и отдал важный приказ.

ГЕОРГ ШТАЙН — немецкий садовод, положил жизнь на поиск похищенных русских сокровищ.

МАРИОН ДЁНХОФФ — графиня, директор газеты «Ди Цайт», активно Штайну в этом помогала.

ПАУЛЬ ЭНКЕ — полковник «ШТАЗИ», выполнял секретное задание Эриха Хоннекера и погиб на боевом посту.

ПОЛИНА КУЛЬЖЕНКО — искусствовед, не проявила партийности в своей работе и неотступно следовала за картинами из киевского музея.

ФРАНЦ ШВАРЦ — рейхслейтер, казначей нацистской партии, беспрепятственно и оперативно снабжал доктора Поссе валютой партии на «закупку» произведений искусства для «музея фюрера».

ОТТО АБЕЦ — посол Германии во Франции, руководитель шпионского бюро Риббентропа, направлял и контролировал работу по конфискации ценностей Лувра и еврейских владельцев.

ФОН КЮНСБЕРГ — барон, начальник (в штабе Розенберга) зондеркоманды по изъятию художественных ценностей.

ПАУЛЬСЕН — искусствовед и археолог, унтерштурмфюрер СС, изобретательно отыскивал запрятанные «врагами Германии» ценности и отправлял их в Берлин.

НОРМАН ФЁСТЕР — оберштурмфюрер СС, после взятия в плен Красной армией охотно рассказал о работе рабителей.

ВИЛЬГЕЛЬМ КЕЙТЕЛЬ — фельдмаршал, начальник Верховного командования вермах-

та, приказал всемерно способствовать выполнению приказа фюрера об изъятии художественных ценностей.

ГАНС ФРАНК — генерал-губернатор Польши, большой поклонник картины Рембрандта «Дама с горностаем», что привело его на скамью подсудимых Нюрнбергского трибунала.

РЕЙНГАРД ГЕЙДРИХ — обергруппенфюрер СС, доверенное лицо Гитлера и ближайший помощник Гимmlера, гаулейтер Праги, не менее плодотворно трудился в Чехословакии, но до суда не дожил — за особую жестокость его казнили партизаны.

АРТУР ЗЕЙС-ИНКВАРТ — канцлер Австрии после захвата ее Гитлером, а затем имперский уполномоченный в Нидерландах, где он всячески помогал доктору Поссе в выполнении его почетной миссии.

ШМИДТ-МЮНСТЕР — генеральный комиссар в Голландии, неукоснительно выполнял поручения Бормана по захвату художественных ценностей в Нидерландах.

ВИЛЬГЕЛЬМ КУБЕ — гаулейтер Белоруссии, опасаясь ответственности, сообщал в Берлин о беспримерном грабеже Минска.

ЭРИХ КОХ — обергруппенфюрер СС, облеченный особым доверием фюрера, гаулейтер Польши и Украины, назначен гаулейтером Москвы, но приступить к обязанностям не смог, вел широкомасштабную игру за обладание Янтарной комнатой и сумел в конце войны вывезти многочисленные художественные ценности, приговорен польским судом к повешению, но мирно прожил еще 28 лет в тихой Ольштынской тюрьме.

А также участвуют в ней художественные коллекции:

Семьи Ротшильдов,
Графа Ланцкоронского,
Семьи Отто Ланца,
Франца Кёнигса,
Доктора Майнгеймера,
музеи:

в Пушкине, Павловске, Петергофе, Гатчине,
Минске, Киеве, Харькове, Новгороде, Пскове,
Печорской Лавре, Ясной Поляне, селе Михай-
ловском,

Лувр,

в Праге, Вене, Варшаве, Кракове, Будапеште,
Греции, Голландии, Бельгии, Италии...

И миллионы ограбленных физических лиц.

Глава первая, В КОТОРОЙ МЫ РАССКАЖЕМ О ГОЛУБОЙ МЕЧТЕ ФЮРЕРА

У Адольфа Гитлера была большая голубая мечта — осчастливить немецкий народ. Подобно всем диктаторам, он разрабатывал подробные планы строительства нового могущественного государства — «тысячелетнего рейха», вникал во все стороны жизни немецкого народа, беспокоился о его могуществе и духовной культуре.

Но была и малая голубая мечта — превратить небольшой австрийский городок Линц, которому посчастливилось стать родиной великого фюрера, в столицу на Дунае. Гитлера нимало не смущало, что все-таки Линц находится в другом государстве, которое вскоре он просто присоединит к «великому рейху».

По-своему, это был бескорыстный человек — все, что он делал, совершалось во имя «Великой Германии», а наградой ему должна служить благодарность немецкого народа, который, несомненно, по достоинству оценит труд своего фюрера.

Несостоявшийся художник и архитектор, Гитлер реализовал свои амбиции в создании грандиозного города, который мог бы поспорить с самим Будапештом — его фюрер считал самым

красивым на Дунае. Мировым шедевром была уготована почетная миссия — украсить «Музей всех народов» на родине фюрера, в Линце.

Обратимся к любопытному документу — книге Генри Пикера «Застольные разговоры Гитлера».

В течение 1941—42 годов в ставке фюрера Пикер стенографировал застольные разговоры, в которых Гитлер нравоучительно делился с ближайшим окружением многими удивительными «мыслями».

Познакомимся лишь с несколькими высказываниями фюрера по интересующему нас вопросу.

*Не для наслаждений пришел я в этот мир,
а чтобы его изменить!*

Покончив с изложением основ своего исторического предназначения, фюрер знакомит нас с личной шкалой ценностей в мире искусства — о Гитлере в пересказе Пикера говорится в третьем лице.

Многие беседы Гитлера происходили в его резиденции Werwolf, которая размещалась на Украине, под Винницей, — в бункере, куда вела специальная ветка железной дороги. Перед уходом немцы взорвали вход в бункер, который до сих пор, как ни странно, не обнаружен.

27.3.1942, полдень
«Волчье логово»
(резиденция Гитлера)

*То, что начиная с 1922 года навязывалось
немецкому народу в качестве произведений*

искусства в области живописи, есть не что иное, как мазня. На примере резкого упадка искусства в годы Системы можно наглядно продемонстрировать, насколько губительным было влияние евреев в этой области. А точнее — с какой совершенно невыносимой наглостью действовало еврейство.

С помощью рецензий, которые евреи кропали одну за другой, народу, верившему всему, что было написано черным по белому, навязывалось представление об искусстве, согласно которому все, что представляло собой просто пачкотню, считалось шедевром...

Нужно быть благодарным судьбе за то, что в 1933 году национал-социализм пришел к власти и навсегда покончил со всей этой пошлостью и убогостью.

При посещении художественных выставок он всегда приказывал удалить все, что не являлось безупречным в художественном отношении.

И нельзя не признать, что теперь в Доме немецкого искусства не найти больше картин, от которых возникло бы ощущение, что у их создателей отсутствует подлинное стремление к творческому самовыражению, и которые нельзя было бы со спокойной душой здесь выставить.

В комментариях к русскому изданию книги Пикера читаем:

Дом немецкого искусства, построенный в Мюнхене в 1933—1935 годах по проекту архитектора Пауля Людвига Трооста и при не-

усыпном наблюдении Гитлера, представлял собою сооружение в стиле неоклассицизма.

Картины и скульптуры, удостоенные включения в экспозицию музея, соответствовали эпигонскому, примитивно-мещанскому вкусу фюрера, и он ревностно следил за содержанием выставляемых там картин.

Обратимся снова к записям бесед Гитлера.

Картины художников, отмеченных Прусской академией государственными премиями, он также велел удалить из Дома немецкого искусства, поскольку они совершенно не подходили для него....

Какой толк, что отдельные профессора и мастера художественных школ рассыпаются друг перед другом в похвалах?! Уже в 1905—1906 годах, когда он пришел в Венскую академию, подобной пустопорожней болтовней занимались для того, чтобы представить такую вот пачкотню как «творческие поиски».

Гитлер «забыл» добавить, что при поступлении в Венскую академию на вступительных экзаменах он позорно провалился.

К сожалению, это имело трагические последствия для многих народов! Лучше бы его, конечно, приняли в академию, и он бы строил бюргерские города...

Но теперь уж не вернешь. Тем не менее Гитлер уверенно заявил, что

если бы не война, он, несомненно, стал бы архитектором, вполне возможно — даже ве-

роятнее всего, — одним из лучших, если не самым лучшим архитектором Германии!

Действительно, архитектурные проекты Гитлера впечатляют — их реализация должна была закончиться к 1952 году, когда будут кардинально перестроены Берлин, Нюрнберг и мало кому известный до той поры австрийский Линц. Осуществление своей градостроительной мечты фюрер полностью доверил Альберту Шпееру. Когда началась война с Советским Союзом, Гитлер назначил Шпеера рейхсминистром по вооружениям — несомненный организаторский талант архитектора был отнюдь не лишним. И Шпеер во многом оправдал доверие фюрера.

Альберт Шпеер не был нацистом в традиционном понимании этого слова, хотя и состоял в НСДАП, за что подвергся суровому обвинению на заседании Нюрнбергского суда по делу главных военных преступников.

В своей речи обвинитель от СССР А. Руденко сказал:

Архитектор Альберт Шпеер еще до захвата власти нацистами был личным другом архитектурного чертежника Гитлера и остался им до конца. Их сблизила и сроднила общность не только профессиональных интересов, но и политических.

Шпеер начал свою карьеру в 1932 году с реконструкции «коричневого дома» — штаба НСДАП — в Берлине, а через 10 лет он возглавлял все военное строительство и военное производство фашистской Германии.

На Нюрнбергском процессе Шпееру явно повезло — вместо виселицы он получил «всего» 20 лет отсидки в тюрьме Шпандау, а когда вышел на свободу, охотно встретился с Юлианом Семеновым (в то время корреспондентом «Литературной газеты» в ФРГ) и поделился с ним своими воспоминаниями.

Из них мы узнаем и причины, по которым к Шпееру было проявлено снисхождение:

В середине марта сорок пятого года фюрер пригласил меня к себе, чтобы ответить на мой меморандум: я рискнул — впервые в жизни, работая бок о бок с ним, — написать всю правду о крахе нашей экономики...

Я ждал самого худшего, но он повел себя очень странно. Он сказал, что я не имею права никому говорить правды о надвигающемся конце, никому... А потом закончил:

Если война проиграна, то нечего думать о будущем страны, а тем более о будущем народа. Он должен исчезнуть с лица земли... Мы должны помочь процессу, пока это в наших силах...

Вы полагаете, что фюрер думал о сохранении экспонатов для «Музея фюрера» в Линце? Или военного музея в Кенигсберге или Берлине? Вряд ли...

Я помню, как он рассказывал мне о церемонии предстоящего самоубийства, как он намерен застрелить свою собаку, как он сказал, что «фрейлен Браун намерена остаться

*со мною», как он посмотрел на меня: не при-
мкну ли и я...*

*Нет, он развалился, он не мог думать
о будущем...*

*Нет, нет, я не намерен отказываться от
того, к чему я был причастен, это мелко и
бесчестно — что было, то было, и я понес за
это наказание, пришло возмездие, я говорю
вам правду; приобщение к русскому
гуманизму потрясает!*

Среди прочих обвиняемых на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками Альберт Шпеер выглядел вполне пристойно, и даже в обвинительном приговоре в качестве смягчающего обстоятельства говорилось, что

...на последних стадиях войны он был одним из тех немногих, кто имел смелость говорить Гитлеру, что война проиграна, и предпринимать шаги с тем, чтобы предотвратить бессмысленное уничтожение...

Он также противодействовал гитлеровской политике «выжженной земли» путем преднамеренного ее саботажа, подвергаясь при этом значительному риску.

Особое впечатление на судей произвело последнее слово подсудимого Шпеера, где он выступил с обвинениями в адрес Гитлера:

*...его будут проклинать и презирать как
зачинщика всех несчастий.*

Затем Шпеер с энтузиазмом обрисовал светлое будущее немецкого народа:

Германский народ в предыдущие столетия внес большой вклад в развитие человеческой культуры...

Если немецкий народ в это неизбежное время своей бедности и бессилия, но одновременно и его развития создает новые произведения культуры, то этим самым он вносит в мировую историю ценнейший вклад, какой в состоянии только внести в своем положении.

Историю человечества определяют не только битвы войн, но и высшие достижения культуры, которые когда-нибудь станут достоянием всего человечества.

А народ, который верит в свое будущее, не погибнет.

Да защитит Бог Германию и западную культуру!

Конечно, ссылка на светлое будущее и особенно на западную культуру сыграла свою роль.

Если бы дело происходило не в суде над военными преступниками, наверняка в зале раздались бы аплодисменты. А так — просто Шпееру скинули срок и вместо пожизненного дали 20 лет, хотя защитник его уверял, что больше пяти не дадут.

Против был только представитель Советского Союза — он требовал виселицы.

И Шпеер решил посвятить свое свободное время в тюрьме изучению таинственной русской души, в чем, как видно, преуспел.

Должен сказать, что я впервые по-настоящему начал изучать русскую литературу в камере — времени, как понимаете, у меня было предостаточно; приобщение к Толстому, Чехову, Достоевскому, Гоголю поразило меня, во многом изменило прежние концепции.

Неизгладимое впечатление производит просмотр кадров кинохроники о проходивших в Нюрнберге съездах нацистской партии. Наверное, многие их видели. Здесь не было мелочей. Идеи художественного и светового оформления принадлежали Шпееру:

В ту пору я очень любил знамена и устанавливал их где только можно. Таким образом удавалось привнести игру красок в каменные строения. Мне сослужило хорошую службу то обстоятельство, что продуманное лично Гитлером знамя со свастикой куда лучше подходило для архитектурного оформления, чем знамя, разделенное на три разноцветные полосы.

Разумеется, это не совсем соответствовало высокому предназначению знамени, когда его использовали для подкрепления ритмически разрозненных фасадов или для того, чтобы закрыть неприглядные дома эпохи грюндерства от фронтона до самого тротуара, да еще с добавлением золотых лент, усиливавших воздействие красного цвета, — но я смотрел на это глазами архитектора.

Поистине грандиозные оргии особого рода я учинил в узких улочках Гослара и Нюрнбер-

га, развешивая на каждом доме одно знамя к другому, так что из-за них и неба почти не было видно.

...Перед оргкомитетом съезда я развил свою идею.

За высокими валами, ограничивающими поле, предполагалось выставить тысячи знамен всех местных организаций Германии, чтобы по команде они десятью колоннами хлынули по десяти проходам между шпалерами из низовых секретарей; при этом и знамена и сверкающих орлов на древках полагалось так подсветить сильными прожекторами, что уже благодаря этому достигалось весьма сильное воздействие.

Но и этого, на мой взгляд, было недостаточно; как-то случайно мне удалось видеть наши новые зенитные прожектора, луч которых поднимался на высоту в несколько километров, и я выпросил у Гитлера 130 таких прожекторов. Правда, Геринг поначалу воспротивился, поскольку эти 130 прожекторов составляли большую часть стратегического резерва, но Гитлер сумел его убедить: «Если мы выставим здесь такое множество, со стороны подумают, будто мы купаемся в прожекторах».

Эффект превзошел полет моей фантазии. 130 резко очерченных световых столбов на расстоянии лишь двенадцати метров один от другого вокруг всего поля были видны на высоте от шести до восьми километров и сливались там, наверху, в сияющий небосвод, отчего возникало впечатление гигантского зала, в котором отдельные лучи выглядели словно

огромные колонны вдоль бесконечно высоких наружных стен. Порой через этот световой поток проплывало облако, придавая и без того фантастическому зрелищу элемент сюрреалистически отображенного миража.

Я полагаю, что этот «храм из света» был первым произведением световой архитектуры такого рода, и для меня он остается не только великолепным пространственным решением, но и единственным из моих творений, пережившим свое время.

«Одновременно и торжественно и красиво, словно находишься внутри ледяного собора», — писал английский посланник Гендерсон.

Конечно, такие творческие решения делают честь их автору, хотя Шпеер, как он утверждает, меньше всего думал о политической составляющей этих акций, а творил как художник.

Естественно, что Гитлер был в восторге.

При закладке первого камня в основание «Конгрессхалле» в Нюрнберге Гитлер, заметив меня во втором ряду, прервал ход торжественной церемонии, дабы пожать мне руку. Этот необычный жест произвел на меня такое впечатление, что я звучно уронил занесенную для приветствия руку на лысину стоявшего передо мной Штрейхера, гаулейтера Франконии.

У Сталина не было такого человека, как Шпеер, поэтому наши парады не отличались

столь безудержной фантазией и оригинальностью.

Однако вернемся к архитектурным замыслам Гитлера. Особенно впечатлял проект здания Имперской канцелярии.

Читаем у Шпеера:

Чтобы создать необходимый фон для своего подъема — «одного из величайших в истории», — Гитлер потребовал создать ему архитектурное оформление имперского размаха. Рейхсканцелярию, в которую он въехал 30 января 1933 года, Гитлер считал «пригодной для мыловаренного концерна», но отнюдь не для могущественной империи.

А ведь это здание служило резиденцией «великому Бисмарку»! Гитлер предоставил Шпееру неограниченные полномочия, всю улицу Фосштрассе:

— Расходы меня не интересуют! — заявил он.

Через год гигантское здание было готово.

— Это выдающееся свершение! — восторженно заявил фюрер, принимая Имперскую канцелярию.

Действительно, размах строения впечатлял:

Сквозь грандиозные ворота прибывший попадал с Вильгемсплац во двор для почетных гостей, откуда по ступеням крыльца подни-

мался сперва в малую приемную, там двустворчатые двери высотой до пяти метров открывали путь в выложенную мозаикой залу. Затем гость снова поднимался на несколько ступенек, пересекал крытую куполом ротонду и оказывался в начале 145-метровой галереи.

Наибольшее впечатление на Гитлера произвела именно эта галерея, ибо она была в два раза длинней версальской. Глубокие оконные ниши должны были давать не прямое освещение, производя то приятное воздействие, которое я уже наблюдал, рассматривая Большой зал во дворце Фонтенбло (в Париже).

Короче, ряд помещений, непрерывно меняющихся по материалу и по цветовой гамме и общей длиной в 220 метров. Лишь после этого гость попадал в собственно зал для приемов. Без сомнения, великое расточительство во имя репрезентативной архитектуры и уж, конечно, «искусство эффекта», но ведь это было и во времена барокко и вообще всегда.

На Гитлера увиденное произвело впечатление:

— Они уже при входе по дороге в зал ощущают мощь и величие германского рейха.

В своей уже упоминавшейся речи Гитлер самоуверенно изрек:

Вот это и есть чудо, заключенное в строительном деле: уж если что выстроено, оно остается как памятник. Оно стоит, оно от-

личается от пары сапог, которые ведь тоже надо сделать, а через год-два кто-то сносит их и выбросит на помойку. А здание останется и будет столетия подряд напоминать обо всех, кто его создает.

12 января 1939 года эта рассчитанная на века новостройка была торжественно открыта; Гитлер принимал в Большом зале всех аккредитованных в Берлине дипломатов для вручения им новогодних адресов.

Перед тем как сесть на скамью подсудимых в Нюрнберге, Шпеер в качестве гида провел по развалинам Имперской канцелярии английского премьер-министра:

А через 78 месяцев после торжественного открытия, 16 июля 1945 года, Уинстон Черчилль выразил пожелание, чтобы его провели по залам рейхсканцелярии.

Перед ней стояла большая толпа. За исключением одного пожилого человека, который неодобрительно покачивал головой, все начали выкрикивать здравицы в мою честь. Это проявление любви взволновало меня так же, как изможденные от голода лица и изношенная одежда этих людей. Потом мы долго бродили по разрушенным коридорам и залам рейхсканцелярии.

Один из немногих осуществленных грандиозных проектов, Имперская канцелярия была, несомненно, ярким символом нового нацистского государства, идеи которого разделяли многие немцы даже в дни краха

Третьего рейха, и поэтому неудивительно, что вскоре после капитуляции ее вовсе снесли, а камни и мрамор советская администрация (не без умысла!) использовала для создания русского военного мемориала «Солдату-освободителю» в Трептов-парке.

Не правда ли, история преподает нам неожиданные уроки?!

Любопытно отношение Гитлера к известным современникам. Он откровенно презирал Рузвельта, а Сталина считал настоящим монстром, не скрывая, однако, своего восхищения его «гениальностью» и планируя оставить его управлять Россией к востоку от Урала. Черчилля он называл «главным алкоголиком Британской империи» и уверял Еву Браун, что после победы Германии не только не казнит его, но, напротив, предоставит в распоряжение «бывшего премьер-министра» охраняемую резиденцию, где тот сможет «преспокойно себе пачкать мольберты».

Шпеер не без гордости вспоминает, как отнеся Сталин к его архитектурным проектам:

Примерно в начале октября (1939 года) немецкий посол в Москве граф фон Шуленбург сообщил Гитлеру, что Сталин весьма интересуется нашими строительными планами.

Целая серия фотографий изготовленных у нас макетов была выставлена в Кремле, хотя по личному указанию Гитлера самые грандиозные строения мы от Сталина все-таки утаили, чтобы тот, как выразился Гитлер, «не разлакомился».

Шуленбург предложил и мне слетать в Москву для объяснения моих планов, но Гитлер полушутливо заметил: «А вдруг он оставит вас у себя!» — и лететь запретил. Несколько позже немецкий посланник сообщил мне, что мои проекты Сталину понравились.

29 сентября Риббентроп вернулся после своего второго визита в Москву, имея при себе немецко-советский договор о границах и о дружбе, призванный подтвердить четвертый раздел Польши. За столом у Гитлера Риббентроп рассказывал, что никогда еще не чувствовал себя так вольготно, как среди сотрудников Сталина. «Словно я оказался среди товарищей по партии, мой фюрер!» Гитлер с каменным лицом пропустил мимо ушей восторги своего обычно столь сдержанного министра.

Теперь-то и мы знаем, что вкусы двух великих диктаторов во многом совпадали.

Сотни и тысячи культурспециалистов по всей Европе собирали информацию о художественных выставках и коллекциях, которые могли бы пригодиться Гитлеру.

29.7.1942, вечер
«Волк-оборотень»

Рейхслейтер Борман разложил перед фюрером фотографии представленных на бьеннале в Венеции картин, которые очень напоминали произведения «дегенеративного искусства», и поэтому шеф, рассмотрев их,

заявил, что они не только отличаются крайне несовершенной техникой живописи, но и представляют собой просто немислимую мазню.

Уровень работ, представленных на выставке, заявил он, характеризует тот факт, что, согласно полученному донесению, публика, рассматривая картины, нередко громко смеялась. На выставке в Доме немецкого искусства в Мюнхене такого просто быть не может.

Из присылаемых на выставку в Дом немецкого искусства от десяти до двенадцати тысяч работ всегда и при любых обстоятельствах отбирались 1200 действительно выдающихся произведений. Столь тщательный отбор происходил потому, что им занимались не художники, а такие люди, как профессор Гофман и директор Кольб. Художники слишком легко поддаются искушению и отбирают для выставки далеко не самые лучшие работы, чтобы их собственные произведения гораздо лучше смотрелись на их фоне.

Высокая репутация выставки в Доме немецкого искусства зиждется не только на том, что каждый, кто приобретает выставленную на ней картину, может со спокойной душой повесить ее в своей собственной квартире, но еще и на том, что она способствует воспитанию истинных художников.

Ведь он твердо стоит на том, что псевдохудожник, который присылает сюда полное дерьмо, — или мошенник (и тогда ему место в тюрьме), или блаженный (и тогда его надо посадить в сумасшедший дом), или — если не

ясно, к какой из двух категорий его отнести, — кандидат на «перевоспитание» в концлагере, где его приучат к настоящему труду. Поэтому бездари как огня боятся этой выставки.

И то, что он встретил в этом вопросе полное понимание со стороны немецкого народа, радует его больше всего. Тому доказательство — до миллиона посетителей на каждой выставке.

Не правда ли, нечто похожее происходило совсем недавно и в нашей стране?!

Гитлер ненавидел в искусстве все «чужеродное», общечеловеческое и художественное достояние рассматривал сквозь призму «расовой чистоты» творцов.

Он решительно отрицал все новейшие течения — импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, сюрреализм. Все это вызывало с его стороны поток брани, угроз и официальные запреты на продолжение творческой деятельности для тех, кто находился в поле досягаемости.

Гитлер хотел, чтобы каждый немец радовался тому искусству, которое принимал фюрер.

Многие города Германии обошла передвижная выставка под названием «Дегенеративное искусство», где работы авангардистов экспонировались рядом с картинами душевнобольных и фотографиями клинических уродов и калек.

Самих художников авангарда Гитлер считал мошенниками и злоумышленниками — их

следовало решительно передавать в руки правоохранительных органов как «культурбольшевиков».

Согласитесь — это довольно странно, ибо у нас в стране, как известно, длительное время все авангардисты также предавались анафеме — а ведь среди них были Малевич, Татлин, Шагал, Филонов, Гончаров, Ларионов, Кандинский, которых, при всем желании, отнести к «культурбольшевикам» довольно затруднительно.

Отзвуки этих гонений раздаются до сих пор.

Любопытна история некоторых картин Казимира Малевича.

В 1927 году Малевич участвовал в художественной выставке в Германии. Понимая, что у себя на родине, в России, он признания не добьется, а то и отправится в лагерь, художник предусмотрительно оставляет все свои картины в Германии. Своему другу он передает распорядительную записку:

В случае смерти моей или тюремного безвинного заключения...

Нет, конечно, Малевич не был «культурбольшевиком» и имел основания опасаться за свою свободу и жизнь.

Через несколько лет и в Германию пришла пора борьбы с «дегенеративным искусством». Директор музея в Ганновере Александр Дорнер спрятал картины, а затем сумел переправить их в США, где и передал на хранение в Нью-Йоркский музей современного

искусства и в бостонскую галерею Буша-Райзингера.

Александр Дорнер обусловил свою акцию условием, что музеи обязаны выдать их в случае, если картины будут затребованы законным собственником.

Прошло почти 70 лет, и уже в наше время на сцену выступил некто Клемент Тюссен, основавший в Кельне контору «Исследования в области искусства и проекты». Цель его была проста: найти и вернуть законным владельцам отнятые у них произведения искусства. И все бы замечательно, но герр Тюссен оценивал свои усилия в половину стоимости найденного, что, конечно, не понравилось наследникам. Большой интерес проявляли к предприимчивому посреднику и представители русской мафии.

Может поэтому однажды Тюссен срочно собрал свою семью и, не оставив адреса, отправился к берегам Средиземного моря. Однако деятельность свою не прервал и недавно выступил как посредник в возвращении тех самых картин Малевича, которые попали в США. Наследники нашлись в большом количестве и с радостью дали Тюссену доверенность на ведение дела.

Сопротивлялась только дочь Малевича Уна Казимировна. Лишь ее имя значилось в оставленном художником завещании, и без ее согласия сделка не состоялась. Тюссен терпеливо ждал, пока Уна не покинула этот свет в 1989 году. Теперь ничто не мешало ему начать активные переговоры с американскими музеями, где хранились картины Малевича с 30-х годов.

Впрочем, пришлось повозиться — музеи не желали расставаться с картинами, стоимость которых неизмеримо возросла. Однако терпеливый Тюссен семь лет добивался судебного решения, по которому Музей современного искусства в Нью-Йорке и галерея в Бостоне вынуждены были уступить: одну картину — «Супрематическая композиция» нью-йоркский музей отдал наследникам, за остальные 15 музей выплатил 5 миллионов долларов.

Но эта одна отданная картина на аукционе «Филлипс» принесла Клементу Тюссену 10 миллионов 250 тысяч долларов. А 31 наследник получил лишь по 330 тысяч 645 долларов. То есть в 31 раз меньше Тюссена, который никакого родственного отношения к Малевичу не имеет. Зато умеет вести свой бизнес.

Прошло сообщение, что недавно в Русском музее в Петербурге появился герр Тюссен и интересовался картинами Казимира Малевича. Дирекция музея поспешила заверить общественность, что на все картины художника имеются соответствующие документы, подтверждающие права на собственность.

Герр Тюссен мило улыбался и сообщил, что хотел бы добиться, чтобы наследники получали процент от продажи сувенирной продукции, связанной с Казимиром Малевичем.

А все потому, что фюрер в свое время начал гонение на «дегенеративное искусство».

А теперь о грандиозном «Музее всех народов», задуманном фюрером, конечно же, чтобы увековечить себя.

26.4.1942, вечер
Берлин, рейхсканцелярия

За ужином шеф завел разговор с профессором Шпеером о проекте реконструкции Линца. Он заявил, что для него является делом чести превратить Линц в германский город на Дунае, который затмит собой Будапешт и наглядно продемонстрирует, что немцы духом своим и своей архитектурой значительно превосходят венгров.

Он планирует не только провести широкую реконструкцию набережной Дуная, но и осуществить образцовую программу жилищного строительства, соорудить здание военного ведомства, Олимпийский стадион...

Он планирует построить здесь уникальные мосты, и прежде всего, в отличие от Будапешта, — висячий мост через Дунай.

Кроме того, на той стороне Дуная встанет здание, в котором — прежде всего в пику католической псевдонауке — будут представлены все три системы мира: Птолемея, Коперника и Гёрбигера, творца теории мирового льда; в куполе этого здания будет находиться планетарий, который не только утолит жажду знаний посетивших его, но и вполне сгодится для научных исследований...

Особую радость ему доставил тот факт, что рейхслейтер Борман, узнав об этом проекте, немедленно предложил выделить все необходимые средства.

Рейхслейтер Борман не жалел казенных денег — особенно когда это касалось «дорогого фюрера».

Самое позднее, через десять лет после окончания войны на Дунае будет новый город мирового значения — Линц.

Его как художника постоянно вдохновляет мысль об этой реконструкции Линца.

Но ведь музей надо было наполнить картинами, и в другой вечер фюрер поделился своими планами комплектования «Музея всех народов»:

После ужина шеф высказался в том смысле, что лишь благодаря целому ряду случайностей и счастливых обстоятельств ему удалось вернуть германскому народу множество подлинных шедевров.

Гитлер был небедным человеком.

Желая выглядеть в общественном мнении добропорядочным, он сообщает о своих источниках «финансирования».

Оказывается:

на доходы от «Майн Кампф» учреждены фонды помощи музеям, галереям и таким городам как Линц.

Фюрер не без гордости сообщает, что его книга заняла второе место в мире по количеству изданий после... Библии!

Кроме того, он получает огромные авторские отчисления за почтовые марки с его изображением, изданные почтой Рейха (с 1937 по 1945 годы было выпущено 50 миллионов марок).

Особую и довольно значительную часть поступавших средств составляют пожертвования

немецких промышленников в «фонд фюрера» (около 300 миллионов марок).

Только для музея в Линце он смог приобрести 1000 картин Старых мастеров, главным образом голландской и фламандской школ, но также некоторые картины Леонардо да Винчи, Швинда, Фейербаха и т. д.

Что касается Леонардо да Винчи, здесь все понятно — не признать фигуру Леонардо было бы позорно, а потом сам фюрер мыслил себя гигантом нового Возрождения мира.

Мориц фон Швинд — австрийский художник-романтик XIX века, иллюстрировавший сказки и легенды. Известно, что все диктаторы имеют чуткую душу и склонны к сентиментальности.

Ансельм Фейербах — немецкий художник XIX века, представитель неоидализма, стремился возродить монументальное искусство в больших, далеких от жизни полотнах на темы античных легенд.

Нетрудно представить, почему Фейербах так нравился Гитлеру — сам он всячески поощрял гигантизм в искусстве, чтобы достойно отразить мощь и величие рейха и, само собой, его фюрера. Прекрасный пример — построенная Шпеером гигантская Имперская канцелярия, которая, по замыслу Гитлера, должна была подавлять всех посетителей километровыми коридорами, ангарной высоты и размеров присутственными залами и, конечно, кабинетом «шефа»...

Впрочем, все диктаторы страдают такой слабостью, будь то египетские пирамиды, Дворец Советов в Москве или резиденция Саддама Хусейна в Багдаде.

Кроме того, он купил их (картины) в те времена, когда еще никому даже в голову не приходило покупать мастеров XIX века.

Так что он смог выставить их в Линцском музее в зависимости от стиля и направления... Старых мастеров ему удалось заполучить в основном после конфискации имущества евреев на территории Рейха или же путем заключения торговых сделок, вырвав их из еврейских рук.

Уникальные сокровища Эрмитажа также считались частью еврейской собственности и были приобретены им после того, как русские евреи из Москвы продали их в США, а американские евреи сбывли их в Голландию.

Гитлер имеет в виду небывалую «дешевую распродажу» за рубеж русских ценностей из Эрмитажа и других советских музеев, принятуя советским правительством в 30—40-е годы.

К сожалению, из 60 полотен Рембрандта там оказалось только 7. Он купил их за 9 миллионов рейхсмарок, выплатив долг одной обанкротившейся еврейской фирме.

Эта история с еврейскими картинами заслуживает отдельного разговора, и мы расскажем о ней ниже.

Шеф даже сумел продать за границу картины с выставки «Дегенеративное искусство» и повернуть тем самым грандиозную сделку, ибо в обмен на омерзительную пачкотню он получил 5 картин итальянских мастеров.

В 1939 году в Люцерне открылся аукцион, где по весьма скромной цене можно было купить Матисса, Пикассо, Шагала. Этим не замедлили воспользоваться торговцы и коллекционеры, и по всему миру разошлись картины из германских музеев.

Конечно, гитлеровцы позже с успехом компенсировали утечку художественных шедевров, организовав беспримерный грабеж ценностей.

Под личным повседневным контролем Гитлера действовала «ЗОНДЕРАУФТРАГ ЛИНЦ» с уже известными нам целями — за пять лет существования этой зондеркоманды были «собраны» восемь тысяч картин, а на десятки тысяч были «получены права».

Шпеер вспоминает, что фюрер вникал во все подробности будущей столицы на Дунае:

Порой Гитлер делал набросок одной из башен исторической крепостной стены Линца: «Здесь я больше всего любил играть. Ученик я был не из лучших, зато первенствовал во всяких проказах...»

Вспоминая годы своей юности, Гитлер всякий раз с величайшим уважением отзывался о епископе Линца: тот, с огромной энергией преодолевая всяческое сопротивление, осуще-

ствил строительство небывалых размеров Линцкого собора; поскольку собор этот должен был превзойти по своим размерам даже собор святого Стефана, у епископа возникли немалые трудности с правительством, не желавшим, чтобы венский собор был где-нибудь превзойден.

Его (фюрера) программа превращения Линца в «мировой центр» предусматривала сооружение ряда монументальных зданий вдоль берегов Дуная, а также висячего моста, который свяжет оба берега. Венцом его плана должен был стать величественный Дом окружного управления НСДАП с гигантским залом для заседаний и с колокольней.

В этой башне он предусматривал гробницу для себя.

Кроме Дома НСДАП, предполагались следующие вершины береговой застройки: ратуша, импозантный отель, большой театр, генеральный штаб, стадион, картинная галерея, библиотека, музей оружия, выставочный павильон, наконец, монумент в честь освобождения в 1938 году и еще один, во славу Антона Брукнера (композитор, особо почитаемый Гитлером).

Мне было поручено сооружение картинной галереи и стадиона, который предполагалось разместить на холме, откуда можно было любоваться панорамой города. Резиденцию Гитлера в старости тоже предполагалось разместить на холме неподалеку от этих зданий.

Гитлер восторгался сложившейся в ходе столетий линией береговой застройки в Бу-

дапеште. У него была честолюбивая мечта превратить Линц в своего рода немецкий Будапешт. Вена-де вообще ошибочно спланирована, заявил он по этому поводу, так как повернута спиной к Дунаю. Проектировщики упустили возможность использовать Дунай в своих архитектурных замыслах. И, стало быть, Линц сможет когда-нибудь составить конкуренцию Вене хотя бы уже потому, что в Линце ему это удастся.

Без сомнения, подобные слова не следовало принимать так уж всерьез: их породила неприязнь к Вене, которая временами бурно у него прорывалась, хотя в других обстоятельствах он мог с тем же успехом заявить, что при застройке бывших укреплений в Вене удалось осуществить грандиозный архитектурный замысел.

Конечно, Гитлер прекрасно понимал, что привлекает к себе отнюдь не масштабами своей личности, а неограниченной властью, которую многие хотели использовать в своих собственных интересах.

Еще до войны Гитлер от случая к случаю заявлял, что по достижении всех политических целей отойдет от государственных дел и завершит свои дни в Линце. Тогда он не будет играть в политике решительно никакой роли... Люди вовсе забудут про Гитлера и обратят свои взоры к его преемнику. А его покинут. Обыгрывая — не без жалости к самому себе — эту мысль, он продолжал:

— Мы с Евой поженимся, поселимся в Линце, в красивом уютном доме, и я клянусь, что не возьму ни одного из своих кителей. Пусть ничто не напоминает мне о войне...

Может и забредет тогда ко мне на огонек какой-нибудь из моих прежних сотрудников. Только я на это не очень рассчитываю. И, кроме фройлен Браун, я туда никого с собой не возьму; фройлен Браун и свою собаку. Я буду совсем-совсем одинок.

С Линцем ничего не вышло, хотя уже были готовы проекты, собраны тысячи экспонатов. Война помешала реализовать эти замыслы. Однако фанатично преданный своим идеям, Гитлер даже в своем завещании за несколько часов до смерти написал, что собранную им коллекцию картин для «музея всех народов» в Линце он завещает немецкому народу.

Как только Гитлер лишился реальной власти — в самом конце войны действительно практически все его покинули — предсказание сбылось. В Линц он не попал и покончил жизнь самоубийством, забрав с собою Еву Браун и любимую овчарку Блонди. Перед смертью Гитлер прямо говорил Еве: «Если мы с тобой попадем в плен, нас выставят напоказ в Московском зоопарке». Во многом на это решение повлияло и сообщение, что казненные итальянцами Муссолини и его жена уже мертвыми были повешены вниз головой.

К Муссолини Гитлер относился крайне уважительно и решил, что берлинской площади

имени Адольфа Гитлера после ее перестройки будет присвоено имя Муссолини. Правда, саму площадь Гитлер считал ужасной, поскольку ее изуродовали современные строения веймарских времен, но

когда мы впоследствии переименуем площадь Адольфа Гитлера в площадь Муссолини, я наконец от нее избавлюсь, а кроме того, если я уступлю дуче свою площадь, это будет выглядеть очень достойно. Я уже набросал эскиз памятника Муссолини.

Но дуче так и не получил свою площадь в Берлине.

Под свои архитектурные проекты фюрер всегда подводил «серьезную научную базу».

Послушаем Альберта Шпеера, который, конечно, лучше всех был осведомлен о его планах:

В начале 1939 года перед началом строительных работ Гитлер пытался так обосновать масштабы, присущие его излюбленному стилю:

— Почему всегда самое большое? Я делаю это затем, чтобы вернуть каждому отдельному немцу чувство собственного достоинства. Чтобы в сотне различных областей сказать каждому: мы ни в чем не уступаем другим народам, напротив, мы равны любому из них.

Довольно странное противоречие — ведь Гитлер всегда утверждал, что немцы — это из-

бранная нация, а все остальные должны признать ее превосходство и умереть. Или стать рабами.

К гигантизму фюрер пришел в результате длительных научных размышлений и изучения опыта всех диктатур. Шпеер продолжает:

Эту тягу к сверхбольшим масштабам нельзя объяснить единственно формой правления; быстро обретенное богатство тоже играет свою роль, равно как и потребность демонстрировать собственную силу, неважно, из каких соображений.

Именно поэтому мы обнаруживаем среди древнегреческих сооружений самые крупные на Сицилии и в Малой Азии. По всей вероятности, это связано с конституциями данных городов, где по большей части правили диктаторы, но ведь и в Перикловых Афинах культовая статуя Фидиевой Афины Парфенос достигала двенадцатиметровой высоты.

Вдобавок и большая часть из семи чудес света стала олицетворением мировой известности именно благодаря своим чрезвычайным размерам: храм Артемиды Эфесской, мавзолей в Галикарнасе, Колосс Родосский или Фидиев Зевс Олимпийский.

Претензии Гитлера на сверхмасштабность включали в себя, однако, нечто большее, чем он готов был признать перед рабочими: сверхразмеры должны были возвысить его, Гитлера, дело, укрепить его веру в себя. Возведение этих монументов преследовало цель заявить о претензиях на мировое господство задолго до того, как Гитлер рискнул

вслух сказать об этом своему ближайшему окружению.

Меня тоже вдохновляла мысль с помощью чертежей, денег и строительных фирм закладывать каменные вехи истории и тем предвосхищать надежды на тысячелетнее царствование.

Но мое вдохновение передавалось Гитлеру, когда я доказывал ему, что исторически признанные архитектурные вершины будут побиты нами хотя бы в смысле размеров. Причем его энтузиазм никогда не переходил в громкие слова. На них он был скуп. Возможно, его наполняло в эти минуты своеобразное благоговение, но благоговение это было самому же себе и адресовано — себе и возникшему по его воле спровоцированному на вечность представлению о собственном величии.

Конечно, Гитлер не был профаном-недоучкой, как его рисуют многие современники. Это был человек, наделенный талантом руководителя, обладавший довольно большим объемом вского рода сведений и фактов, которые, впрочем, он не мог должным образом систематизировать и использовать на практике. Благодаря его неумению всесторонне беспристрастно анализировать ситуацию на фронте и бесконечному упрямству, война была проиграна значительно быстрее. Многие его приказы саботировались руководителями вермахта, ибо они были просто абсурдны.

Впрочем, иногда он был готов признать совершенство других городов.

Шпеер вспоминает о поездке Гитлера в Париж после окончания «французского похода»:

Вскоре мне позвонили из адъютантуры фюрера: я должен по исключительному поводу прибыть на несколько дней в штаб-квартиру, которая размещалась тогда под Седаном, в маленькой деревушке Брюли-де-ла-Пеш, из которой выселили всех жителей. В маленьких домиках вдоль единственной улицы разместились генералы и адъютанты. Под стать было и жилище Гитлера. Когда он здоровался со мной, я заметил, что у него превосходное настроение. «Через несколько дней мы полетим в Париж, Брекер и Гислер тоже полетят с нами». С этим я и ушел, удивленный, что для торжественного вступления в столицу Франции победитель вызвал нас троих.

В тот же вечер я был приглашен к военному застолью у Гитлера; там обсуждали некоторые детали поездки в Париж. Речь шла, как я узнал, не об официальном визите, а именно о поездке Гитлера «с художественными целями» в город, который, по его словам, с ранних лет настолько его приковал, что ему думается, будто благодаря одному лишь изучению планов он знает его улицы и важнейшие здания, словно жил там.

...Спустя три дня после прекращения огня, рано утром, примерно в пять тридцать, наш самолет приземлился в аэропорту Ле Бурже. Три больших мерседеса уже стояли наготове. Гитлер, как и всегда, сел на переднее сиденье рядом с шофером. Брекер и я за ним на от-

кидных сиденьях, а Гислер вместе с адъютантом устроились на заднем.

Всех представителей искусства обрядили в защитно-серую форму, которая, так сказать, вводила нас в армейские рамки. Путь наш лежал через обширные пригороды прямо к «Гранд-Опера» работы архитектора Гарнье. Гитлер пожелал в первую очередь осмотреть свое любимое барочное здание. У портала нас поджидал назначенный немецкими оккупационными властями полковник Шнейдель.

Прославленная — из-за широты замысла и пресловутая — из-за перегруженности деталями парадная лестница, равно как и роскошное фойе и щедро вызолоченный праздничный зрительный зал, подверглись тщательному осмотру.

Все огни были зажжены, как при гала-представлении. Гидом выступал сам Гитлер. Седовласый капельдинер, закрывавший ложи, сопровождал нашу маленькую группу по пустынному зданию. Гитлер и впрямь основательно изучил планы «Гранд-опера»; достигнув ложи у просцениума, он заметил, что недостает салона, и оказался прав. Капельдинер подтвердил, что это помещение много лет назад было уничтожено при перестройке.

— Вот видите, как я здесь все знаю! — удовлетворенно заметил Гитлер.

Опера привела Гитлера в совершенный экстаз, он восхищался ее недостижимой красотой, глаза у него блестели, излучая восторг, как-то неприятно меня взволновавший.

Капельдинер явно понял, кого он водит по опере. Старательно, хоть и с подчеркнутой отстраненностью показывал он нам все детали. Когда мы наконец собрались покинуть здание, Гитлер что-то шепнул на ухо своему адъютанту Брюкнеру, тот достал из бумажника пятидесятимарковую бумажку и отнес ее стоящему поодаль служителю. Тот любезно, но решительно отказался. Гитлер предпринял вторую попытку и направил с той же целью Брекера, но капельдинер по-прежнему не согласился, а Брекеру объяснил, что всего лишь выполнял свои обязанности.

Далее мы проехали через Елисейские поля до Трокадеро, оттуда к Эйфелевой башне, где Гитлер снова велел остановиться, мимо Триумфальной арки с могилой Неизвестного солдата к Дому инвалидов, где Гитлер надолго застыл перед саркофагом Наполеона.

Под конец Гитлер осмотрел Пантеон, пропорции которого произвели на него глубочайшее впечатление. Зато он не выказал ни малейшего интереса к прекраснейшим архитектурным творениям Парижа: площади Вогезов, Лувру, Дворцу юстиции и Сент-Шапель.

Снова оживился он, лишь когда увидел сплошной ряд домов на Рю де Риволи. Конечной целью нашей экскурсии была церковь Сакре-Кёр на Монмартре, романтическое, приторное подражание купольным церквям раннего средневековья, — выбор неожиданный даже для знающих вкус Гитлера. Здесь он долго стоял, окруженный несколькими плечистыми парнями из службы безопасности, по-

куда многочисленные богомольцы, хоть и узнавшие его, шли мимо, не обращая внимания.

После прощального взгляда на город — быстрое возвращение в аэропорт. В девять утра экскурсия завершилась. «Увидеть Париж было мечтой моей жизни. Не могу выразить, до чего я счастлив, что сегодня эта мечта сбылась». Я даже на какое-то время пожалел его. Первый и единственный раз в Париже, три часа сделали его счастливым, когда он стоял на вершине своего успеха.

Конечно, Шпеер, будучи профессионалом высокого ранга и хорошим архитектором, прекрасно понимал убожество художественных пристрастий своего шефа, хотя частенько подпадал под его влияние, особенно при возведении монументальных официозных зданий.

Вечером того же дня он вторично принял меня в маленькой горнице крестьянского дома. Без долгих подходов он сказал: «Подготовьте текст указа, которым я велю возобновить в Берлине строительные работы в полном объеме... Разве Париж не прекрасен? Берлин должен стать еще прекраснее. Раньше я часто задавался вопросом, не следует ли разрушить Париж, — продолжал он с таким невозмутимым спокойствием, словно речь шла о простейшем деле, — но когда мы доведем до конца строительство в Берлине, Париж станет не более чем тенью. Так чего ради разрушать его?»

С тем и отпустил меня.

Потрясенный Шпеер был напуган тем, что Гитлер без тени смущения признавался в подобном вандализме. Нелишне напомнить, что Ленинград, архитектурную жемчужину Европы, как только он будет взят, Гитлер, не задумываясь, распорядился стереть с лица земли. Аналогичный замысел Гитлер успешно реализовал в Варшаве, вместо которой немцы планировали построить маленький провинциальный городок.

Уже по поводу разрушения Варшавы он реагировал подобным образом. Уже тогда он высказал пожелание не допустить восстановления этого города, чтобы забрать у польского народа политический и культурный центр. Но Варшава хоть была разрушена в ходе военных действий, теперь же Гитлер показал, что ему даже не чужда мысль по собственной прихоти и, в общем, без всякой к тому причины разрушить город, который сам же считал прекраснейшим городом Европы, разрушить его со всеми бесценными памятниками искусства. За несколько дней мне открылись некоторые из противоречий, определявших характер Гитлера, хотя тогда я, надо сказать, не воспринял их во всей остроте; он соединял в себе кричащие противоречия — от человека, который сознает всю полноту ответственности, до не рассуждающего, враждебного людям нигилиста.

Конечно, Шпеер очень мягко оценил преступные, античеловеческие замыслы Гитлера, которые, как мы знаем, были для него совсем

не случайны. Подтверждением этому служит и факт приказа перед концом уничтожить все важные объекты и промышленные предприятия Германии, а также заявление, что немецкий народ доказал свою никчемность и поэтому должен погибнуть вместе с рейхом.

Как администратор Шпеер был гением, и он смотрел на остальной двор с нескрываемым презрением. Его амбиции были миролюбивого и созидательного порядка: ему хотелось перестроить Берлин и Нюрнберг, он даже планировал (как сам грустно свидетельствовал на Нюрнбергском процессе) «за счет сумм, которые не превысили бы двухмесячных военных расходов» превратить их в величайшие города мира.

А тогда Шпеер получил на руки распоряжение фюрера, где приказывалось превзойти Париж:

Он приказал «в кратчайшее время придать Берлину вид, соответствующий величию нашей победы», и заявил: «В осуществлении этой, теперь самой важной строительной задачи рейха я вижу значительный вклад в окончательное увековечение нашей победы».

Однако увековечить победу так и не пришлось — все расширяющаяся война отодвинула планы фюрера, и им не пришлось сбыться.

Вопреки ожиданиям, немцы не только не забыли указаний фюрера по основам немецкого искусства, но даже на рубеже столетий устроили суперпроект «XX век: столетие искусства в Германии». Одна из шести выставок

этой акции называется «Сила искусства» в Старом музее Берлина.

На выставке воспроизводится макет фашистской выставки 1937 года в Мюнхене под уже известным нам названием «Дегенеративное искусство». Удивительно, но нацисты многое определили в пристрастиях послевоенных поколений, продемонстрировав в Мюнхене 1937 года многих «выродившихся» и «дегенеративных» художников, которые уже в наши дни стали законодателями новой признанной моды.

Времена идеологических проработок в Германии прошли, но нацизм остается в достаточной степени одним из краеугольных камней немецкого сознания. Иначе как расценить, что авторы выставки с пониманием цитируют рок-звезду Дэвида Боуи, который заявил, что Гитлер — одна из первых рок-звезд эпохи!

Впрочем, мы не сомневались, что у Гитлера и в современном мире есть достаточно поклонников.

Глава вторая, В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ С ДОКТОРОМ ГАНСОМ ПОССЕ

Но, конечно, никаких денег не хватило бы, чтобы приобрести все, что фашисты натащили с оккупированных территорий. Для того чтобы представить, какой размах приобрел грабеж, обратимся к свидетельству доктора Колера, ученого из бывшей ГДР.

Уже к 1938 году, сразу после оккупации фашистами Австрии, Гитлер стал подгрести под свое личное ведение все дела, связанные с культурой и искусством. Именно тогда в фашистской бюрократической машине появился термин «прерогатива фюрера» («фюрер форбе-хальт»).

Был издан его тайный приказ:

«Все наиболее ценные произведения искусства должны быть сфотографированы и представлены на рассмотрение мне — я решу их дальнейшую судьбу».

...Я нашел один любопытный материал: когда гаулейтер оккупированного Перемышля посмел не показать Гитлеру похищенные им из музея картины, его немедленно, без суда и следствия, расстреляло гестапо.

Да, рейхсминистр по восточным территориям Розенберг был отменным грабителем, но он стоял лишь на третьей ступеньке лестницы, вслед за фюрером и Герингом.

Но вот фюрер — по явной подсказке Бормана — назначает в 1944 году Эриха Коха ответственным за создание «восточного вала» против Красной армии.

Почему именно Коха?

Просто Борман должен был вознести врага Розенберга, который замыслил прибрать к своим рукам не только картины Гитлера, но и все те ценности, что были выкрадены в Советском Союзе.

Для этого Борман ввел в свою хитрую комбинацию директора Дрезденской галереи профессора Поссе.

Поначалу советы Гитлеру давал его лейб-фотограф Генрих Гофман, считавший себя знатоком Карла Шпицвега, но постоянно натывавшийся на фальшивки.

В первые годы правления Третьего рейха Гитлер привлек для создания своей коллекции умного и бесцеремонного берлинского антиквара Карла Габерштока, который в 1933 году вступил в Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Услуги для фюрера Габершток предоставлял практически бесплатно, надеясь заработать политический капитал.

Летом 1938 года Гитлер решил посоветоваться с Карлом Габерштоком, который помогал фюреру в приобретении картин для коричневого дома в Мюнхене, для Импер-

ской канцелярии и для замка в Берхтесгадене.

Решив вплотную заняться музеем в Линце, Гитлер позвал Габерштока и спросил его, кто бы мог профессионально сформировать экспозиции музея. Антиквар сразу же назвал ему Ганса Поссе, всемирно известного искусствоведа, специалиста по итальянскому и нидерландскому искусству. «Правда, — добавил Габершток, — в Дрездене его хотят сместить со своего поста, а Поссе верой и правдой служит фюреру».

59-летний Ганс Поссе занимал довольно скромную в иерархии государства должность — он был директором Дрезденской картинной галереи и стал объектом травли со стороны местных партийных функционеров, которые хотели поставить на его место своего человека и обвинили Поссе в том, что он дал приют «выродившемуся» художнику Оскару Кокошке и сохранил его полотна (также как и произведения Отто Дикса). Доктор Поссе уже готовился расстаться со своей должностью, как вдруг все волшебным образом изменилось.

Услышав о гонениях на Поссе, Гитлер рассвирепел и заявил, что дураки из Дрездена, не понимающие его великих политических идей, срывают все его планы. Борман немедленно устроил головомойку гаулейтеру Саксонии Мартину Мучману, и доктор Ганс Поссе мгновенно оказался у Гитлера. Правда, он не знал, по какому поводу, и вначале решил, что его враги в Дрездене добились своего.

Однако фюрер принял Поссе ласково и заявил, что собирается поручить ему дело всей

своей жизни — формирование «музея фюрера» в Линце.

Впрочем, есть еще одно объяснение, почему был приглашен Поссе. Анжела Раубаль, урожденная Гитлер, сестра фюрера, вторично вышла замуж за директора дрезденского строительного училища Мартина Хамича. Его училище находилось рядом с Главным государственным архивом, где директором был тайный советник Поссе — отец Ганса. Их семьи дружили. Анжела и ее муж с 23 мая по 5 июня 1938 года провели свой отпуск в доме Гитлера в горах в Берхтесгадене.

18 июня Гитлер посетил Дрезден и возвратил Поссе его прежнюю должность. Однако прошел еще целый год, прежде чем Гитлер доверил ему «Спецпоручение Линц».

Как бы то ни было, выразивший готовность беззаветно служить «дорогому фюреру», Поссе немедленно получил от Бормана специальное удостоверение, подписанное Гитлером, в котором значилось:

«Директор картинной галереи Дрездена д-р Ганс Поссе (паспорт номер VI 971/39 удостоверяется полицией комиссариатом) имеет личное задание фюрера, что я и довожу до сведения всех административных управлений в качестве руководства к действию.

Все немецкие административные управления оккупированных стран обязаны оказывать господину доктору Поссе всяческую поддержку при выполнении данного ему фюрером задания».

И Гитлер не ошибся — доктор Поссе преданно служил ему вплоть до своей неожиданной смерти в декабре 1942 года и за несколько лет сумел «собрать» огромное количество первоклассных картин и скульптур, которые целевым образом шли в специальные хранилища для «музея фюрера».

С мнением доктора Поссе считались многие специалисты и сам Гитлер. Поссе не стеснялся оборвать фюрера в разговоре, если был с ним не согласен.

Однажды Гитлер похвастался партией приобретенных картин и неожиданно подвергся разносу Поссе за пристрастие к «мюнхенской школе», по мнению профессора, провинциальной:

— Она не соответствует рангу будущей галереи, какой я ее представляю!

Вряд ли фюрер знал, что такое «мюнхенская школа», и, не терпящий никаких возражений, он робко выслушивал назидания профессора.

Но вернемся к рассказу о нем доктора Колера.

Профессор знал все, связанное с картинами и скульптурами, — выдающийся специалист; причем, знал он как те картины, которые предназначались для музея фюрера (сам отбирал как-никак!), так и те, которые были складированы в тайные розенберговские «депо».

Именно ему, Поссе, и была подброшена каким-то человеком идея о целесообразности

объединения всех культурных сокровищ в одних руках.

Поссе выдал идею за свою:

— Розенберг не умеет наладить хранение ценностей, все должно принадлежать одному хозяину.

Борман горячо одобрил эту идею (подброшенную его же человеком) и поставил вопрос, на который мог быть лишь однозначный ответ:

— Все надо объединить в руках «лучшего друга художников и скульпторов», великого фюрера Германской нации Адольфа Гитлера.

И личный искусствовед Гитлера успешно начал работу в Голландии.

28 ноября 1940 года Поссе докладывает Борману, что им отобрано 68 произведений, среди которых работы Брейгеля, Рубенса, Рембрандта, Рейсдаля, Каналетто.

Вырученную за реализацию ценностей по разделу «дегенеративное искусство» валюту Поссе получал в Дрезденском банке и тут же закупал на нее старых мастеров.

Помните, в своих беседах Гитлер упомянул о том, что он погасил задолженность одной обанкротившейся еврейской фирмы и получил прекрасную коллекцию мастеров.

В этой акции не последнюю роль сыграл доктор Поссе.

А дело было так.

Фриц Мангеймер, банкир и мультимиллионер, вовремя успел уехать из Германии в Голландию, где он собрал блестящую коллекцию картин, ювелирных изделий и гобеленов.

Внезапная смерть банкира в августе 1939 года поставила в тяжелое положение его банк в Амстердаме, который вынужден был расплатиться с кредиторами частью коллекции.

Поссе немедленно сообщил Борману о возможности по дешевке приобрести великолепную коллекцию.

4 февраля 1941 года Борман послал в Гаагу срочную телеграмму рейхскомиссару Голландии генералу Шмидту:

Срочно!

Прошу немедленно известить доктора Поссе, находящегося в Гааге, что фюрер желает закупить коллекцию Мангеймера.

Фюрер поручает Поссе купить данную коллекцию.

Прошу господина рейхскомиссара не санкционировать продажу в другие руки и оказать содействие в немедленной покупке коллекции Поссе.

Хайль Гитлер!

БОРМАН.

Рейхскомиссар «не санкционировал», и Поссе немедленно принялся за дело и преуспел, пригрозив владельцам, что «...если я картины не получу, их просто конфискует гаулейтер Шмидт как „вражеское имущество“».

«Оккупированные» владельцы, оценив ситуацию, спорить не стали, и за 5 миллионов гульденов (около 7 миллионов марок) Поссе приобрел коллекцию, которая стоила в несколько раз больше.

Особый интерес представляла для Поссе Италия — прочтем хотя бы одно донесение профессора:

*Лично рейхслейтеру
Господину Борману
Оберзальцберг под Берхтесгаденем*

*Глубокоуважаемый господин рейхслейтер!
Докладываю, что вчера, 23 марта 1941 го-
да, я возвратился из 14-дневной поездки в
Италию.*

*Благодаря предварительной работе прин-
ца Филиппа фон Гессена, стало возможным
приобрести для фюрера около 25 картин, сре-
ди них:*

*портрет неизвестного знатного мужчины
(Тициан),*

*великолепный двойной портрет Тинторет-
то (1562 г.), картины Джованни Морони, За-
львиати, Филиппо Мацолла, Макрино де
Альбы;*

*несколько полотен Бернардо Строцци,
Карло Маратти, Кастилионе, Амикони;*

*портрет жены композитора Россини на
фоне интерьера.*

*В результате этих итальянских приобре-
тений средства, предоставленные мне, оказа-
лись исчерпаны.*

*Я уже обратился к господину рейхсмини-
стру д-ру Ламмерсу с просьбой пополнить
счет в посольстве Германии в Риме.*

*По пути я побывал в Мюнхене и посмотрел
доставленные из Парижа великолепные по-
лотна Рубенса, Ф. Гальса и так далее.*

В мое отсутствие в Мюнхен прибыл четвертый транспорт с 19 картинами, а также с тремя ящиками произведений искусств, полученных в Голландии их коллекции «Кёнигса».

Картины после осмотра нашими реставраторами будут переправлены для «музея фюрера».

Хайль Гитлер!

Преданный Вам

профессор Г. Поссе.

Нет, не зря трудился энергичный профессор, и рейхслейтер Борман был им крайне доволен. И только с Эрихом Кохом Поссе не смог найти взаимопонимания.

Приехав в Кёнигсберг, чтобы отобрать ценности для Гитлера, Поссе осмотрел выставленную там в Королевском замке знаменитую Янтарную комнату, украденную немцами из Царского села.

Восхищенный Поссе немедленно заявил, что Янтарную комнату придется отправить «дорогому фюреру». Кроме того, она сослужит и другую службу — доктора советуют Гитлеру почаще находиться в благотворном янтарном поле, которое очень успокаивает (известно, что фюрер страдал приступами истерии и, конечно, нуждался в такой терапии). Это сообщение совсем не понравилось гаулейтеру Восточной Пруссии Эриху Коху, у которого были свои виды на Янтарную комнату.

Как бы то ни было, но после визита в Кёнигсберг, вернувшись в Дрезден, Ганс Поссе скоропостижно скончался 7 декабря 1942 года, хотя и был абсолютно здоров. Его похоронили

с государственными почестями. И было за что — Поссе собрал для любимого фюрера 1200 картин мастеров.

На похоронах Геббельс заявил, что доктор Поссе

с беспримерным проникновением в суть дела, с усердием ученого и рвением коллекционера блестяще выполнил поручения самого фюрера и, осуществляя свою миссию, превзошел все достигнутое им в предыдущий период. До своего последнего часа он неутомимо работал для выполнения особого задания, и можно сказать, что в результате этой деятельности он увенчал самым блестящим свершением свою столь богатую успехами жизнь... Город Линц с полным правом присвоил доктору Поссе звание почетного гражданина, ибо он оставил в этом городе нерукотворный памятник.

После капитуляции Германии американские спецслужбы в шахте Альтаусзее нашли:

5350 картин старых мастеров,
220 рисунков и акварелей,
1039 гравюр,
95 гобеленов,
68 скульптур,
32 ящика с монетами,
128 образцов оружия и рыцарских доспехов,
64 уникальных произведения старинной мебели,
79 контейнеров с изделиями художественного фарфора и стекла,
237 ящиков с книгами, свитками, рукописями и коллекциями марок.

Все это принадлежало Гитлеру и Герингу.

Ганс Поссе вел дневник, где скрупулезно фиксировал свои «приобретения».

Вдова Поссе завещала все свое имущество и дневник мужа племяннице Г. Зайлер, которая выдала дневник помощнику Поссе К. Хаберштоку — «для ознакомления», но обратно его не получила.

Помощник Хабершток решил припрятать дневник в секретном отделе Германского национального музея в Нюрнберге — ведь сведения, которые можно было почерпнуть из пометок Ганса Поссе, наверняка, стоят многие миллионы долларов.

1993 год. Дневники должны были рассекретить, но специалисты до сих пор не могут заглянуть в перечень похищенных сокровищ.

В ответ на запрос газеты «Цайт» директор музейного архива Л. Фейт заявил, что секретность дневника Поссе

сохраняется в интересах многих людей, еще живых, но участвовавших в акциях по сбору военных коллекций.

Конечно, многое рассказал бы и дневник Мартина Бормана, из которого можно узнать, чем же владел фюрер. Но и этот дневник не был рассекречен, хотя в 1996 году наступил срок предать его гласности.

А ведь именно Борман разработал «долгоиграющий» сценарий спасения сокровищ фюрера.

Глава третья, В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ С ТЕМ, КАК УСПЕШНО ПОТРУДИЛСЯ ДОКТОР ПОССЕ В АВСТРИИ

Именно в Австрии впервые проявился организаторский талант Ганса Поссе.

После присоединения Австрии в марте 1938 года были разграблены ценные еврейские коллекции произведений искусства, антикварные магазины, а также интерьеры разных дворцов (общей стоимостью до 70 миллионов имперских марок).

Поначалу не было хотя бы формального законного основания для этих акций, ибо только через полгода, в ноябре 1938 года, вышло постановление имперского министерства внутренних дел, которое легализовало «изъятие имущества у врагов государства». К врагам можно было отнести любого, кто не вписывался в прокрустово ложе чистоты арийской расы или просто не поддерживал акции нацистов.

18 июня 1938 года, в тот же день, когда Гитлер реабилитировал директора Поссе, он распорядился, чтобы картины и предметы искусства из еврейских собраний не выставлялись в австрийских ведомствах и не приобретались ведущими чиновниками.

Это касалось в первую очередь коллекции баснословно богатого барона Луи фон Рот-

шильда и его брата Альфонса. Вступил запрет на вывоз вещей из Австрии: все ценности должны быть сфотографированы, записаны в каталог и отправлены на хранение в венские «депо». Гитлер оставил за собою право принимать решение об их судьбе.

Это «Право фюрера» и легло в основу «Спец. заказа Линц».

Гитлер хотел разделить изъятые в Вене коллекции между музеями других австрийских городов, но самая большая часть предназначалась, естественно, для галереи в Линце.

Право отбора было предоставлено доктору Поссе.

Понадобились месяцы, чтобы осмотреть важнейшие экспонаты. Из 270 лишь 122 Поссе отобрал для Линца, 57 для венских музеев. Но Гитлер не согласился и еще 20 прибрал для своего музея: в Вене, мол, и так достаточно произведений искусства.

Поссе с энтузиазмом взялся за свое новое задание и решительно распорядился бывшей еврейской собственностью, не задумываясь о законности этих акций. В декабре 1939 года он писал рейхслейтеру Мартину Борману:

*Государственная картинная галерея Дрезден.
ДИРЕКТОР. Дрезден — А1, 14 декабря 1939 г.
Господину рейхслейтеру Мартину БОРМАНУ,
Берлин, Вильгельмштрассе, 64*

*Глубокоуважаемый господин рейхслейтер!
Докладываю, что с 25 ноября по 4 декабря
я находился в Кракове и Варшаве, выполняя
данное мне поручение сообщить о характере*

и количестве конфискованных произведений искусства.

Соответствующее сообщение я прилагаю к этому письму. К сожалению, у меня не было возможности явиться с докладом к господину генерал-губернатору имперскому министру доктору Франку, так как он, возвратившись в Краков после поездки по генерал-губернаторству, неожиданно вновь уехал, когда я вернулся из Варшавы. Все же я имел возможность многократно беседовать с господином помощником статс-секретаря доктором Мюльманом.

Заметим, что Кай Мюльман столь значительная фигура в нашей истории, что даже на Нюрнбергском процессе ему уделялось значительное внимание.

Затем я посетил Вену и, насколько допускали меры по сохранению ценнейших экспонатов, продолжил прерванный войной осмотр конфискованных произведений искусства, так что теперь из всего конфискованного имущества остается просмотреть только предметы, упакованные в ящиках или увезенные в другие места (часть наиболее ценных произведений прикладного искусства, графики и т. д.)

Между тем к конфискованным коллекциям добавились новые, например, собрание Бонди и собрание польского графа Ланцкоронского, содержащие, помимо произведений итальянской живописи раннего периода, античные произведения из мрамора.

В настоящее время эти коллекции, наряду с богатым фондом только что взятых на учет художественных ценностей из еврейской собственности, осматриваются, инвентаризуются и приводятся в порядок ведомством по охране памятников. Эта работа должна быть завершена в ближайшие недели, так что я могу на протяжении января просмотреть и эти фонды, подготовить предложения об их распределении и соответственно приобретении наиболее значительных произведений для Линца.

Результат этой работы представляется чрезвычайно многообещающим и будет иметь большое значение именно для музея искусств в Линце.

Далее я прошу дать указание службе безопасности в Вене, чтобы немедленно приступили к работе в обоих еще не обработанных помещениях дворца Ротшильдов в Терезианумгассе — так называемом Гаагском салоне и Музейном зале.

Здесь имеется ценная старинная облицовка стен и кожаные обои, готический камин из дикого камня, камин в стиле эпохи Возрождения. Ренессансные дверные арки и двери, изъятые части интерьера, которые будут использованы позднее, пока что следует передать на сохранение центральному складу Музея истории искусств в Новом замке. По словам господина государственного комиссара доктора Платтнера, от министерства по делам воспитания, культуры и народного образования поступит соответствующее ходатайство.

Как я узнал в Вене, еще не урегулирован вопрос об уплате налогов имперскому министерству финансов за художественные ценности обеих ротшильдовских коллекций. Представлялось бы правильным, избегая больших налоговых затруднений, освободить посредством предписания фюрера все художественное достояние Ротшильдов, учитывая общепользную цель его использования, от налогового обложения. Позволю себе указать на поступивший 26 октября рапорт директора доктора Дворжака от 23 октября.

И наконец, сообщаю, что господин старший врач доктор Рихтер, профессор Грейсвальдского университета и дивизионный врач в Варшаве, просил меня сообщить Вам, что он обнаружил в Польше очень интересные документы, относящиеся к личности нашего Роберта Коха, и хотел бы передать их Вам или фюреру.

Хайль Гитлер!

Весьма преданный Вам

Г. Поссе

Министерство финансов империи следовало чиновничьей инструкции и по глупости требовало налоговую доплату за перешедшие в собственность Рейха коллекции Ротшильдов. Поссе точно рассчитал, что фюрер своим указом отменит налог — ввиду общей значимости приобретений.

В октябре 1942 года Поссе распорядился доставить 88 ценных картин, похищенных у венского семейства Ротшильдов, со склада Музея истории искусств в Вене (кодовое название

для конспирации «охота») в свое хранилище в монастыре Кремсмюнстер.

Среди этих 88 картин ротшильдовской коллекции находились:

«Мужской портрет» Рембрандта, картины Габриела Метсю, Адриана ван Остаде, Якоба ван Ло, Яна Стена, Арента де Гелдера и Герарда Доу, «Женский портрет» немецкого мастера Амгергера, по две картины Ван-Дейка и Франса Гальса, «Мальчик и девочка» Кранаха, рисунок Антуана Ватто «Три женщины и мужчина»...

Имена, достойные самых престижных музеев.

В октябре же 1942 года сотрудник венского Института охраны памятников старины доктор Ф. Бальке отправился в монастырь Кремсмюнстер для проверки состояния ценностей и их защиты от воздушных налетов.

Транспортировка была произведена варварски, многие рамы и картины при этом пострадали, и Бальке доносил, что

разборка и транспортировка так называемой «Гаагской комнаты» из дворца Ротшильдов была произведена безответственным с искусствоведческой точки зрения образом. Большое количество деталей деревянной облицовки имеют трещины и серьезные повреждения, что свидетельствует о крайне грубом применении инструментов неопытными или, по меньшей мере, равнодушными людьми. Повреждения наносились в результате транс-

портировки. Следовало упаковать хотя бы хрупкие детали.

Часть доставленной в Кремс-мюнстер доктором Поссе коллекции ограбленного Ротшильда составляли:

деревянная облицовка «Гаагской комнаты», «Салона Людовика XVI» и Малой столовой, камин из мрамора и мраморные барельефы, мраморный камин из Малой столовой, итальянский камин из песчаника эпохи Возрождения, мраморные изделия из Музейного зала и два разобранных каминных.

Коллекция графа Ланцкоронского была реквизирована 17 октября 1939 года, а 14 декабря Поссе уже писал об осмотре ценностей в Вене.

Было изъято 1695 ценных предметов искусства, из которых Поссе значительное количество охарактеризовал как «имеющее государственное значение» и определил для «музея фюрера». Хотя поначалу задачей Поссе был отбор картин и скульптур, он сам расширил свои полномочия и брал все, что ему казалось достойным «Музея всех народов», включая обстановку, элементы отделки, зеркала, каминные, люстры, паркет, деревянную обшивку и т. д.

В июле 1941 года действия Поссе законодательно подкрепил шеф имперской канцелярии Ганс Генрих Ламмерс:

Данным указом «Право фюрера» распространяется не только на конфискованные картины, но также и на конфискованные

скульптуры, книги, мебель, геммы, оружие, ковры и т. д. в случае, если они могут считаться произведениями искусства.

Организация «Спец. заказ Линц» рассматривалась как тайное дело империи, о чем говорит письмо Ламмерса рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру от 9 октября 1940 года:

После воссоединения Австрии с Германской империей, когда в Остмарке у врагов государства было конфисковано и изъято много имущества, фюрер оставил за собой решение вопроса об использовании конфискованных и изъятых отчасти чрезвычайно ценных произведений искусства, чтобы заблаговременно исключить злоупотребление ими. Теперь фюреру сделано предложение отдать соответствующее распоряжение и относительно остальной территории Рейха.

Фюрер одобрил это предложение в том смысле, что он благоволит принимать решение только об использовании изъятых коллекций произведений искусства. Уполномоченным фюрера по подготовке таких решений является директор Государственной картинной галереи в Дрездене доктор Ганс Поссе.

Ставя Вас настоящим в известность об этом, прошу предписать по Вашим ведомствам, чтобы в случае изъятия коллекций произведений искусства доктора Поссе уведомляли об этом до того, как будут отданы распоряжения об использовании изъятых предметов, дабы решение фюрера могло последовать заблаговременно.

В ноябре 1942 года имперский министр доктор Ламмерс сообщил министрам, рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции, что особое поручение доктора Поссе с настоящего времени распространяется на предметы искусства всех видов, а также на старинное оружие.

«Спецоперация Линц» была подчинена непосредственно Гитлеру и Борману, о финансовой стороне заботился Ламмерс. Доктор Поссе окружил себя маленьким штабом сотрудников.

После его смерти Гитлер сразу же назначил четырех главных консультантов: наследник Поссе в Дрезденской галерее профессор Герман Фосс отвечал только за картины и скульптуры, за *«имеющее художественную ценность оружие»*, за *«монеты и медали»* и *«за книги и рукописи»* он назначил других специалистов.

Только ко дню рождения Гитлера 20 апреля 1943 года — спустя 3 месяца после поражения под Сталинградом — Генрих Гофман в своей газете «Искусство — народу» немного приоткрыл завесу о Линце и продемонстрировал сокровища Гитлера.

Титульный лист был украшен одной из самых известных картин мира «Мастерская художника» Яна Вермеера Делфтского, полученной из частной коллекции в Вене. Гофман писал:

Американский госсекретарь Мелон (имеется в виду мультимиллионер Эндрю Меллон) предлагал за это единственное в своем роде произведение 6 млн. долларов. Но это полотно принадлежит немецкому народу.

Об обстоятельствах Гофман умолчал — Гитлер купил ее за сумму в 1,4 млн. немецких марок плюс 250 000 марок налога, что намного ниже ее реальной стоимости.

Семья Сцернин, которой принадлежала картина, долгое время противостояла всем предложениям о продаже картины. Члены этой семьи не были нацистами, и к ним бы охотно придрались. Но при всем желании их нельзя было назвать ни *«враждебно настроенными по отношению к государству»*, ни *«близкими евреям»*. У них не было никаких налоговых долгов. Все это мешало конфисковать картину или продать ее с молотка.

Но противостоять постоянному давлению владельцы картины — братья Джеромир Сцернин-Морцин и граф Евгений Сцернин не смогли. 30 сентября 1940 года Поссе по поручению Гитлера поехал в Вену, чтобы заключить договор о покупке — фюрер торопил с приобретением шедевра. И уже 12 октября архитектор Ганс Регер получил картину, чтобы зарегистрировать ее для музея в Линце.

В 1952 году в судебных инстанциях рассматривался иск австрийского правительства о возвращении Австрии картины Вермеера *«Художник в своей мастерской»*. Для законного решения по иску требовалось официальное свидетельство о смерти Гитлера. Суд Берхтесгадена, где в конечной инстанции проходил этот иск, в октябре 1955 года отложил рассмотрение дела как по картине, так и по выдаче свидетельства о смерти Гитлера до тех пор, пока из России не вернется последний заключенный.

Очевидно, судьи надеялись, что среди этих последних возвращенцев будет и Адольф Гитлер.

«Мастерская художника» все-таки была возвращена в искусствоведческий музей Вены.

Джеромир Сцернин-Морцин пытался восстановить ее назад через суд, но проиграл во всех инстанциях — по австрийским законам бывшая собственность Рейха могла быть сохранена только в качестве репарации. А потом — ведь картина Вермеера формально была куплена у ее владельцев.

В ноябре 1942 года Поссе послал своего сотрудника Готфрида Реймеера в Вену для повторной проверки фондов собрания Ланцкоронского и возможности использовать принадлежавший ему дворец.

27 ноября 1942 года доктор Эрвин Гейниш сообщал в письме к руководителю венского ведомства по сохранению старинных зданий доктору Герберту Зейберлю:

Ценность здания определяется тем, что оно было возведено под постоянным наблюдением владельца, который является одним из достойнейших представителей венской интеллигенции конца XIX века. Поэтому здание имеет огромное значение как памятник культуры того времени.

Граф Карл Ланцкоронский, получивший еще в молодости степень доктора правоведения, вскоре увлекся археологией и историей искусств. Занятия этими науками принесли ему звание почетного доктора философии Берлинского и Краковского университетов.

Чуткий ко всем духовным веяниям внутри и вне своей страны, граф Ланцкоронский, чья любознательность была безгранична, поставил перед собой цель применить накопленные знания на своей родине. Наряду с деятельностью археолога и собиранием различных художественных коллекций он то и дело вел многотрудную борьбу за неприкосновенность исторических памятников зодчества старой Австрии. Ланцкоронский является одним из влиятельных провозвестников принципов сохранения памятников старины.

Его дворец и сокровища, собранные им, выявили широту энциклопедических познаний личности, устремленной в новую эру.

Доктор Гейниш предложил, чтобы дворец использовался как музей, а бесценные гобелены хранились достойным образом.

Но доктора Поссе совершенно не волновали энциклопедические познания бывшего владельца, а тем более его устремленность в новую эру, и он по-деловому прикидывал, что и куда можно использовать в музее «дорогого фюрера».

Впрочем, он не брал все подряд: среди предметов искусства, отобранных у Оскара Бонди (1573 экз.) Поссе заинтересовали только 150. Среди них были 4 картины Дюрера — «Благовещение», «Искушение», «Рождество Христово» и «Сретение», которые были исполнены темперой на дереве и относятся к XVI веку.

Кроме картин, реквизировано бронзовое литье, деревянная скульптура, ценные изделия художественных ремесел самых различных

жанров, большая богато украшенная кружка из обожженной глины XVI столетия, два сидящих мавра с глиняными чашками (приблизительно 1790 год), мейсенские и старовенские фарфоровые статуэтки, ценные рамы и зеркала всех видов, особенно в стиле барокко, молящиеся и парящие ангелы из дерева (XVIII век), медали, мелкие изделия из бронзы в большинстве XV—XVII столетий и многое другое.

Нацистские чиновники, желающие приобрести реквизированные ценности, заискивали перед Поссе, ибо от него зависело получение разрешения.

Генеральный референт по вопросам культуры Вальтер Томас в письме к Поссе писал 7 октября 1942 года:

Рейхслейтер господин Бальдур фон Ширах поручил мне просить Вас осведомиться у фюрера, не разрешит ли фюрер рейхслейтеру приобрести принадлежащую Эрнсту Поллаку картину П. Брейгеля «Волк нападает на пастуха». Если же фюрер сам заинтересован в приобретении этой картины, рейхслейтер просит не доводить до сведения фюрера эту просьбу. А если нет, рейхсфюрер почтет себя счастливым, если фюрер уступит ему эту картину.

5 ноября 1942 года Поссе ответил, что картина эта «не подходит для использования в соответствии с целями фюрера и может быть приобретена господином рейхслейтером». Просто это был не знаменитый Питер Брей-

гель, а его менее талантливый сын. Но осчастливленный фон Ширах этого так и не узнал.

Гитлер не останавливался ни перед чем, чтобы заполучить понравившуюся ему картину.

В начале сентября 1942 года в Вене некий доктор Герман Лебер предложил для продажи картину Тициана «Венера и Купидон» за 700 000 марок. С одним условием: деньги должны быть уплачены сразу после ее продажи.

Гитлер страстно хотел приобрести эту картину, и имперский наместник в Австрии Бальдур фон Ширах ссудил требуемую сумму. Между тем выяснилось, что данная сумма должна быть переведена в лиры, так как прежний владелец жил в Италии.

У рейхсминистра Ламмерса возникли серьезные опасения, что министерство финансов запретит перевод валюты в Италию *«для всех дел, не являющихся необходимыми и нужными в ходе военных действий»*.

С пометкой *«Поторопитесь. Как можно скорее.»* Борман 26 октября 1942 года из главной квартиры фюрера передал по радио распоряжение, и Ширах дал согласие на перевод.

Ламмерс не был согласен с этим — без ведома Гитлера он не хотел заниматься операциями с валютой. Но Гитлер не нашел в этой акции ничего предосудительного, одобрил перевод валюты, *«так как картина уже приобретена им»*. Очевидно, фюрер посчитал картину *«необходимой и нужной в ходе военных действий»*.

Уже в октябре 1939 года Поссе через Бормана послал Гитлеру список 85 произведений искусства, отобранных для Линца. Затем он

проверил все списки изъятых в Вене произведений искусства и появился

«Перечень предназначенных для Линца картин по состоянию на 31 июля 1940 года».

В нем было 20 страниц и перечислялось 469 картин итальянских, французских, нидерландских и немецких художников XV—XX веков. 327 картины было изъято в Вене, 110 находились в резиденции фюрера в Мюнхене.

В списке 14 картин немецких мастеров XV и XVI столетий, среди них «Мужской портрет» Ганса Гольбейна Младшего, четыре картины, исполненные темперой на дереве, приписываемые Дюреру, один кельнский и один швабский мастер XV века, Амбергер, Зейзенэггер и Йорг Ратгеб.

21 картина немецких мастеров XVII и XVIII столетий — Христиан Дитрих, Антон Граф, Иозеф Грасси.

114 полотен немецких и австрийских мастеров XIX и XX столетий: Фердинанд Вальдмюллер, Фридрих Амерлинг, Петтенкофен, Рудольф фон Альтс, Франц Дефрегер, Карл Блехен, Адольф Менцель, Иоган Грунд, Эмиль Якоб Шиндлер, Ансельм Фейербах, Арнольд Бёклин, Карл Шпицвег, Вильгельм Лейбль, Шперль, Ханс Тома, Фриц Уде, Трюбнер, Готгард Кюль, Генрих Цюгель, Франц фон Штук и Франц фон Ленбах.

Список продолжают 6 нидерландцев XV и XVI веков и 98 картин нидерландских мастеров XVII века, среди которых 3 картины Рубенса, 5 — Ван-Дейка, 3 — Франса Гальса,

картина Рембрандта, полотна Аэрта де Гальдера, Фердинанда Боля, Герарда Доу, Габриела Метсю, Герарда Терборха, Яна Стена, Адриана ван Остаде, Соломона ван Рейсдаля, Гондекотера и Виллема Класа Геды.

Затем 35 итальянцев — Якопо Тинторетто, Джованни Тьеполо, Доссо Досси, Лоренцо Лотто, Бернардо Строцци, Алессандро Маньяско, Джованни Антонио Каналетто и 4 картины Бернардо Белотто.

34 французских мастера и 2 английских. Среди французов 2 работы Фрагонара и 3 Буше.

«Всего предназначено для галереи в Линце картин 324». 17 полотен — «резерв для декоративных целей, к которым отнесены Гвидо Рени, Ян Брейгель, Адриан ван де Вельде и Мельхнор Гондекутер. Несколько картин „для заполнения стен и размещения над дверями“».

В заключение на пяти страницах *«резерв для художественного музея в Линце»* — всего 469 полотен.

Два увесистых тома озаглавлены:

«Заявки на приобретение картин из конфискованных художественных фондов»:

а) списки художественных произведений с указанием их прежних владельцев;

б) списки, сгруппированные по музеям, подавшим заявки. В основном небольшие провинциальные музеи, кроме венского — им выдавались остатки от Линца.

После конфискации в 1939 году коллекции музыкальных инструментов, принадлежащей Антону Ротшильду, обнаружилось три инструмента, «принадлежность которых пока не установлена» (письмо генерального референта по вопросам культуры имперского наместника в Вене от 2 ноября 1942 года). Эти три раритета — виолончель Антонно Страдивари, скрипка Андреа Гварнери и альт Карло Бергонци были отданы музею музыкальных инструментов в Вене.

Постепенно «депо», предназначенные для хранения художественных шедевров, заполнялись.

Доктор Поссе с воодушевлением трудился над воплощением Голубой мечты «дорогого фюрера».

Уже в наши дни, за три дня до наступления 2001 года, в прессе появилась любопытная заметка:

Госсекретарь попала под реституцию.

Государственный секретарь США Мадлен Олбрайт отказалась возвращать прежним владельцам картины, некогда нелегально вывезенные из Праги ее отцом.

В интервью австрийской газете «Neue Kronen Zeitung» Мадлен Олбрайт заявила, что двадцать картин голландских мастеров XVIII века и коллекция серебра законно унаследованы ею от отца и являются собственностью семьи Олбрайт. По мнению госсекретаря США, австрийское семейство, владевшее этой коллекцией до 1945 года, теперь не имеет на нее никаких прав.

Скандал вокруг картин Мадлен Олбрайт разгорелся, когда наследники австрийского промышленника и землевладельца Карла Небриха послали ей ультиматум, в котором требовали вернуть принадлежащие им картины.

За несколько лет перед этим Мадлен Олбрайт, тогда еще американский посол в Венгрии, имела неосторожность посетить в Праге дом, в котором в 1945-м жил ее отец Йозеф Корбел, чиновник послевоенного чешского правительства.

Как оказалось, вплоть до того момента, когда Прагу заняли советские войска, в этом особняке жило семейство Небрих-Хармер. В 1945-м члены семейства сбежали от коммунистов в Австрию — на всякий случай, так как никто из семьи с фашистами не сотрудничал.

В опустевший особняк вселили Йозефа Корбеля с семьей и десятилетней дочкой Мадлен. Спустя полгода Корбеля перевели в Белград. Он взял с собой картины и серебро из особняка; тот же багаж сопровождал дипломата, когда он эмигрировал в США.

Австрийское семейство Хармер уже использовало все способы воздействия на американскую «железную леди». Начали с корректного «Мы не верим, что семья госсекретаря США получает удовольствие от вещей, которые им не принадлежат».

Закончили агрессивным «Ее отец вел себя гадко, угрожал и отобрал у нас картины». Члены семьи Хармер особенно нажимают на то, что Мадлен Олбрайт выступает как сторонница возвращения незаконно перемещенных

предметов искусства их прежним владельцам, в частности, жертвам холокоста.

Притом наполовину евреем был как раз отец Мадлен Олбрайт, который вынужден был бежать из Чехии во время нацистской оккупации, а Хармеры — чистокровные немцы.

Сейчас, не имея политической поддержки со стороны австрийского правительства, Хармеры практически прекратили борьбу против госсекретаря США. Ее обвиняют в двойном стандарте. Как госсекретарь она — за реституцию, как коллекционер — против.

И ее скорая отставка, вероятно, лишь укрепит ее в нежелании ничего никому не отдавать.

Такой своеобразный бумеранг.

Однако произошедшая совсем недавно смена президента США и отставка Олбрайт вполне могут и обострить конфликт. По крайней мере, вряд ли Олбрайт может спать спокойно.

Рано или поздно украденное могут потребовать вернуть через суд.

**Глава четвертая,
ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ,
КАК ШЛА БОРЬБА
МЕЖДУ ДОКТОРОМ ПОССЕ
И РЕЙХСМАРШАЛОМ ГЕРИНГОМ**

28 января 1941 года Розенберг пишет рейхсказначею Шварцу об успешной конфискации в Бельгии и Голландии:

Я уже сообщал о ценностях, достигающих примерно миллиарда марок. Открывающийся вскоре институт во Франкфурте-на-Майне уже сейчас обладает крупнейшей в мире еврейской библиотекой, насчитывающей 350 тысяч томов, и можно предполагать, что сюда из Голландии поступят еще примерно 200 тысяч томов. Библиотеку II Интернационала из истории социального движения из-за недостатка места я в настоящее время не могу отправить в Германию и оставляю ее под присмотром двух доверенных лиц в Амстердаме, где они немедленно могут приступить к научной работе. Эта библиотека насчитывает 130 тысяч томов.

Немцы вывезли ценнейшую библиотеку Клоссиана, которую в 1930 году американские масоны намеревались купить за 5 миллионов долларов. Конфискована библиотека Общест-

ва Спинозы в Гааге и библиотека Дома Спинозы в Рийнсбурге, «особо важные для исследования проблемы Спинозы», ценнейшая библиотека объединения теофистов в Амстердаме, «содержащая бесценные произведения о санскрите» и другие библиотеки. «Рабочий штаб» оценил их в 30—40 миллионов марок.

Из рабочего доклада зондерштаба «Изобразительное искусство» о деятельности на территории Западной Европы с октября 1940 года по июль 1944 года, представленного Розенбергу, Герингу и Гитлеру:

К 15 июля 1944 года научно обработаны 21 903 предмета искусства, в том числе:

картины, пастель, акварели, рисунки — 5281,

миниатюры, рисунки по стеклу и эмали, книги и рукописи — 684,

скульптуры, изделия из терракоты, медальоны и барельефы — 583,

предметы обстановки художественно-исторической ценности — 2477,

гобелены, ковры, вышивки — 583,

изделия ручной работы — фарфор, бронза, фаянс, майолика, керамика, украшения, монеты, изделия из драгоценных камней — 5825,

восточноазиатские предметы искусства — бронза, фарфор, скульптура, картины, ширмы, оружие — 1286,

античные произведения искусства — скульптура, бронза, вазы, украшения, сосуды, резной камень, терракота — 259.

Эти цифры неполные, поскольку конфискация на Западе еще не окончена, и из-за недо-

статка в специалистах часть изъятых предметов не была научно инвентаризирована...

Необычайная художественная и материальная ценность изъятых сокровищ не может быть выражена в цифрах. Стильная мебель XVII—XVIII веков, гобелены, предметы античного искусства и украшения эпохи Ренессанса, принадлежавшие Ротшильдам, столь уникальны, что их невозможно оценить, ибо в продаже не появлялось аналогичных вещей.

О художественной ценности коллекций в рамках короткого доклада тоже можно сказать лишь вкратце. Среди собранных картин, пастелей и рисунков находятся несколько сотен произведений высшего качества — шедевры европейского искусства, которые могут украсить любой музей. Среди них безусловные и подписанные произведения Рембрандта, Рубенса, Франса Гальса, Вермеера Делфтского, Веласкеса, Мурильо, Гойи, Себастьяно дель Пьомбо, Пальма Веккио и т. д.

На первом месте среди изъятых произведений живописи стоят полотна знаменитых французских мастеров XVIII века — шедевры Франсуа Буше, Антуана Ватто, Шацинта Риго, Никола Ларжильера, Натье, Оноре Фрагонара, Патера, Данлу и Франсуа де Труа. Эта коллекция может потягаться с собранием крупнейших европейских музеев. Она содержит множество произведений виднейших французских мастеров, которые до сих пор были неполно представлены в лучших немецких музеях.

Весьма значительно также количество шедевров голландской живописи XVII—XVIII веков. В первую очередь здесь следует назвать произведения Ван-Дейка, Саломона Рейсдаля, Ваувермана, Терборха, Яна Веникса, Габриэля Мэтсю, Адриана ван Остаде, Якоба Рейсдаля, Давида Тенирса, Питера де Гоха, Виллема ван де Вельде и др.

Великолепна и коллекция английской живописи XVIII—начала XIX веков, включающая шедевры Рейнолдса, Ромни и Гейнсборо.

Среди немецких мастеров следует выделить Кранаха и Амбергера.

По стоимости еще более ценной является, пожалуй, коллекция французской мебели XVII и XIX веков. Речь идет о сотнях прекрасно сохранившихся и в большинстве случаев подписанных произведений наиболее известных мастеров эпохи от Людовика XIV до Людовика XVI. Для только теперь оцененного в искусствоведении значительного вклада немецких мастеров по дереву в этот расцвет французского мебельного искусства названная коллекция имеет неоценимое значение.

Собрание гобеленов и персидских настенных ковров включает огромное количество всемирно известных экземпляров. Коллекция изделий ручной работы и собрание украшений эпохи Ренессанса, принадлежавшие Ротшильдам, по своей ценности не имеют себе равных.

Уже спустя день после капитуляции Голландии, 16 мая 1940 года, в Гаагу прибыл доктор Каетан Мюльман. До 1938 года он работал агентом Геринга в Вене. Уже в Польше Мюль-

ман выделился, конфисковав 30 рисунков Дюрера. Геринг широким жестом подарил их Гитлеру, который украсил рисунками свой главный штаб.

Служба Мюльмана в Голландии тесно сотрудничала со «Спец. заказом Линц». В июне 1941 года в страну прибыл доктор Ганс Поссе. Толпы немецких скупщиков произведений искусства внесли сумятицу на рынок и способствовали скачку цен.

Поэтому Поссе ходатайствовал перед Борманом об ограничении в будущем цен до 1000 гульденов за произведение искусства. Конечно, ему самому это не мешало при необходимости платить любую цену — деньги не играли для Гитлера никакой роли. Чтобы Поссе мог в любой момент платить наличными и опережать других покупателей, он распорядился открыть специальный счет в Роттердамском банке Гааги. Деньги переводились рейхсминистром Ламмерсом через банк «Деллюбрюк Шиклер и компания» (особый счет отчисления промышленников Гитлеру).

Только для Поссе в Голландии к 23 января 1942 года было переведено 7,5 млн. имперских марок. Спустя полгода Поссе потратил еще 2,7 млн. и попросил снова пополнить счет. И эти деньги Поссе потратил не зря.

Ранее, 28 ноября 1940 года, Поссе писал Борману:

Докладываю, что в последующие дни в здание фюрера в Мюнхене будет отправлена первая часть преимущественно голландских приобретений (48 картин и скульптур).

Он, как всегда, посылал лучшее из лучшего: Брейгель, Рубенс, Рембрандт, Рейсдаль, Каналетто. Одно сообщение сменяло другое:

15.01.1941 — рисунки из собрания Кениг,
25.02.1942 — 26 картин, а среди них «Несение креста» Брейгеля Младшего и три Рубенса, «Мужской портрет» Рембрандта и один Ян Стен «Выдача невесты»,
25.07.1941 — 18 картин, среди которых Гойя, Ватто, Тинторетто,
30.07.1941 — перспективы приобретения «Натюрморта с павлином» Рембрандта.

Один современник позднее вспоминал, как однажды встретил в Дрездене профессора Поссе, который возвращался из банка «с сумками, набитыми голландской, бельгийской и французской валютой». Он хотел поехать ночным поездом в Гаагу, чтобы приобрести для Гитлера две картины Франса Гальса. На вопрос, что будет, если он не получит картины, Поссе сразу же ответил: «Если их там нет, они будут конфискованы гаулейтером Зейсс-Инквартом».

Ну а на практике всегда хватало угрозы, и антиквары или владельцы уже готовы были продать желаемое или скинуть цену. Картины, полученные вот таким «легальным» образом, украшают сегодня немецкие музеи.

На Нюрнбергском процессе отмечено, что с марта 1942 по июль 1943 года в Голландии были разграблены 22 623 квартиры. Для транспортировки награбленного использовались 586 речных барж и 176 товарных вагонов.

Включение Голландии в «Великогерманскую империю» не помешало грабежу. Музеи были закрыты, а их коллекции во время войны перевезли в специальные хранилища на берегу Северного моря.

К директору музея Мариурицхёйс доктору Мартину во время инспекционной поездки по Голландии явился генерал-фельдмаршал фон Браухич. Он пожелал посмотреть самую ценную картину музея.

Директор был несколько озадачен и решил показать фон Браухичу «Девушку с жемчужиной» Вермеера Делфтского. На один день картину выставили в музее, и фельдмаршал в сопровождении эскорта мотоциклистов торжественно прибыл в музей. Посмотрев на картину несколько секунд, Браухич саркастически улыбнулся и рассмеялся:

— Скажите, господин директор, она, должно быть, еврейка?

Доктор Мартин не нашел, что ответить, и возмущенный фельдмаршал столь же стремительно покинул музей.

Рейхскомиссар оккупированной Голландии Зейсс-Инкварт передал на хранение в Музей Франса Хальса несколько присвоенных им рисунков. Вероятно, беспокоясь об их сохранности, он распорядился о запрете появляться в музее, имея при себе оружие.

Неожиданно жертвой этого приказа стал глава вермахта в Голландии генерал Христенсен. Генерал был огорошен заявлением директора музея:

— Господин генерал, могу я обратить ваше внимание на предписание, запрещающее

военнослужащим вермахта входить в хранилище, имея при себе оружие? Я вынужден просить вас оставить свое оружие здесь.

Генерал подозвал адъютанта и спросил:

— Что это за тип?

Адъютант растерялся, а директор снова вежливо обратился к генералу:

— Могу я обратить ваше внимание, господин генерал, на распоряжение рейхскоммиссара Зейсс-Инкварта, подписанное, как вы видите, им лично?

Генерал пробежал глазами документ и, придя в ярость, немедленно покинул музей, выкрикнув:

— И все это из-за каких-то дерьмовых картин!

Д-р Ганс Поссе скупал ценности по довольно низким ценам, но у него были конкуренты. Геринг направил в Голландию своего уполномоченного д-ра Кая Мюльмана, который до этого славно потрудился в Польше и на которого работало несколько агентов.

Будучи директором Дрезденской картинной галереи, Поссе весь свой архив по формированию «музея фюрера» держал там. Он в значительной степени сохранился, и сегодня можно ознакомиться с большим количеством документов, отражающих плодотворную деятельность д-ра Поссе на ниве разграбления сокровищ Европы.

Швейцарский подданный д-р Отто Ланц проживал в Голландии и сумел собрать в течение многих десятилетий прекрасную коллекцию художественных произведений. Д-р Ланц

скончался, а его вдова, проживавшая в Швейцарии, и два сына и дочь, жившие в Голландии, стали наследниками.

Еще до оккупации Голландии, братья Ланц перевезли коллекцию из Швейцарии в Амстердам, где ее выставили в музее. Оккупировав Голландию 10 мая 1940 года, гитлеровцы запретили возвращение коллекции в Швейцарию. Поссе немедленно стал активно действовать, чтобы заполучить это редкое собрание ценностей.

И было из-за чего стараться — 431 художественное произведение, в том числе более 60 скульптур из терракоты, камня и дерева и более 60 итальянских изделий из бронзы, барельефы, а также античная итальянская мебель и изделия ручной работы. Самое ценное в коллекции — 132 полотна итальянских живописцев, в том числе Бассано, Тинторетто, Пальма Веккио, Веронезе, Доссо Доси, Анибале Караччи, Лодовико Караччи, Джакомо Франча, Лоренцо ди Креди и «Святой Стефан» Джоттино (XIV век).

Переговоры о «приобретении» коллекции Поссе начал осенью 1940 года и вел их многие месяцы. Он встретился с фюрером, о чем информировал рейхсминистра и начальника имперской канцелярии д-ра Ламмерса в письме от 6 января 1941 года:

По моему докладу фюрер некоторое время назад уполномочил меня вступить в переговоры о покупке выставленной в настоящее время в Рейксмузее в Амстердаме коллекции скончавшегося д-ра Отто Ланца. В это со-

брание входят почти исключительно итальянские полотна, скульптура и мебель XIV—XVI веков.

Приобретение их дало бы возможность расширить пока еще небольшой отдел старинного итальянского искусства в Линце, что иначе было бы сделать очень трудно, если не невозможно, из-за отсутствия подобных итальянских произведений на художественном рынке...

Собрание Ланца по своей стоимости неравноценно, однако среди предметов, заполняющих в настоящее время целый ряд залов и кабинетов Рейксмузея, есть так много драгоценных произведений — итальянских полотен, скульптур, предметов мебели эпохи Возрождения и т. д., что приобретение его было бы, несомненно, стоящим делом. То из собрания, что не подошло бы для Линца или других немецких музеев, могло бы быть продано с аукциона по хорошей цене...

Хайль Гитлер!

Директор государственной картинной галереи

Д-р Поссе.

24 января 1941 года Поссе обращается к Борману с просьбой о предоставлении валюты для покупки коллекции «по заданию фюрера»:

Я придерживаюсь мнения, что, учитывая достоинства и уникальность коллекции Ланца, достигнута граница контрпредложения. Я полагаю также, что покупка при таких

обстоятельствах была бы чрезвычайно благоприятной, и прошу разрешения закупить эту коллекцию, которая, несмотря на некоторые слабые произведения, содержит много таких ценных художественных произведений старинного итальянского искусства, какие сейчас едва ли могут быть вывезены из Италии.

Поскольку на этой и на следующей неделе я буду проездом в Вене и в Мюнхене, я был бы очень благодарен, если бы положительное решение о сделке как можно быстрее было сообщено непосредственно на имя г-на рейхскомиссара оккупированных нидерландских областей и передано моему доверенному советнику посольства В. Викелю, Гаага, чтобы можно было совершить сделку.

Хайль Гитлер!

Весьма преданный Поссе.

Через день, 26 января Борман отправил генеральному комиссару в Голландии Шмидту-Мюнстеру телеграмму:

Директор Поссе уведомил меня о ходе его переговоров относительно собрания Отто Ланца. Прошу вас, сообщите советнику посольства Викелю, что сделка должна быть заключена.

Борман.

Поссе получил копию телеграммы. 13 января начальник имперской канцелярии Ламмерс ответил на письмо Поссе, что он дал указание имперскому министерству экономики выде-

лечь требующиеся для покупки коллекции Ланца швейцарские франки и голландские гульдены.

Поссе и советник посольства Викель вели переговоры с проживавшим в Амстердаме сыном Ланца Г. Б. Ланцем и его голландским адвокатом К. Г. Пау. Наследники получили 2 миллиона швейцарских франков и 350 тысяч голландских гульденов. Семья Ланца настаивала на платеже всей суммы в швейцарских франках, однако они получили на миллион швейцарских франков меньше, чем рассчитывали.

Плату в обесцененных марках голландцы рассматривали как грабеж. К моменту капитуляции Германии в банках Голландии скопилось 9 миллиардов бумажных марок, которые никакой цены не имели. После оккупации Голландии с 15 мая 1940 года была ликвидирована квота на ввоз немецкой валюты (10 марок) и в страну хлынул поток обесцененных немецких денег.

В письме адвоката наследников Ланца К. Г. Пау от 27 января 1941 года на имя советника посольства Викеля указывалось, что *«предложенная нам сумма намного ниже выдвинутых мною до этого условий»*. Поссе, конечно, хорошо это знал, тем более что 29 ноября 1940 года Викель сообщил, что ему предложили нелегально около 300 тысяч гульденов за один-единственный экземпляр из собрания Ланца. 29 января 1941 года Викель писал в донесении генеральному комиссару Шмидту-Мюнстеру, что покупная цена может считаться *«довольно-таки низкой»*.

Адвокат Пау попросил разрешения для Г. Б. Ланца вывезти в Швейцарию некоторые произведения из его собственности, «которые не входят в продающуюся коллекцию и которые семья хотела бы, руководствуясь традицией, сохранить у себя в Швейцарии».

Викель с милостивого согласия Поссе решил вывоз из Голландии и свободный провоз через Германию восьми полотен — по одной картине мастеров Венгрии, Боттичини, Майнарди, Ван-Гога, Гогена, Фердинанда Боя, Герарда Доу и Паулюса Поттера.

Только за эти восемь картин семья Ланца сегодня получила бы намного больше, чем за 431 художественное произведение выплатил ей Поссе. 8 марта 1941 года вдова Ланца пишет из Цюриха советнику посольства Викелю:

Мне нелегко было сказать последнее «да» уже по одной той причине, что согласованная цена далеко не соответствует капиталу, вложенному в свое время моим мужем в его коллекцию. Кроме того, эта коллекция — результат 40-летнего труда моего мужа и моего труда и поэтому имеет духовную ценность, которую невозможно ничем компенсировать.

Но понятие «духовная ценность» было категорией недоступной для господина Викеля.

Поссе принудил помогать ему в этой операции Н. Катца, голландца еврейского происхождения, очень компетентного специалиста

на рынке продаж художественных произведений. Для привлечения Катца Поссе получил согласие Гитлера. В переписке имя Катца никогда полностью не называлось — речь шла о К. или Н. К. В задачу Катца входила и подготовка нового рынка для приобретений в Швейцарии. Чтобы получить разрешения для еврея, потребовалось не только согласие службы безопасности в Голландии, но и самого Гейдриха.

Согласно телеграмме Викеля, Поссе, Катц и Г. Б. Ланц могли выехать в Швейцарию 27 февраля 1941 года. В связи с возражениями бдительных нацистов, Викель срочно сообщал генеральному комиссару Шмидту-Мюнцелю 10 февраля 1941 года:

Г-н доктор Поссе, который тем временем снова уехал, хотел бы, чтобы торговец картинами Катц получил визу в Швейцарию на 10 дней, чтобы сориентироваться там насчет положения на рынке или возможных покупок в Швейцарии. Согласно сообщению г-на д-ра Поссе, он обсуждал этот вопрос с рейхскомиссаром и генеральным комиссаром Шмидтом.

Следует указать на то, что задержка с выдачей визы может серьезно помешать намеченной покупке собрания Ланца.

Что касается личности Катца, то разделяется мнение д-ра Поссе, а именно — что в его возвращении к определенному сроку из-за границы сомнений нет. Имущество Катца, а также его жена и дети остаются здесь и находятся во власти немцев.

Одержавший еще одну победу, доктор Поссе нажимал на все рычаги:

Государственная картинная галерея в Дрездене

Дрезден-А1 18 ноября 1940 года

ДИРЕКТОР

Рейхскомиссару в оккупированных нидерландских областях

Вручить советнику посольства В. Викелю Гаага, Лаан Кобус ван Каттенбурх.

Высокоуважаемый г-н советник посольства!

С большой благодарностью подтверждаю получение телеграммы от 15 ноября, касающейся второго транспорта с картинами. Груз благополучно прибыл сюда 16 ноября. Об отдельном ящике уже извещено.

Вчера, 16 ноября, я был на докладе у фюрера. Коллекцию Ланца я должен купить. Я был бы Вам весьма признателен, если бы Вы как можно быстрее подключили к этому Н. К., чтобы он договорился о деле. Вы вполне можете ссылаться на категорическое поручение фюрера, а рейхслейтер Б. поставлен в известность о том, что Вы любезно согласились взяться за это дело. Если с какой-то другой стороны возникнут трудности, прошу сообщить по телефону или телеграфу, чтобы я мог указать на поручение фюрера.

С собранием рисунков К. фюрер вполне согласен. Быстрому завершению ничто не препятствует, как только поступят списки и

как только они будут сверены с помощью доктора Бёрнера. Я тоже явлюсь к завершению. Пока что не знаю, как я это устрою, так как, согласно полученному сегодня сообщению, мне предстоит быть 27—30 в Боутцене.

Большая часть картин из коллекции Мангеймера уже передана фюреру. Отсутствуют только две из недавно включенных в список.

Надеюсь, что ваши дела в порядке. За все Ваши любезные усилия горячо Вас благодарю. С сердечным приветом.

Хайль Гитлер!

С почтением ваш Поссе.

P. S. Ваш знакомый по Индии, имени которого я не знаю, человек, близкий фюреру, вчера обратился ко мне на «Вы».

Видимо, сам Катц оказал большое содействие, и ему, Катцу, повезло: вместе со всей семьей он в 1942 году уехал в Швейцарию, где и умер в Базеле. После войны его семья вернулась в Голландию, и сыновья создали в Гааге большой торговый дом, а их фирма специализировалась на собирании произведений мастеров XVII и XIX веков.

В письме Поссе упоминается коллекция рисунков К. — речь идет об уникальной коллекции немецкого банкира Франца Кёнигса, проживавшего в Голландии. 2000 рисунков старых мастеров, среди них 22 — Дюрера, 7 рисунков Грюневальда, 43 — Рембрандта, 27 — Рубенса, 30 — Тинторетто, 46 — Тьеполо, 18 — Ватто,

20 — Делакруа, 23 — Домье, 21 — Дега, 28 — Сезанна, 2 альбома с 500 рисунками Фра Бартоломмео, рисунки венецианских и французских художников XVIII—XIX веков, несколько рисунков голландцев.

Еврей Франц Кёнигс передал свою коллекцию одному голландскому банку, у которого ее купил роттердамский миллионер ван Бойнинген. Это совсем не помешало Поссе отобрать из коллекции 600 особенно ценных рисунков для «музея фюрера в Линце». Впрочем, миллионеру повезло, ибо за эти 600 рисунков ему заплатили 1,5 миллиона гульденов.

В том же письме Поссе упоминается коллекция Мангеймера, в которую входила картина Рембрандта «Портрет врача Эфраима Бонуса».

Еврейский банкир д-р Мангеймер бежал в свое время из Германии в Голландию, но немцы пришли и сюда. Мангеймер обанкротился в 1939 году, и его коллекция досталась кредиторам. Поссе провел работу, в результате которой все новые владельцы коллекции выразили желание продать свои картины за голландские бумажные деньги, которые, как известно, печатали сами немцы, и стоимость их была весьма обесценена.

19 декабря 1940 года Поссе пишет своему другу Викелю:

В прошлое воскресенье меня срочно вызвали в Мюнхен. В понедельник там осматривали присланные нами 70 картин. Это вызвало всеобщее одобрение. Как можно скорее туда нужно отправить новые посылки.

В ожидании славы
великого зодчего.

Линцу уготована судьба великой столицы на Дунае.

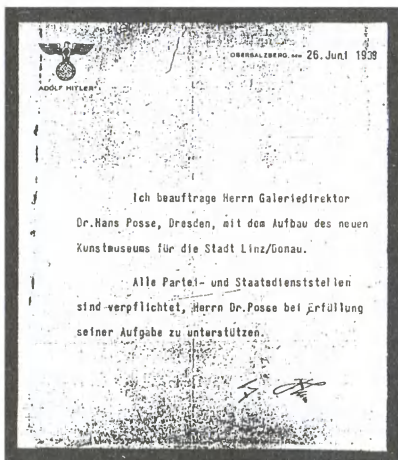

Родной город Гитлера Линц. Дома родителей и опекунов.

Прелестница Ева Браун.
Ей удалось завоевать
великого диктатора.

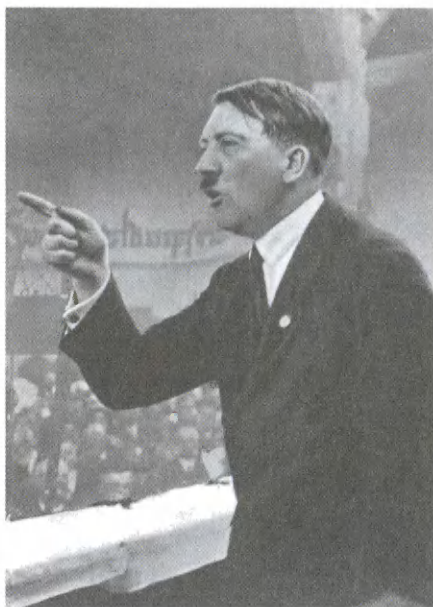

Своему уполномоченно-
му Хансу Поссе Гитлер
доверил комплектова-
ние Музея всех народов.

Немецкий народ
должен понять...

Гитлер неустанно изучал ораторские приемы воздействия на толпу.

Альберт Шпеер отработывал эстетику парадов.

Альберт Шпеер.

Авторы грандиозных архитектурных проектов Гитлер и Шпеер.

Париж. На память о своем любимом городе.

После посещения Парижа Гитлер размышлял, как и когда его уничтожить.

В рейхсканцелярии. Переговоры с Молотовым.
Ноябрь 1940 года.

После подписания пакта — тост за здоровье Гитлера.
24 августа 1939 года.

Рейхсканцелярия после падения Берлина.

На съезде в Нюрнберге, 1933 год.
Теперь они знают, как переустроить мир.

Нюрнбергский трибунал.

Маршал Г. К. Жуков и генерал Д. Эйзенхауэр после подписания соглашения о капитуляции Германии 7 мая 1945 года.

Нюренбергский процесс. На скамье подсудимых

Юный и стройный Геринг.
Пока еще бедный

Герман Геринг — теперь он уже владеет второй после
фюрера коллекцией художественных сокровищ.

Новгород Великий.
Памятник Тысячелетию России.

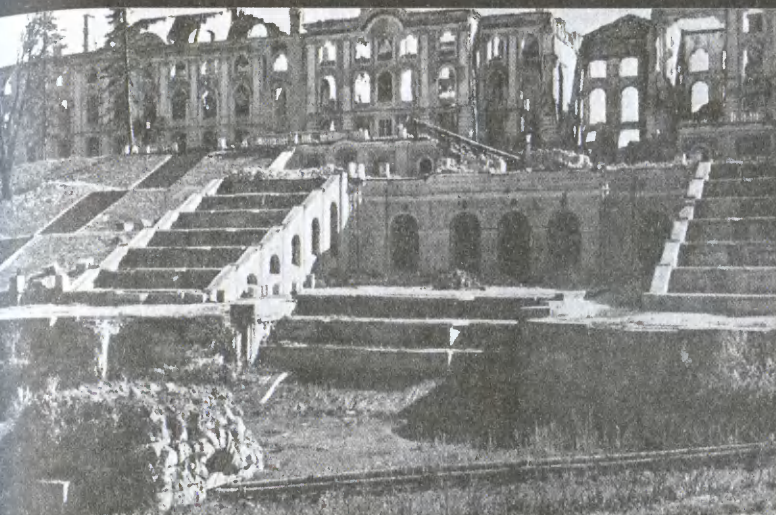
Это все, что осталось от памятника Тысячелетию России
после освобождения Новгорода.

Варшава — уже все готово к созданию нового немецкого города.

Руины замка на площади Троицы в Будапеште.

Некогда блистательный Большой каскад Петродворца.

Ясная Поляна. В этой комнате Лев Толстой писал «Войну и мир». Немцы превратили ее в казарму.

Город Клин, подмосковье. Музей П. И. Чайковского после ухода немцев.

Георг Штайн. Потратил все свое состояние на поиск русских художественных сокровищ.

Полина Кульженко. Она пожертвовала собой для спасения художественных ценностей.

Вокруг приобретения коллекции Ланца развернулась ожесточенная борьба — 17 октября Геринг лично прибыл в Голландию, надеясь за­получить коллекцию. Викель немедленно ин­формировал об этом Поссе: «„*верховный шеф всех воздушных пространств*“ прибыл к генераль­ному комиссару. После его визита особоуполно­моченный Кай Мюльман весьма старательно принялся за добывание коллекции Ланца». Викель сразу же известил об этом Поссе, а неделю спустя, 20 ноября 1940 года, писал ему:

Известные Вам люди, также находящиеся здесь в связи с коллекцией Ланца, все еще дей­ствуют весьма энергично, в частности, уст­раиваются завтраки с Ланцем или его адвока­том и т. д. Но сегодня утром я получил окон­чательное разрешение генерального комиссара Шмидта подготовить покупку коллекции ис­ключительно для Вас, причем Шмидт добавил, что известные люди, по-видимому, закупили уже весьма много картин и что в случае воз­никновения у Вас каких-либо трудностей его следует окольным путем поставить об этом в известность.

В условиях ожесточенной и вполне опасной борьбы за ценности комиссар Шмидт на вся­кий случай соблюдал осторожность.

10 января 1941 года советник Викель сооб­щил Поссе, что он узнал из надежного источ­ника, что

до конца 1940 года из Голландии в Германию были вывезены картины стоимостью 8 мил­

лионов гульденов. В эту сумму не входят Ваши последние покупки, т. е. покупка коллекции ван Бойнингена, и примерно 250 тысяч гульденов за последние скупленные картины.

В эти 8 миллионов вошли покупки рейхс-маршала и каких-то ему не знакомых лиц. Поссе ответил письмом 20 января:

Я обязательно воспользуюсь этим, чтобы по возможности положить конец деятельности этих людей. Я только что говорил по телефону с рейхслейтером Б. (Борманом) насчет этого дела.

Борман дал указание рейхскомиссару помогать только Поссе. 29 января 1941 года Геринг еще раз приезжает в Голландию, но тщетно. Викель 27 февраля записывает:

Как сообщил мне вчера г-н Ланц, пришедший с прощальным визитом, до последнего времени торговец картинами Пех (немец) пытался по поручению статс-секретаря Мюльмана сорвать путем контрпредложений покупку коллекции д-ром Поссе. На основе моего прежнего уведомления г-ну Ланцу, что, если он будет продолжать переговоры с другой немецкой инстанцией, мы устранимся от дела и разрешение на продажу другой инстанции выдано не будет, г-н Ланц отказался принять любые предложения Пеха.

Голландец д-р Вейтхенс должен был продать Поссе работы Терборха и других голланд-

ских мастеров и «был страшно напуган нашим контрпредложением», — писал Викель 27 февраля 1841 года. За «Веселое общество» Франса Гальса, от которого Мюльману пришлось отказать, Поссе предложил на 35—45 тысяч гульденов меньше, чем хотел получить хозяин. Д-ру Вейтхенсу пригрозили, и он немедленно согласился на «скидку».

Помогал Викель и советнику Гитлера Хабберштуку, который был торговцем художественными ценностями и в свое время, как мы знаем, посоветовал Гитлеру назначить Поссе особоуполномоченным по «музею фюрера в Линце».

На Нюрнбергском процессе один из французских обвинителей Жертоффер привел признания некоего Рохлица, рассказавшего о том, как покупал у него картины хауптэйнзацфюрер Лозе из эйнзацштаба Розенберга:

Лозе пришел ко мне в феврале 1941 года и заявил, что ищет картины для разных персон, главным образом для Геринга. Я показал ему картину Веникса, принадлежавшую мне, и картину Тициана «Мужской портрет», которая на две трети принадлежала Бирхетски и на одну треть мне. Затем через 8 или 10 дней Лозе снова зашел ко мне и предложил вместо денег другие картины на обмен.

Кроме того, он утверждал, будто бы я слишком дорого продаю картины (примерно за 2 миллиона). Лозе добавил, что Геринг видел картины и не желает платить обусловленную цену, но что он приказал обменять их на современные картины из Германии.

Лозе показал мне несколько картин и предложил мне из них одиннадцать в обмен на две мои, причем он не разрешил мне взглянуть на обратную сторону полотен... Я думал в то время, что картины эти привезены из Германии. Когда я увидел, что это были конфискованные картины, я запротестовал. В ответ Лозе сказал: «Я действую по приказу Геринга».

Уникальные сокровища Эрмитажа также считались частью еврейской собственности и были приобретены Гитлером после того, как русские евреи из Москвы продали их в США, а американские евреи сбыли их в Голландию.

Имеется в виду небывалая «дешевая распродажа» за рубеж русских ценностей из Эрмитажа и других советских музеев, предпринятая советским правительством в 30—40-е годы.

Гитлер сожалел, что из 60 полотен Рембрандта там оказалось только 7. Он купил их за 9 миллионов рейхсмарок, выплатив долг одной обанкротившейся еврейской фирме...

Гитлер даже сумел продать за границу картины с выставки «Дегенеративное искусство» и повернуть тем самым грандиозную сделку, ибо в обмен на «омерзительную пачкотню» он получил 5 картин итальянских мастеров.

Впрочем, первым до этого додумался Герман Геринг.

Знаменитый «Портрет доктора Гаше» Ван-Гога из Франкфуртского музея был признан «неарийским», что не помешало «толстяку» продать его в Голландии с помощью своего агента.

О стоимости творений Ван-Гога свидетельствует факт продажи той же картины в 1990 году на аукционе в США. Счастливым обладателем этой — на сегодняшний день самой дорогой картины в мире — стал некий японец, который заплатил за «дегенеративного» Ван-Гога... 82 500 000 долларов!

Геринг окружил себя ловкими посредниками, которых не смущали криминальные источники поступления шедевров живописи. Один из его ценных агентов в Голландии банкир Нидль, который помогал Герингу «приобрести» многие ценные полотна, попал в скандальную историю, имевшую неожиданное продолжение.

Однажды, в 1943 году, банкир Нидль помог никому не известному художнику Антониусу ван Меегерену продать за миллион гульденов картину великого Яна Вермеера Дельфтского «Христос и грешница».

Завершилась война, и Меегерен был арестован за сотрудничество с нацистами и незаконную продажу полотна великого голландца.

Художнику грозил большой срок, и он вдруг неожиданно сознался, что картину Яна Вермеера на самом деле написал... он сам.

Конечно, следователи приняли его признание за попытку уйти от наказания.

Тогда Меегерен заявил, что не только эта картина, но и еще пять полотен-фальшивок, сделанных под Вермеера и Питера ван Хооха, принадлежат его, Меегерена, кисти.

Эти работы купили за солидные деньги почтенные музеи — амстердамский Рейксмузе-

ум, музей ван Бойнингена, владельцы коллекции ван дер Ворма и роттердамский музей, который гордился приобретенной картиной «Христос в Эммаусе».

Следователь Воонинг рассмеялся и предъявил Меегерену заключение авторитетнейших реставраторов Лейтвилера и ван Бахемена, которые подтвердили подлинность полотна «Христос в Эммаусе» как картины XVII и никакого другого века!

Знаменитый историк голландского искусства А. Бредиус, в свое время определяя подлинность этой картины, раскрыл и расчистил заляченную темным лаком «под старину» подпись художника и однозначно заявил, что это великий Вермеер. Вокруг картины разгорелась схватка претендентов на право обладать этим «шедевром».

Победило «Общество голландских любителей искусства имени Рембрандта» — за 550 тысяч гульденов счастливые покупатели увезли картину в музей Бойманса в Роттердаме.

Меегерен предложил написать новую картину под Вермеера — прямо в присутствии следователей и зрителей.

В течение трех месяцев у себя на квартире под охраной и с участием журналистов Меегерен создал новый «шедевр» — седьмого «Вермеера» — «Христос среди учителей», сюжет которого он взял с полотен старых итальянцев.

Амстердамскому суду ничего не оставалось, как приговорить Хана ван Меегерена всего лишь к году тюремного заключения за... подделку произведений искусства.

Однако отбыть срок художнику не пришлось — через месяц, в декабре 1947 года, он умер от разрыва сердца.

А последняя работа ван Меегерена «Христос среди учителей» как скандально известная фальшивка была продана через два года за 3000 гульденов.

В каталоге 1956 года экспозиции амстердамского Рейксмузея говорится:

Обществом нидерландских художественных ценностей принято 15 возвращенных из Германии картин, среди которых два произведения Рембрандта.

Глава пятая, В КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ О СУДЬБЕ ЗНАМЕНИТОГО ГЕНТСКОГО АЛТАРЯ

Есть произведения искусства, которые как бы повторяют перипетии истории своего народа.

Таким, несомненно, является знаменитый Гентский алтарь, созданный братьями Губертом и Яном Ван Эйками в далеком XV столетии и с тех пор ставший предметом искреннего восхищения и поклонения, а также поводом для межгосударственных и общинных «разборок» на протяжении пяти столетий.

Чтобы по достоинству оценить этот шедевр братьев Ван Эйк, надо, конечно, побывать в главном городе старинной Фландрии и, посетив Гентский собор, лично насладиться этим чудом. Посетителям вручается буклет, в котором сказано, что

живопись Гентского алтаря выполнена на дубовых досках. Красочный слой составлен из натурального пигмента, связанного густеющим маслом. Взгляд зрителя отмечает декоративную уравновешенность, прозрачность красок, игру света, заботу о мельчайших деталях одновременно с великолепной обзорностью объекта в целом.

Главная тема алтаря — искупительная жертва Христа — решена без традиционно трагических сцен, в виде символического образа — белого агнца.

Пять нижних створок алтаря показывают нам сцену поклонения агнцу. Поражает великолепие цветовой гаммы луг, заполненный фиалками, лилиями, одуванчиками, маргаритками, ирисами и ландышами.

В монографии Германа Бенкена о творчестве братьев Ван Эйк читаем:

Свет, заливающий все пространство, пейзаж, простирающийся до далекого горизонта, и повсюду индивидуальные портреты людей — такова сфера открытий эйковского искусства. Здесь глаз художника насыщается материальным богатством и блеском явлений в их индивидуальной неповторимости. К тому же это видение несет в себе радость от нахождения и постижения бесконечного многообразия, от улавливания малозаметных и едва отличимых его особенностей.

Однако это «многое» и «малое» всегда, и это самое существенное, подчинено целостному, большому пространственному единству всей картины. Мир зримого воплотился в космос, полноту которого впитывает в себя взирающий на него человек, не переставая им восхищаться; однако при этом он сохраняет собственную трактовку всех явлений.

Лишь благодаря подобному пониманию всего сущего, с точки зрения человека, всему зримому может быть придан порядок.

Верхний ряд алтаря: в центре Бог-отец, слева от него Богоматерь, справа — босоногий Иоанн Креститель. На следующих по обе стороны створках — поющие и музицирующие ангелы. Завершают композицию с двух сторон Адам и Ева.

Однако и это еще не все. Оказывается, что если закрыть боковые створки алтаря, то нашим глазам предстают совершенно новые 8 створок, на которых, помимо традиционного канонического сюжета, мы видим часть комнаты со стенным шкафом и перспективу старинной гентской улочки. А с крайних нижних створок на нас глядят заказчики алтаря — бюргер Иосс Вейдт, ставший через год после завершения алтаря, в 1433 году, бургомистром Гента, и его супруга Изабелла. Они заказали алтарь для фамильной капеллы в дар гентской церкви св. Иоанна (ныне собор св. Бавона).

Альбрехт Дюрер восхищался творением братьев Ван Эйк:

Это бесценная и превосходная картина, особенно хороши Ева, Мария и Бог-отец.

Конечно, у каждого из нас восприятие шедевра Ван Эйков будет свое, однако каждый вынесет с собой ощущение встречи с Прекрасным и Вечным.

Для бельгийцев алтарь Гентского собора — не просто шедевр национального и мирового значения, это — часть их многовековой истории.

И каждое поколение бельгийцев переживало свою собственную страницу в этой истории. События второй мировой войны стали как бы частью нелегкой судьбы Гентского алтаря. Поэтому расскажем и о том, что предшествовало оккупации немцев в 1940 году.

В 1566 году, когда началась освободительная война Фландрии против Испании, алтарь был перенесен в церковную башню св. Бавона, а затем в ратушу Гента. В это время сам Гент стал протестантским городом и жители решили подарить алтарь английской королеве Елизавете за предоставленные ею субсидии. Однако этому энергично сопротивлялся наследник заказчика алтаря Иоссе Трист.

Вскоре Гент снова стал католическим, и алтарь остался в соборе.

В 1781 году австрийский император Иосиф II во время посещения собора св. Бавона был шокирован наготой Адама и Евы и распорядился снять эти створки. Их поместили в церковной библиотеке.

В 1792 году французские оккупационные власти отправили для парижского музея четыре центральные створки алтаря. Восхищенный красотой полученных фрагментов, директор музея неоднократно предлагал магистрату Гента приобрести или обменять остальную часть алтаря. В обмен предлагались картины Рубенса, однако гентцы категорически отказались.

Брат казненного во время революции французского короля Людовика XVI жил в Генте на положении эмигранта вплоть до низложе-

ния Наполеона. Став новым французским королем Людовиком XVIII, он вернул в 1815 году в Гент все четыре створки алтаря в благодарность за гостеприимство.

Несколько лет спустя главный викарий собора св. Бавона, француз по национальности, воспользовавшись отсутствием епископа, продал несколько створок брюссельскому торговцу, а через посредников в 1821 году прусский король Фридрих Вильгельм III купил похищенные створки.

В 1861 году правительство Бельгии за 50 000 франков купило створки с Адамом и Евой и выставило их в Музее изобразительных искусств в Брюсселе. Для собора были выполнены копии недостающих створок.

Однако жители Гента мечтали воссоздать алтарь в его первоначальном виде.

Разразилась первая мировая война, и сразу же немцы вошли в Бельгию. Их аппетиты были несколько более умеренными, чем в 1940 году, но уже тогда было ясно, что все ценное надо прятать — немцы похитили многие шедевры живописи, в том числе главный алтарь церкви св. Иоанна «Поклонение волхвов» кисти Пауля Рубенса.

Нетрудно было представить, что, располагая четырьмя створками Гентского алтаря в Кайзер-Фридрих-Музеум, немцы захотят дополнить их остальной частью.

О том, как прятали алтарь, рассказывают документы городского архива Гента.

Это поистине увлекательный детектив.

Каноник собора св. Бавона Ван ден Гейн, археолог и историк, с помощью четырех по-

мощников тайно перенес картины алтаря в пустующий дворец епископа. Ни бургомистр, ни епископ ничего не знали об этой акции. Каноник лишь получил согласие бельгийского министра, который находился на неоккупированной территории.

Однако и епископский дворец не был застрахован от немцев, которые уже активно искали алтарь. Каноник заказал четыре деревянные ящика, куда ночью были уложены обернутые в толстые одеяла створки алтаря. На повозке тряпичника рано утром, забросав ящики всяким хламом, старой мебелью и тряпьем, они перевезли драгоценный груз в специальное место укрытия.

Для отвода глаз каноник Ван ден Гейн заручился официальной бумагой от министра искусства и наук, где духовенство собора св. Бавона извещалось, что створки алтаря переданы чиновнику министра для отправки их в Англию.

Однако немцы с пристрастием допытывались у каноника, кто же этот чиновник министра, на что Ван ден Гейн терпеливо объяснял, что лично с ним незнаком и фамилии его не знает.

Епископ заверил немцев, что совершенно не знает, где именно спрятаны створки, что было полной правдой. Мудрый каноник максимально сократил число осведомленных лиц.

Створки еще раз тайно перевезли в другой дом в феврале 1918 года.

И лишь в конце ноября того же года, после изгнания немцев, алтарь снова в торжественной обстановке вернулся в собор.

Жители Гента ликовали, и не без основания — помимо возвращения их святыни Германия по Версальскому договору была вынуждена вернуть в порядке возмещения ущерба от оккупации помимо других ценностей и створки алтаря Ван Эйков, которые, как мы помним, в 1821 году приобрел Фридрих для Кайзер-Музеума в Берлине.

В 1920 году Германия возвращает створки алтаря в собор св. Бавона, и, казалось бы, все части святыни бельгийцев возвращены и уже никогда не покинут Бельгию.

Утром 11 апреля 1934 года жители Гента были потрясены сообщением, что ночью украли одну из створок алтаря — «Праведных судий». Это событие было подробно описано в довольно толстой книге двух маститых гентских ученых.

Однажды епископ Гента получил письмо с предложением выкупить похищенную створку за миллион бельгийских франков. В подтверждение своих намерений похититель предлагал по предложенному в письме документу получить на вокзале половину створки. Однако было решено не идти на поводу у вора. Оставили без внимания и второе письмо, пришедшее месяц спустя.

История разрешилась самым неожиданным образом — во время богослужения в соборе у Кудертира, всеми уважаемого гентского гражданина, случился тяжелый сердечный приступ. Перед смертью он признался, что створку алтаря похитил он, стремясь поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела: «Одному мне известно, где находится картина», —

и добавил, что спрятал «Праведных судий» в столе.

Кудертир скончался, а тщательно проведенный в его доме обыск не привел ни к какому результату — картину не нашли.

Взамен утраченной картины заказали ее копию художнику Ван дер Фекену.

Один из главарей бельгийских фашистов выразил желание подарить Гитлеру весь алтарь Гента и непременно с оригиналом утраченных «Праведных судий». Специально назначенный им лейтенант Хенри Кун потратил три года, чтобы разыскать утраченную створку, но безрезультатно.

А тут и подоспел 1940 год.

10 мая Германия напала на Бельгию и Голландию. Впрочем, предвидя события, официальные власти подумывали о сохранении своих художественных сокровищ уже с момента нападения немцев на Польшу.

С началом войны разгорелись споры, куда спрятать алтарь, — предлагались Америка, сейфы Национального банка Бельгии, тайники крипты самого собора св. Бавона. Кто-то предлагал отправить святыню в Ватикан, но Италия вступила в войну на стороне Германии и от этой версии пришлось отказаться.

Пришло предложение и от французов — перевезти алтарь в замок По, некогда принадлежавший Генриху IV.

Это предложение было принято, и буквально за два часа до оккупации Гента, 17 мая 1940 года, три грузовика транспортной конторы Штойбаурт, груженные створками легендарного алтаря, покинули город.

Сопровождать транспорт было поручено семидесятилетнему Франсу Копеянсу.

Он писал:

Было подсчитано, что дорога по Франции до По займет 2 дня. Но когда мы подъехали к Абвиллю, мы не могли попасть в город, так как там уже были немцы. Нам пришлось добираться по другой, еще не захваченной дороге... В По мы прибыли 26 мая после девяти нелегких дней пути. Ящики были тотчас вскрыты и осмотрены Копеянсом и Моль-Ривом, реставратором замка По.

В замке По, находившемся в зоне, свободной от немцев, были собраны многие ценности Лувра. Немцы обещали не трогать эвакуированные в замок сокровища. По поводу Гентского алтаря имелось особое соглашение, подписанное вишистским правительством. Согласно ему, алтарь мог быть взят только с разрешения трех сторон — представителя правительства в Виши, бургомистра Гента и немецкого уполномоченного.

Но, конечно, немцы прекрасно помнили, что уже однажды лишились принадлежавших им четырех створок алтаря, и нашли выход, как выполнить приказ Гитлера о конфискации всего алтаря.

В сентябре 1942 года, за два месяца до оккупации юга Франции, в замок По прибыл профессор Эрнст Бухер, директор Баварских государственных музеев в Мюнхене. В сопровождении трех офицеров он предъявил на-

чальнику замка распоряжение Гитлера о немедленной выдаче Гентского алтаря. Одновременно пришла телеграмма министра культуры вишистского правительства с аналогичным требованием. Протесты бельгийского правительства и епископа Гента просто проигнорировали.

На трех грузовиках Бухер доставил алтарь в Париж, в Зал для игры в мяч, где собирались многие конфискованные ценности.

Затем его перевозят в Нейшванштейн в Альльгау и летом 1944 года, наконец, туда, где его упрятали для музея в Линце — в соляные копи Альт-Аусзее в Зальцкаммергуте, где, как мы уже знаем, были собраны все сокровища «музея фюрера».

С приближением конца фашисты стали планировать уничтожение сокровищ — поверенный Бормана гауптштурмфюрер СС Гельмут фон Гуммель и его помощник из штаба Розенберга Шольц готовили акцию по уничтожению ценностей, чтобы «не отдать их в руки еврейских антикваров». Они заявляли, что им совершенно безразлично, будет ли весь этот «хлам» сохранен или уничтожен.

Читаем в книге Зеппа Плисеца:

10 апреля в Зальцбург прибыло несколько грузовиков с огромными, очень тяжелыми ящиками. Они никак не могли подняться по скользкой дороге к хранилищу, и потребовался рудничный тягач, чтобы взять машины на буксир.

Глинц сопровождал первый транспорт, где были четыре ящика, и дал указание, чтобы в

каждое помещение было положено по ящику; таков категорический приказ гаулейтера Эйгрубера.

Конечно, восьми авиабомб вполне бы хватило для уничтожения всей штольни. Но австрийским партизанам удалось вмешаться в ход развития этой чудовищной акции. Когда союзные войска были совсем близко, от имени Комитета действия группы сопротивления «Зальцбург» был послан представитель к Кальтенбрунеру, который в это время уже прятался в окрестностях Альт-Аусзее. Поразмыслив, что скоро придется отвечать и за это преступление, Кальтенбрунер приказал убрать взрывчатку, а взрывников взять под стражу.

Но Эйгрубер решил самовольно произвести взрыв. Однако никто не выполнил его приказа.

8 мая 1945 года американская армия вошла в Альт-Зее, и ценности солеварни были спасены и отправлены в специальные сборные пункты, где собирались и идентифицировались произведения искусства.

Представители Бельгии прибыли в Мюнхен и обнаружили там Гентский алтарь.

20 августа 1945 года специальным самолетом в Брюссель была доставлена самая большая реликвия Бельгии.

В официальном сообщении говорилось:

Столь быстрый возврат был осуществлен в результате успешного специального обмена телеграммами между генералом Эйзенхау-

эром и посланником США в Брюсселе господином Чарльзом Сойером.

Некоторое время спустя вернулись на родину «Мадонна» Микеланджело и «Тайная вечеря» Боутса. Третий транспорт прибыл в феврале 1946 года, и после него транспорты стали прибывать все чаще.

Так завершилась драматическая история святыни бельгийского народа — алтаря Гентского собора братьев Ван Эйков.

Глава шестая,
В КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ
О «ДАМЕ С ГОРНОСТАЕМ»,
А ЗАОДНО — ЗА ЧТО БЫЛ ПОВЕШЕН
ГАУЛЕЙТЕР ФРАНК

В конце августа 1965 года печать сообщила, что вдова знаменитого венгерского композитора Имре Кальмана двадцать лет безуспешно разыскивает по всей Европе свой портрет, написанный видным венгерским художником. Портрет висел в кабинете Кальмана, а после его бегства от нацистов в Америку исчез. Неожиданно вдова обнаружила этот портрет в западноберлинском музее.

Из многих расписок, сохранившихся благодаря знаменитой немецкой пунктуальности, стали известны имена руководителей грабежей на местах.

| Расписка 18 дек. 1939 года:

По поручению СС — штандартенфюрера доктора Кая Мюльмана, полномочного представителя генерал-губернатора по учету Культурных ценностей, были изъяты следующие картины...

Из музея Чарторьских в Кракове (филиал краковского Национального музея) были изъяты...

На основании распоряжения господина генерал-губернатора о реквизиции предметов искусства на территории бывшей Польши от 16 дек. 1939 года и изданных с этой целью инструкций конфискованы и переданы уполномоченному на это лицу нижеперечисленные предметы... (перечень 7 картин музея Чарторьских) — пейзаж Рембрандта «Гроза», «Благовещение» Дирка Боутса, «Портрет молодого человека» Рафаэля, портрет Чечилии Галлерани Леонардо да Винчи («Дама с горностаем»)...

Большинство картин, похищенных из этого музея по приказу Ганса Франка, после войны вернулись в Польшу. Не возвращено в Краков полотно Питера Брейгеля «Битва Карнавала и Поста».

Среди похищенных в Польше картин особую ценность представляла знаменитая «Дама с горностаем» Леонардо да Винчи. История ее заслуживает особого внимания.

XV век. Италия.

Прекрасная Цецилия была любовницей миланского герцога Лодовико из рода Сфорца. Он был богат и любил жизнь, осыпал Цецилию дорогими подарками и в 1481 году подарил ей имение Саронно. В дарственной написано:

В знак верности и благосклонности к нашей светлейшей госпоже и за заслуги благороднейшего семейства Галлерани, представительница которого прекрасная Цецилия пребывает в настоящее время у нас, мы сочли

необходимым одарить ее, во всем достойную своих предков и исполненную всевозможных добродетелей.

Достаточно взглянуть на портрет Цецилии, написанный Леонардо да Винчи в 1483 году, чтобы понять, почему Лодовико, женившись на Беатриче д'Эсте, никак не хотел отказываться от Цецилии и ради приличия выдал ее за старого преданного ему графа.

Цецилия была выдающейся женщиной эпохи Возрождения и по своим талантам не уступала мужчинам — она сочиняла стихи, писала и говорила по-латыни, вела ученые беседы по вопросам философии и теологии. Не случайно в честь древнегреческой поэтессы ее называли «современной Сафо».

Леонардо изобразил прекрасную Цецилию с горностаем, символом безупречности.

Портрет официальной жены Лодовико Беатриче д'Эсте Леонардо тоже написал, но в музее Чарторыхских хранится лишь копия этого портрета.

«Дама с горностаем» — несомненно, одна из лучших картин Леонардо, который стремился к поиску высшего совершенства.

С момента создания картина Леонардо переходила из одной коллекции в другую, пока ни была приобретена в коллекцию графа Адама Чарторыхского (1734—1823).

В первую мировую войну она вместе с другими ценными картинами семьи Чарторыхских (а в их числе «Гроза» Рембрандта и «Портрет молодого человека» Рафаэля) была отправлена в Дрезденскую галерею на сбережение. Дирек-

ция галереи долго не хотела возвращать картины и после завершения войны, но затем с большой неохотой вернула их в Краков, где они благополучно находились вплоть до начала оккупации немцами в сентябре 1939 года.

16 декабря 1941 года гаулейтер Франк издает распоряжение о конфискации всех предметов искусства в «генерал-губернаторстве Польши». При конфискации, для приличия, выдавались квитанции.

26 января шеф Краковского округа составляет на 50 страницах список произведений из музея Чарторыских, откуда были украдены 843 предмета искусства, в том числе 15 полотен особой ценности. Среди 12 ковров изъят особо ценный уникальный персидский ковер XVI века. Было конфисковано 260 изделий из золота, драгоценности польских королей, 375 золотых памятных монет и большое количество ценных манускриптов.

На 35-й странице значатся «Дама с горностаем» Леонардо, «Гроза» Рембрандта, «Портрет молодого человека» Рафаэля. В докладной от 14 декабря 1939 года, т. е. еще за два дня до официального распоряжения Франка, Поссе пишет Борману:

Три главные картины коллекции Чарторыских, выполненные Рафаэлем, Леонардо и Рембрандтом, которые в настоящее время находятся в Кайзер-Фридрих-Музее в Берлине, зарезервировать для музея в Линце.

Фюрер милостиво одобрил отбор этих картин, однако вскоре они вновь появились

в Кракове, но, конечно, не в музее Чарторьских, а в резиденции генерал-губернатора Франка.

В параграфе 3 «Распоряжения» Франка говорилось, что необходимо

сообщать о любом частном и церковном художественном произведении с точным указанием вида, характера и количества. Сообщать обязан каждый, кто имел подобные предметы искусства на 15 марта 1939 года, имеет их сейчас или имеет право ими распоряжаться.

Согласно существовавшему порядку, вывоз картин из оккупированных территорий был в ведении местных гаулейтеров, которые имели право оставлять в своих краях произведения «второго разряда». Значит, достаточно перевести картины из первого во второй «разряд». Именно так и поступил Франк, на основании чего без ведома Поссе картины были возвращены в Польшу, так как она теперь была навечно объявлена частью великогерманского рейха.

Из отчета особоуполномоченного по надзору за произведениями искусства и культуры Польши:

Для украшения представительских государственных зданий господина генерал-губернатора необходимо произвести отбор различных предметов искусства, так называемого второго разряда. Следует поручить соответствующим научным работникам вычеркнуть

все предметы искусства, имеющие ярко выраженный музейный характер, и церковный инвентарь из второго разряда и занести их в список третьего разряда, из которых не производится специальной конфискации по особому заданию. Этот так называемый третий разряд считаем возможным на основании указа господина генерал-губернатора предоставить в распоряжение дирекции по строительству и оформлению представительских государственных зданий.

19 декабря 1945 года на заседании Нюрнбергского трибунала искусствовед Мейер-Гейзиг из Бреслау, один из шефов зондеркоманды д-ра Мюльмана, дал показания, из которых следует, что Франк страдал необузданной страстью к парадной роскоши и поручил своим декораторам интерьера Хорстману и Кетгену отобрать

произведения искусства и предметы художественного ремесла для оформления Вавельского замка и в особенности его летней резиденции в Крещовицах.

Согласно распоряжению от марта 1943 года, все конфискованные вещи второго и третьего разрядов направлялись из Варшавы в Краков.

Гитлер через своего шефа рейхсканцелярии рейхсминистра Ламмерса 3 октября 1942 года передал распоряжение:

Фюрер желает, чтобы всеми конфискованными и отобранными ценностями не распоряжались в генерал-губернаторстве, а ждали,

как это делается в рейхе и всех захваченных областях, решения фюрера.

В связи с этим я предлагаю обеспечить в доверенной Вам сфере деятельности такой порядок, при котором всякое предписание об использовании конфискованных произведений искусства исходило бы от доктора Поссе, который будет ожидать решения Гитлера.

3 декабря 1940 года советник Мюльмана Эрнст сообщил статс-секретарю Бюлеру, что «Дама с горностаем» находится в вавельской резиденции генерал-губернатора в Кракове.

12 июня 1941 года Эрнст пишет Бюлеру:

Картина Леонардо да Винчи была перенесена лично доктором Бартемом в запасники музея в Бреслау (ныне польский город Вроцлав).

Затем Франк вновь затребовал картину в Краков, и только после вступления Красной Армии в Польшу Франк срочно отдает приказ об эвакуации всех ценностей. В письме сотрудника канцелярии генерал-губернаторства от 25 августа 1944 года регирунг-президенту доктору фон Граусхару, руководителю главного управления внутренних дел Польши, мы читаем:

Глубокоуважаемый господин президент!

В приложении позволю себе привести список предметов искусства, доставленных мною лично на грузовике в замок Зейхау, округ Яуэр, Нижняя Силезия. Помимо перечисленных в

этом списке 14 предметов, в замок Зейхау в трех железнодорожных вагонах доставлена большая часть ценных предметов искусства, находившихся в подвалах крепости.

Точный список этих предметов мне еще не удалось составить. Предметы упакованы не мною лично, это сделали в мое отсутствие правительственный советник Шульц и господин Гейзенхейнер. По этой причине я смогу составить список только после того, как все предметы будут распакованы и соответствующим образом размещены... Я постараюсь как можно быстрее доставить Вам дальнейшие списки. Взятые мной предметы размещены вместе с другими в подвале замка:

В приложении в списке номер 1 были приведены среди 14 вещей:

- 1) «Дама с горностаем».
- 2) «Гроза» Рембрандта.
- 3) Автопортрет Рембрандта (из Львова).
- 4) «Несение креста» Рубенса из Национального музея в Варшаве.
- 5) «Отбеливание полотна в Гарлеме» Якоба Рейсдаля из Вавельского замка в Кракове.

В списке не значился «Портрет молодого человека» Рафаэля.

По приказу Франка из Нижней Силезии «Дама с горностаем» была доставлена во Вроцлав, откуда вместе с другими ценностями Франк увез ее, спасаясь от наступающей Красной Армии, в свое имение Шлирзее в Баварии.

Позднее Франк распорядился переправить ее из Бреслау в свой замок под Краковом для украшения его личной выставки, устроенной в марте 1943 года в Вавеле. Летом 1944 года перед приходом Советской армии картина была вывезена в замок Зейхау, округ Яуэр, Нижняя Силезия — об этом свидетельствовало письмо от 25 августа 1944 года, направленное сотрудником канцелярии генерал-губернатора.

Далее судьба картины Леонардо зависела от краковского профессора искусствоведа Карола Эстрехера, которому удалось эмигрировать из Польши в начале ее оккупации.

В годы войны он служил майором в созданной в Англии Польской армии и посвятил себя сбору информации о движении украденных нацистами произведений искусства. В этом ему активно помогали польские антифашисты.

В 1944 году профессор Эстрейхер опубликовал в Лондоне книгу «Потери польской культуры», где привел список произведений искусства, похищенных нацистами из Польши. После войны ему поручили розыск похищенных сокровищ. Он обыскал роскошную виллу Ганса Франка в Баварии, где среди других картин обнаружил «Даму с горностаем» Леонардо и «Грозу» Рембрандта.

На Нюрнбергском процессе Франк показал, что картины, найденные на его вилле в Баварии, он вывез из Бреслау, чтобы спасти их от уничтожения.

Американский обвинитель полковник Стори продемонстрировал хорошо изданный каталог «коллекции» Франка, обнаруженный у

него на вилле. В каталоге перечислены и описаны выдающиеся произведения искусства, похищенные обвиняемым Франком.

Сам Франк объяснял свои действия стремлением спасти ценности от уничтожения. Когда же на допросе его спросили, каким образом картина «Дама с горностаем» попала к нему, хотя предназначалась Гитлером для «музея в Линце», Франк нагло соврал, что сам фюрер ему ее подарил.

И конечно, доктор Поссе никогда бы не дал согласия на возврат в Краков из Кайзер-Музеума такой ценности, какой являлась картина Леонардо «Дама с горностаем».

Генерал-губернатор Франк оказался простым жуликом и был осужден Нюрнбергским судом, конечно, не только за хищение художественных ценностей.

Однако отношения Франка и Гитлера в то время были напряженными, о чем он, ожидая решения Нюрнбергского трибунала, успел написать в своих воспоминаниях «Перед виселицей», изданных в 1953 году в Мюнхене. Название книги воспоминаний оказалось пророческим — Франка как одного из главных военных преступников повесили.

16 декабря 1939 года Франк издал распоряжение о реквизиции всех произведений искусства из Польши и через полгода сообщил Гитлеру, что почти все произведения искусства Польши реквизированы.

Для своих резиденций в замке Вавель в Кракове и в замке Крешовицы он украл из музеев в Варшаве и Кракове наряду с карти-

нами множество гобеленов, ценной столовой посуды, фарфора, ваз, подносов и блюд.

Франк отличался необузданным тщеславием — своим советникам-декораторам Хорстману и Кетгену он поручил выбрать из особого фонда, предназначенного для Линца, наиболее ценные изделия. Доктор Мейер-Гейзиг, немецкий искусствовед, работавший вместе с особо уполномоченным по учету культурных ценностей в генерал-губернаторстве Польша, сообщил, что в марте 1943 года Франк приказал отправить из Варшавы в Краков все первоклассные произведения из конфиската.

В Нюрнберге американский прокурор полковник Стори заявил, что отдел памятников культуры, искусства и архивов штаба 3-й американской армии обнаружил в доме Франка неподалеку от Мюнхена прекрасно изданный каталог, где перечислялись и описывались украденные художественные ценности. Во введении подробно рассказывалось, как именно действовали сотрудники Франка по реквизиции ценностей.

В Нюрнберге же штандартенфюрер СС Кай Мюльман показал под присягой, что все похищенные в Польше предметы искусства остались бы собственностью Германии, если бы она выиграла войну.

В Нюрнберге обвинение в грабеже было предъявлено Герингу, Риббентропу, Франку, Борману, а из среды военных — генерал-фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю, гроссадмиралам Карлу Деницу и Эриху Редеру, а также генерал-полковнику Альфреду Йодлю.

Конечно, грабежи были лишь частью грандиозного плана по ликвидации многих соседних государств.

Рейхсфюрер СС Гиммлер, занимавший также пост имперского комиссара по укреплению «немецкой народности», заявил в Харькове в 1943 году:

— На первом этапе должны быть и будут включены в германское сообщество и в Германскую империю все те народы, которые раньше уже входили в Германию, в Германскую империю (или Римскую империю германской нации), народы, которые до 1806 года или только до 1648 года были с нами вместе, а именно фламандцы, валлонцы и нидерландцы... Кроме того, мы должны найти в себе силы для того, чтобы на следующем этапе присоединить и включить в наше сообщество также и те германские народы и государства, которые никогда не были составной частью Германской империи, а именно Данию и Норвегию.

«Генеральный план „Восток“» предусматривал включить в состав «Мировой германской империи» Польшу, Чехословакию, СССР от Ладожского озера на севере до Черного моря, включая Крым, на юге и до границы Западной Сибири на востоке.

Население империи предполагалось разделить на три группы:

1. Чистые германцы, которые, как раса господ, обладали бы всеми правами и повелевали прочим населением.

2. Полугерманцы, которые получали ограниченные права.

3. Негерманцы, которые лишались всех прав, они обрекались на рабский труд и уничтожение.

Генрих Гиммлер в Познани 4 октября 1943 года объявил своим соратникам:

— *Мне абсолютно безразлично, тяжело ли живет русским или чехам. Если у этих народов найдутся подходящие нам по крови люди, мы отберем у них детей и воспитаем их на свой лад.*

Ему вторит Ганс Франк:

— *Мы должны отдавать себе отчет в том, что смысл всей этой войны заключается в естественном расширении жизненного пространства нашего народа. В этой войне то и прекрасно, что мы никогда не отдадим то, что взяли.*

И конечно, ни за что не отдали бы!
Он же 14 января 1944 года:

— *Когда мы выиграем войну, тогда можно будет пропустить поляков, украинцев и прочих сброд через мясорубку.*

В отношении Польши оккупанты следовали хорошо продуманному плану уничтожения поляков как нации.

Один посол в конце войны, оценив разрушения в немецкой столице, сказал:

— *После Варшавы Берлин кажется хорошо сохранившимся городом.*

Были закрыты все польские книжные магазины, научные институты и вузы. Запрещены не только польские газеты и журналы, но и вывески на польском языке. Запрещено преподавание польского языка.

Закрыты зоологические сады, а звери отправлены в Германию.

Вначале запретили все театры, затем работали лишь немногие с жесткой цензурой и с предателями-актерами.

Отдельно запрещен Шопен.

В публичных библиотеках изъяли все книги на английском и французском языках, а также все словари, карты и атласы с обозначением границ Польши.

Уничтожены памятники поэту Мицкевичу, композитору Монюшко, лауреату Нобелевской премии мира Марии Складовской-Кюри, борцу за свободу Польши Костюшко и монумент в честь победы поляков над немецкими рыцарями в битве у Грюнвальда.

Коперник был объявлен не поляком, а немцем.

В Национальном музее Варшавы расквартировались воинские подразделения.

По приказу Гимmlера в областях Польши, включенных постановлением фюрера и рейхсканцлера от 12 октября 1939 года в состав Рейха, конфисковывались и передавались в распоряжение рейхскомиссара по укреплению германского национального духа все художественные и культурно-исторические ценности,

находящиеся в архивах, музеях, публичных галереях и в частных руках у поляков или евреев: картины, скульптуры, мебель, ковры, хрусталь, книги и другие ценности, а также утварь для украшения из благородных металлов.

...Помимо указанного, должны быть конфискованы также костюмы, музыкальные инструменты, монеты, почтовые марки и другие подобные коллекции, все предметы, служащие для сохранения (консервации) материалов и коллекций, их научной разработки и изучения.

Предыдущее предписание последовало на основании постановления министра-президента генерал-фельдмаршала Геринга от 19 октября 1939 года.

1 декабря 1939 года Ганс Франк «вспомнил», что большими ценностями располагает и польская католическая церковь:

п. 2. Конфискация наряду с частными коллекциями художественных произведений всех предметов искусства, принадлежащих церкви, за исключением тех, которые необходимы для повседневного отправления церковных служб.

Сохранение награбленного Гиммлер поручил «исследовательскому и просветительскому обществу „Наследие“», созданному Гитлером в 1937 году. «Исследованием и просвещением» общество занималось не бесплатно — за свою работу «Наследие» получало 10% «прибыли».

В 1957 году директор Варшавского национального музея профессор Лоренц вспоминает, как немцы, не гнушаясь никакими средствами, стали готовить свои акции задолго до оккупации Польши:

В начале ноября 1939 года в музее появился в качестве эксперта — вместе с гестапо — профессор Дагоберт Фрей из Бреслау, который неоднократно посещал Варшаву до войны. Ему как ученому был открыт доступ ко всем коллекциям, как выставленным для осмотра, так и находившимся в хранилищах... Теперь же профессор Фрей, пользуясь своими записями довоенного времени, указывал, какие наиболее ценные произведения искусства подлежат первоочередному изъятию. На основании указаний Фрея в ноябре-декабре 1939 года были реквизированы самые ценные картины зарубежных мастеров.

Произведения «второго и третьего класса» оставались в Варшаве и Кракове.

После освобождения Кракова в апартаментах генерал-губернатора в Вавеле была найдена папка «Новый немецкий город Варшава». Уже в 1939 году Франк поручил разработать проект нового города, которому отводилась судьба немецкого провинциального городка.

Все польские памятники и национально окрашенные архитектурные сооружения подлежали сносу, оставалась лишь небольшая часть зданий старого города, который архитекторы считали памятником немецкой архитектуры.

Уже в первые дни от воздушных налетов серьезно пострадал Королевский замок в Варшаве. В 1960 году был опубликован доклад «О военных потерях Польши». В нем говорится, что варшавская городская администрация пыталась сохранить замок от дальнейших разрушений:

Однако по личному приказу Франка эти работы были прекращены. Генерал-губернатор оповестил о разрушении дворца и сам подал знак к дальнейшим разрушениям, сорвав 10 октября 1939 года серебряных орлов с королевского балдахина. Несколько недель подряд срывали со стен и уносили драгоценную деревянную и ковровую обшивку, ломали камни и облицовку из мрамора, разбивали паркетные полы, мраморные и каменные плиты, деревянные панели на лестничных клетках, срывали крышу и потолки, выламывали железные балки.

Внутреннее оборудование замка было полностью разграблено. Разграбили также часть... собраний из Рапперсвиля и других коллекций, которые сохранялись дирекцией государственных художественных собраний в этом замке... Одновременно велась подготовка к взрывным работам. В наружных стенах замка немецкие саперы просверлили примерно в полутора метрах от земли два ряда отверстий. Однако нацисты отказались от взрыва, планировавшегося на январь 1940 года. Вместо этого в ноябре 1939 года они согнали сотни евреев с кирками и топорами под командой немецких надсмотрщиков и приказали

им разрушить замок. Великое творение зодчества было превращено в руины, которые простояли вплоть до восстания 1944 года.

В 1943 году гитлеровцы взорвали те городские районы Варшавы, в которые они с августа 1940 года согнали примерно 400 тысяч евреев. Большая часть того, что осталось от Варшавы, была варварски уничтожена после восстания, поднятого доведенными до отчаяния варшавянами в августе 1944 года. После начала восстания Гитлер отдал Гиммлеру приказ сравнять Варшаву с землей. В начале декабря 1944 года, спустя два месяца после подавления варшавского восстания, вермахт взорвал руины замка. Уцелели только фундамент и подземные помещения.

В октябре 1944 года в Варшаве появился оберштурмфюрер СС Арнхардт из Мюнхена. Он заявил, что имеет особое поручение Гитлера вывезти в Германию все оставшиеся в Варшаве ценности.

Профессор Лоренц вспоминает:

Арнхардт заявил мне, что ему не нужны никакие разъяснения или указания, ибо сам он прекрасно разбирается в искусстве... Он грубо заявил мне, что его совсем не интересует, к какому веку или какому стилю относится то или иное произведение; самое важное, нравится ли ему данная вещь или нет. Этот человек не имел ни малейшего понятия об искусстве, а в истории разбирался хуже, чем школьник.

За 45 минут Арнхардт просмотрел и отобрал более тысячи картин. При этом ящики с картинами просто переворачивались или сбрасывались с верхних полок. Все, что ему не показалось, было разодрано в клочья, было разбито много античных ваз, керамики, уничтожено много акварелей.

9 октября 1944 года в Германию был отправлен транспорт, в котором было 17 ящиков и металлических коробок с изделиями из терракоты, рисунками, графикой, скульптурами, тканями, гобеленами, предметами из бронзы, церковной утварью.

11 и 12 октября Арнхардт продолжил вывоз ценностей. 16 октября Арнхардт приказал сжечь ценнейшее достояние польской культуры — библиотеку Залуцких. Вместе с ней погибли библиотека Красиньского и городской архив.

В конце 1944 года остатки ценностей были отправлены и из Кракова.

В польских областях, теперь их называли рейхсгау, фирма Гиммлера «Наследие» осуществляла все операции по грабежу художественных ценностей. Брали абсолютно все, не ссылаясь на «еврейское происхождение» владельцев. В генерал-губернаторстве этой работой руководил особый уполномоченный по надзору над произведениями искусства и культуры Польши статс-секретарь Кай Мюльман. Его назначил Геринг, а начальником штаба у Мюльмана был директор Эрнст, руководивший всеми организационными и административными работами зондеркоманды.

Кроме музея Чарторыских, разграблены коллекции Барачей и Яшенских — 17 картин

средних веков, 85 полотен польских мастеров и 19 иностранных. Конфисковали 16 основных каталогов музеев, разграблен Национальный музей в Кракове, сокровищница собора, замок Вавель и собрание графа Потоцкого, Королевский дворец.

Уникальные книги и документы из разных библиотек и архивов гитлеровцы сложили в библиотеке Красиньского и сожгли их в 1944 году.

Ограблены практически все провинциальные музеи и собрания картин, имущество церквей и костелов.

Первый этап кампании завершился разграблением 45 учреждений культуры, в специально изданном каталоге размещены 635 фотографий шедевров искусства, внизу указаны их новые номера.

В предисловии говорится:

Основываясь на предписании генерал-губернатора оккупированных польских земель от 16.12.1939 года, особый уполномоченный по надзору за предметами искусства и культуры сумел за 6 месяцев охватить почти все культурные ценности страны, за одним единственным исключением — коллекции фламандских гобеленов из Краковского замка. Согласно последним сведениям, она находится во Франции, так что конфискация со временем не исключена.

Одновременно с деятельностью по изъятию произведений искусства велась их научная обработка. Был составлен каталог с фотоприложением, который ясно доказыва-

ет проникновение немецкой культуры на Восток.

Излишне говорить о самостоятельном польском развитии искусства в различные исторические эпохи: существуют творения немецкой школы, есть и голландские и фламандские произведения, которые по своему духу и характеру также отображают лишь немецкую сущность и немецкое культурное влияние.

Каталог содержит подборку, соответствующую масштабам виднейших немецких музеев. Предпочтение отдается немецкому искусству и всему, что представляет ценность в рамках общеевропейского искусства.

Сегодня этот каталог экспонируется в Варшавском национальном музее.

Коллекция фламандских гобеленов из Краковского замка вместе с рукописями Шопена на специальном транспорте добралась через Румынию до Франции, а оттуда через Англию в Канаду. После войны в результате длительных переговоров только в 1966 году правительство Канады вернуло Польше гобелены.

Ганс Поссе неоднократно приезжал в Польшу. 14 декабря 1939 года он сообщал рейхслейтеру Борману, что с 25 ноября по 4 декабря находился в Кракове и Варшаве, чтобы иметь возможность доложить о характере и количестве конфискованных произведений искусства. В своем докладе Поссе подробно описывает, как «формировались поезда с конфискованными произведениями искусства из публичной, частной и церковной

собственности», обещал вновь вернуться в Краков, чтобы иметь «полную картину относительно всех польских художественных ценностей».

«Король всех черных рынков» Геринг тоже не дремал. Некто Палецийкс, подчиненный Франка, писал 4 мая 1943 года:

Сегодня меня посетил доктор Цюльх из дирекции музеев генерал-губернаторства, чтобы сообщить мне, что господин статс-секретарь д-р Мюльман сообщил ему по телефону, что шедевр Ватто «Портрет польки» преподнесен им, статс-секретарем д-ром Мюльманом, в подарок рейхсмаршалу и что теперь эта картина находится в руках Геринга.

Гитлеру Мюльман преподнес рисунок Бамбергского алтаря, сделанный Витом Ствошем и представляющий огромную ценность.

Существует ряд каталогов, в которые включены ценности «второй категории». В одном из них Государственное собрание монет Варшавы сами гитлеровцы оценили в 100 тысяч злотых.

Особоуполномоченный по надзору за сокровищами искусства и литературы издал циркуляр:

Украшение представительных государственных зданий господина генерал-губернатора вызывает необходимость сделать подборку разных произведений искусства так называемого второго класса для вышеназванной цели.

Поэтому следует поручить научным сотрудникам выбрать все те второсортные предметы искусства, которые имеют ярко выраженный музейный характер или относятся к церковному искусству, и инвентаризировать в качестве так называемого третьего класса. К ним относятся вещи, не подлежащие конфискации для специальных целей в соответствии с особым заданием. Этот так называемый третий класс был предоставлен Управлению строительства для украшения представительных государственных зданий г-на генерал-губернатора на основании изданного им постановления.

В «Докладе учетного ведомства» говорится, что

по желанию генерал-губернатора, в его распоряжение был предоставлен целый ряд предметов искусства второго и третьего класса для выставок и представительных целей.

Среди картин для украшения оказалась и «Дама с горностаем» Леонардо, а также еще несколько настоящих шедевров.

В провинции тоже не сидели сложа руки. В «Докладе о положении» от 2 мая 1941 года уполномоченного «Генерального посредничества „Восток“» говорится:

Общее количество осмотренных поместий, замков и частных квартир составляет около 500. Были обследованы и конфискованы: 102 библиотеки, 15 музеев, 3 картинные галереи, 8 коллекций оружия, 10 коллекций мо-

нет, 1 коллекция египетских ценностей, 1 коллекция античных ваз, 1 этнографическая коллекция, 21 различная частная коллекция (кустарные изделия, фарфор, естественнонаучные экспонаты, олени рога и т. д.), 1100 картин и акварелей, несколько сот гравюр, 25 статуй и скульптур, 500 предметов обстановки, 33 ящика с церковной утварью, много сот ковров... 25 коллекций благородных металлов, а также большое количество изделий из благородных металлов. Из этих предметов некоторые были отобраны как особо ценные. Вышеприведенные цифры не отражают полного объема конфискации.

При разделе богатств разгорались споры между «Генеральным посредничеством „Восток“» и гаулейтером и имперским наместником Вартегау Грейзером. Уполномоченный «Генерального посредничества» писал в докладе:

Гаулейтер намерен после обеспечения музеев теми произведениями искусства, которые будут признаны его комиссией достойными, передать все остальные конфискованные художественные ценности службам округа, своим лучшим чиновникам и поселенцам, к которым перешли замки, поместья и т. д. С одной стороны, он хочет, чтобы все осталось в округе Вартегау, а с другой — его сотрудникам должна быть предоставлена возможность приобрести за бесценок произведения искусства... Просьба предотвратить подобные злоупотребления.

Польские королевские регалии, которыми в 1734 году в Кракове короновался на польский престол сын Августа Сильного и которыми украшали себя все его преемники, находились в Дрезденском музее. В 1924 году они были переданы в собственность бывшему саксонскому королевскому дому. Свергнутый после революции 1918 года король Саксонии Август через одного венского антиквара продал королевские регалии Варшавскому национальному музею за 175 тысяч злотых.

Во время войны немцы, естественно, украли эти ценности. Вначале считалось, что по приказу Гитлера они были уничтожены. Однако в 1959 году в архивах в Дрезденском музее был найден документ, согласно которому директор галереи д-р Хольцхаузен передал королевские регалии саксонскому имперскому наместнику Мучману. В отчете говорится, что польские королевские регалии Августа III и его супруги были в качестве новых поступлений включены в «Зеленый свод».

Как известно, собрание Дрезденского музея в конце войны из крепости Кенигштейн было перевезено в Москву, откуда через несколько лет, при Хрущеве, после реставрации возвращено Дрезденскому музею. Польские королевские регалии Августа III и его супруги заняли свое законное место в Варшавском национальном музее.

Не дремал, конечно, и наш старый знакомец доктор Ганс Поссе, разрываясь уже между несколькими оккупированными странами.

22 июня 1942 года Поссе сообщил саксонскому министерству народного просвещения, что он получил личное поручение Гитлера выехать в оккупированные Нидерланды и Бельгию, чтобы произвести там «закупки», и не знает, сколько времени там пробудет.

15 июля — Нидерланды, 29 июля — Вена, 6 августа и 16 сентября — Нидерланды, 15 октября — Франция, Бельгия, 3 февраля 1941 года — Франция, 26 февраля — Италия. Затем снова Нидерланды, Италия, Чехословакия и Австрия. 14 октября 1941 года доклад Гитлеру в Главной ставке.

Для своей галереи Поссе не приобрел ни одной картины, а накануне вторжения в Польшу, 28 августа 1939 года, «ввиду угрожающей военной опасности» Дрезденскую галерею закрыли.

Несомненный интерес представляет

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПОССЕ
О ПОЕЗДКЕ В КРАКОВ И ВАРШАВУ
от 14 декабря 1939 года

Выполнить задание, в особенности в той его части, которая касается использования конфискованных художественных ценностей, не удалось, так как предметы еще в подавляющем большинстве упакованы в ящиках и в таком состоянии находились в Кракове или (в особенности в Варшаве) были приготовлены к отправке в Краков.

С 6 октября под руководством статс-секретаря Мюльмана, как особо уполномо-

ченного генерал-фельдмаршала Геринга и руководителя «отдела Науки и воспитания», при содействии вызванных из Берлина, Вены и Бреслау специалистов производится сбор всех наиболее ценных художественных сокровищ, и, насколько я мог установить, это дело близко к завершению. В первую очередь усилия были направлены на сбор и сохранение художественных и культурных ценностей Варшавы, прежде всего из серьезно поврежденного Королевского замка, мебель и внутреннее убранство которого большей частью удалось спасти.

В Краков почти ежедневно прибывали вагоны с реквизированными произведениями искусства, принадлежавшими государству, церкви и частным лицам. Эти произведения искусства сосредотачиваются в особенно пригодном для этого здании Ягеллонской библиотеки в Кракове, и там производится их размещение в удобном для обозрения порядке. Как только это размещение, которое должно завершиться в феврале 1940 года, и связанная с ним инвентаризация будут закончены, я снова поеду в Краков, чтобы выполнить данное мне задание.

Одновременно государственный фотоцентр приступает к последовательным съемкам всех значительных произведений искусства. Фотографии будут представлены генерал-губернатором фюреру в фотоальбомах.

В Кракове и Варшаве я осмотрел общественные и частные собрания, а также церковное имущество. Подтверждается, что, помимо уже известных нам в Германии выдающихся

ся художественных ценностей (например, алтарь Вита Ствоша и фрески Ганса Кульмбаха из церкви Девы Марии в Кракове, работ Рафаэля, Леонардо и Рембрандта из собрания Чарторыхских и некоторых произведений из Национального музея в Варшаве), имеется не очень много произведений, могущих обогатить германский художественный фонд (живопись и скульптура).

Богаче и разностороннее польский фонд предметов прикладного искусства: ювелирные изделия из золота и серебра (большой частью немецкого происхождения, в первую очередь из краковской церкви Марии и собора в Вавеле), гобелены, оружие, фарфор, мебель, бронза, монеты, ценные пергаменты, книги и т. д. Дело в том, что деятельность польских коллекционеров распространяется преимущественно на эти области, кроме малозначительного польского национального искусства, особенно XIX века... Тем не менее в Ягеллонской библиотеке, возможно, будут собраны многие тысячи экспонатов всех видов.

До тех пор, пока не будет учтен весь конфискованный материал, я не смогу, как уже было сказано, сделать предложение о его распределении. Однако я хотел бы уже сейчас предложить **ЗАРЕЗЕРВИРОВАТЬ ДЛЯ МУЗЕЯ ИСКУССТВ В ЛИНЦЕ ТРИ ГЛАВНЫХ ПОЛОТНА ИЗ СОБРАНИЯ ЧАРТОРЫСКИХ: КИСТИ РАФАЭЛЯ, ЛЕОНАРДО И РЕМБРАНДТА.** Они находятся в настоящее время в Музее кайзера Фридриха в Берлине...

Здесь речь идет и о «Даме с горностаем».

...Далее, учитывая особый интерес, который должен проявлять Дрезден к спасенным предметам обстановки Варшавского королевского замка, обставленного саксонскими архитекторами и художниками, представляется желательным, чтобы спасенные элементы интерьера (обои, панели, двери, паркет, скульптура, зеркала, мебель, фарфор и т. д.) были переданы для украшения интерьеров павильонов дрезденского Цвингера (Дрезденская галерея).

Позволю себе далее обратить Ваше внимание на то, что в руки русских попали находившиеся в львовском музее «Оссолинеум» серии прекрасных рисунков Альбрехта Дюрера и других старонемецких мастеров. Не исключено, что можно было бы еще спасти для Германии хотя бы 27 гравюр Дюрера.

Ганс Поссе.

Кай Мюльман, особый уполномоченный по конфискации предметов искусства при управлении генерал-губернатора, после войны показал под присягой, что он лично конфисковал во Львове всемирно известные рисунки Альбрехта Дюрера и передал их Герингу, а тот доставил их затем Гитлеру для музея в Линце.

После войны рисунки Дюрера попали к американцам, а американцы передали их эмигранту из Польши князю Любомирскому, который позже продал их в Швейцарии с аукциона, хотя князя Любомирские давно официально передали их в дар львовскому музею.

«Портрет молодого человека» Рафаэля до сих пор не возвращен в Музей Чарторыских.

Имперский министр оккупированных территорий рейхслейтер Розенберг жалуется Гитлеру 16 октября 1941 года:

Различные полученные мною сообщения вынуждают меня просить Вас, мой фюрер, чтобы Вы издали основополагающую инструкцию, обязательную для всех германских учреждений, включая вермахт и формирования СС, о порядке обеспечения сохранности сокровищ искусства и культуры, а также научных материалов на оккупированных восточных территориях. Как имперский министр оккупированных восточных областей, я вижу свою задачу не только в том, чтобы обеспечивать управление новыми землями и использование их в соответствии с нуждами Великогерманского рейха, но и хотел бы в качестве Вашего представителя и перед лицом истории знать, что для Великогерманского рейха будут сохранены все сокровища искусства и культуры, а также весь научный материал этого пространства...

Мне известно, что Вы, мой фюрер, распорядились о вывозе многих художественных ценностей с целью сохранить их для музея в Линце. Однако генеральный комиссар Кубе сообщил мне, что, сверх того, из больших собраний ценных предметов искусства в Минске весьма значительные ценности изъяты учреждениями и лицами, которые, очевидно, не были на то уполномочены.

Подобные действия, на мой взгляд, никоим образом не могут быть одобрены. При нынешнем положении вещей они могут быть предотвращены только Вашим, мой фюрер, особым распоряжением.

16 октября 1941 года Розенберг докладывает Гитлеру о своих героических усилиях по сохранению награбленного:

Я дал указание эйнзацштабу моего ведомства провести и на оккупированных восточных территориях в широком объеме работы, уже выполненные на Западе.

Предотвращая хищения, я первоначально запретил в сфере действия гражданского управления какой бы то ни было вывоз художественных и культурных ценностей и научного материала. Все фонды должны быть инвентаризированы моим эйнзацштабом. С помощью полученных таким образом данных представится возможность учесть все правомерные пожелания и требования инстанций Великогерманского рейха.

На этой основе я мог бы гарантировать, что все художественные ценности, которые в соответствии с Вашими, мой фюрер, личными планами могут подойти музею в Линце и другим музеям, действительно попадут по назначению. Однако для этого необходимо, чтобы эйнзацштаб начинал свою работу в зоне боевых действий и следовал непосредственно за войсками.

Как подсказывает накопленный опыт, это окажется возможным лишь в том случае,

если Вы, мой фюрер, отдадите приказ, обязательный для всех инстанций, действующих в восточных областях, включая зону боевых действий.

Позволю себе приложить проект соответствующего приказа, который было бы наиболее целесообразно сообщить через все три ставки вермахта в войсках и через имперского руководителя СС — отдельным формированием СС и СД. Я был бы также благодарен, если бы господин директор Поссе, как Ваш особый уполномоченный по музею в Линце, доложил бы мне свои предложения, с тем чтобы я мог позаботиться о неукоснительном соблюдении Ваших, мой фюрер, желаний.

До эйнзацштаба Розенберга в Польше орудовали особый уполномоченный Кай Мюльман, «Наследие» и «Генеральное посредничество „Восток“».

Один из уполномоченных «Генерального посредничества» сообщает своему начальству в Берлин 22 декабря 1942 года:

Согласно сообщению имперского министра и начальника имперской канцелярии от 9 октября 1940 года БК 8828 Б, фюрер изъявил желание принимать решения об использовании изъятых произведений искусства. Уполномоченным фюрера по подготовке этих решений является директор Государственной картинной галереи в Дрездене господин доктор Поссе. Последнему были пересланы реестры реквизируемых «Генеральным посредничеством „Восток“» художественных коллекций, и

одновременно он был поставлен в известность об окончании деятельности «Генерального посредничества».

Как сообщил мне доктор Поссе по телефону 17 мая, он сам просмотрел реестры и нашел различные предметы, которые могли бы заинтересовать фюрера. Мне обещали срочно прислать опись этих вещей. Я прошу поэтому при дальнейшем препровождении направленных вам и предназначенных гаулейтерам списков, соответствующим образом проинформировать гаулейтеров и обратить их внимание на то, что сначала следует дождаться, чтобы господин доктор Поссе высказал свое мнение, а потом уже решать, что должно произойти с культурными ценностями.

Нацистский наместник и гаулейтер области Варта (город Голухов) Грейзер всячески уклонялся от выдачи одной коллекции Чарторыских, ссылаясь на то, что Варта стала частью «Великой Германии».

Сам Франк, как мы знаем, не последовал приказу шефа имперской канцелярии — он снова заполучил изъятые ранее из коллекции Чарторыских картины Леонардо и Рембрандта.

А Розенберг, бывший не в ладах с Борманом, старался обойти его в преданной любви к «дорогому фюреру». 11 апреля 1943 года он пишет Гитлеру:

Желая доставить Вам, мой фюрер, радость ко дню рождения, позволю себе передать Вам папку с фотографиями некоторых

ценнейших картин, которые мой эйнзацштаб, выполняя Ваш приказ, изъяс на оккупированных западных территориях из еврейской собственности, оставшейся без хозяев.

Эта папка фотографий представляет собой дополнение к уже поступившим в Ваше собрание из этого же источника 53 ценнейших произведений искусства. Но и она дает лишь слабое представление о чрезвычайно обширных и ценных сокровищах искусства, собранных моим штабом во Франции и надежно укрытых в Рейхе.

Прошу Вас, мой фюрер, предоставить мне возможность при следующей аудиенции доложить Вам о всем объеме и состоянии этой акции по сбору произведений искусства. Прошу Вас принять в качестве дополнения к этому имеющему быть позднее устному докладу короткий письменный отчет о ходе и объеме этой акции, а также три тома предварительного каталога картин, которые тоже включают пока что лишь часть находящихся в Вашем распоряжении коллекций.

Другие каталоги, которые в настоящее время обрабатываются, я передам через некоторое время. Я позволю себе в ходе испрошенного мною доклада передать Вам, мой фюрер, 20 папок с фотографиями, надеюсь, что даже кратковременное общение с прекрасными произведениями столь близкого Вашему сердцу искусства озарит красотой и радостью Вашу жизнь, наполненную ответственностью и величием.

Хайль, мой фюрер!

Папки с фотографиями столь близких сердцу ценностей фюрер милостиво принял.

Полковник Стори в Нюрнберге сослался на это письмо Розенберга и отметил, что

в распоряжении трибунала имеются 39 объемистых томов каталога сокровищ искусства, награбленных эйнзацштабом Розенберга, но если бы он завершил инвентаризацию похищенного, то таких томов было бы 350—400. Присвоенные гитлеровцами художественные ценности превосходят все сокровища Метрополитен-музеума в Нью-Йорке, Британского музея в Лондоне, Лувра в Париже и Третьяковской галереи в Москве.

Стори добавил:

История не знает такой огромной коллекции, собранной в столь короткий срок и при помощи таких методов.

Конечно, фюрера порадовала бы такая оценка его деятельности со стороны американского эксперта. Но услышать ее ему уже не пришлось.

Самым значительным художественным сокровищем, похищенным немцами в Польше, был алтарь Вита Ствоша из церкви Марии в Кракове — трехстворчатый алтарь создан нюрнбергским резчиком по дереву Витом Ствошем в XV веке.

Мастер Фейт Штосс родился в Нюрнберге. Но так получилось, что европейскую славу он

получил за свой грандиозный проект — алтарь Мариацкого костела в Кракове.

Именно поэтому он более известен как Вит Ствош — так его называли благодарные поляки.

На своей родине Мастер занимался скульптурой, резьбой по дереву и всем, что могло прокормить его семью с восьмью детьми. Именно поэтому он принял приглашение немецкой общины в Кракове и переселился туда в 1477 году с семьей. Мастер получил весьма дорогой заказ на изготовление алтаря — сумма в 2802 гульдена считалась довольно большой. От граждан города постоянно поступали пожертвования.

Спустя семь лет, в 1484 году, к радости немецкой общины и всех граждан города алтарь был торжественно открыт, а Ствош получил гражданство Кракова и пожизненное освобождение от налогов.

Алтарь, высотой 16 метров и шириной 11, занимает почти весь пролет нефа. Перед нами раскрываются в тончайшей резьбе по дереву сцены из жизни Богоматери. Редко кому удавалось достичь такой выразительности и художественного совершенства в резьбе по дереву. В отдельных фигурах алтаря мы читаем книгу бытия тех, далеких от нас жителей XV века.

Слава о замечательном мастере разнеслась по свету, на его родине вспомнили о нем и пригласили мастера вернуться. Он переезжает в Нюрнберг, выполняет заказы влиятельных граждан, но затем из-за каких-то интриг попадает в опалу и умирает в 1533 году больным и нищим стариком прямо на улице.

В истории искусства Мастер остался под своей польской фамилией, а алтарь в Марицком соборе Кракова известен под именем Вита Ствоша.

Прошло 400 лет, и немцы вспомнили, что алтарь Вита Ствоша — произведение немецкого искусства и, конечно, должен быть возвращен в «Великую Германию». Доктор Поссе числил алтарь среди первоклассных произведений.

Особый уполномоченный по реквизиции художественных ценностей Польши писал о нем:

«неповторимый, бесценный и уникальный шедевр, имеющий огромное культурно-историческое значение».

Однако алтаря в Марицком соборе немцы не обнаружили — под наблюдением профессора Карола Эстрейхера алтарь был разобран, все его детали тщательно упаковали и погрузили на пароход, который доставил его в Сандомир, где 23 сентября 1939 года алтарь спрятали в подвалах костела.

Искусствовед и археолог унтерштурмфюрер СС доктор Паульсен в первые дни октября появился в Сандомире и с помощью предателя очень быстро нашел алтарь.

5 октября 1939 года Паульсен доносил штурмбанфюреру СС Кайзеру:

Перевозка фигур Вита Ствоша сопряжена, однако, со значительными затруднениями.

Перемещения войск задерживают движение автотранспорта. Одна автомашина, к счастью, без груза, опрокинулась по пути в Сандомир перед Кельцами. Ящики в Сандомирском соборе очень большие, четыре из них весят по 800 килограммов каждый. Из-за плохого состояния дорог нельзя использовать прицепы. По соображениям безопасности движение допустимо только днем.

Сегодня с первой партией груза я благополучно прибыл в Краков. Завтра приму в Сандомире вторую и третью партии. В соответствии с имеющимися у меня сведениями я ожидаю более подробных указаний из Берлина... Что предпринимает «Наследие»?

Сотрудник Гейдриха пометил в служебном документе 14 октября 1939 года:

Унтерштурмфюрер СС профессор доктор Паульсен возвратился сегодня после успешного выполнения своей особой миссии (доставка алтаря Вита Ствоша из Кракова (Сандомира) в Берлин). После доклада группенфюреру СС Гейдриху Паульсену предписано явиться в понедельник на совещание, чтобы затем опять выехать в Польшу с новыми поручениями.

Основываясь на полученном опыте, Паульсен доложил, что поставленные перед ним задачи могут быть полностью выполнены лишь в том случае, если он получит возможность взять с собой подходящих людей как вспомогательную силу, потому что находящегося на месте персонала недостаточно. С этой

целью к нему, возможно, скорее всего будут прикомандированы сотрудники «Наследия», что уже одобрено рейхсфюрером СС.

Успешно изъяв все картотеки и каталоги всех музеев и коллекций в Кракове, Паульсен получил возможность контролировать весь материал. Судя по полученным Паульсеном заданиям, следует предположить, что культурные ценности должны быть, насколько это возможно, полностью доставлены в Германию, отсюда возникает следующая задача: необходимо отсортировать, изъять и доставить в Берлин ту часть коллекции, которая наиболее важна для деятельности «Наследия», в особенности предметы доисторического и древнего периодов, а также ценные собрания из области геральдики, естественно-научные и этнографические коллекции.

Паульсен немедленно отправился в Польшу.

Алтарь Вита вначале разместили в подземных хранилищах государственного банка.

Ганс Поссе предложил сохранить его для «музея фюрера». Но так как Вит Ствош был уроженцем Нюрнберга, то партийные бонзы потребовали, чтобы алтарь был доставлен в Нюрнберг, город нацистских съездов.

В мае 1940 года ящики с алтарем привезли в Нюрнберг, где их поместили в подвалах. Священник церкви св. Лоренца показал на допросе 16 декабря 1945 года, что обербург-мистр Либель собирался установить алтарь Вита Ствоша после окончания войны в церкви св. Лоренца:

Эту церковь должны были объявить государственным собором и превратить в музей Вита Ствоша.

Алтарь оставался в ящиках, и лишь в мае 1946 года его вернули в Польшу, собрав находящиеся в разных местах хранения две тысячи фрагментов алтаря.

Алтарь реставрировали много лет, и лишь в 1951 году в краковском Вавеле была выставлена первая часть алтаря. 15 сентября 1967 года, т. е. спустя 20 лет, профессор Слонецкий завершил реставрацию, и алтарь в его первоначальной красоте был открыт для осмотра в Мариацком костеле Кракова.

Глава седьмая,
В КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ,
ПОЧЕМУ БЫЛИ ПОВЕШЕНЫ
БОЛЬШИЕ ЦЕНИТЕЛИ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ —
АЛЬФРЕД РОЗЕНБЕРГ,
ЙОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП
И GERMAN GERINГ

30 июля 1940 года, спустя месяц после капитуляции Франции и подписания перемирия, шеф верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель приказал командующему войсками в Париже генералу фон Бокельсбергу обеспечить передачу оккупационным властям всех государственных и частных художественных коллекций, в особенности принадлежавших евреям, что противоречило Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны, под которой стояла и подпись Германии.

Предполагалось, что Франция навечно будет принадлежать Германии.

Зондеркоманда Риббентропа грабила Францию под руководством посла Абеца и секретаря посольства штурмбанфюрера СС барона фон Кюнсберга. Позднее три роты особого батальона Риббентропа «работали» на территории СССР.

Самой крупной организацией являлся эйнзацштаб Розенберга, которому подчинялся особый штаб «Изобразительное искусство».

Шеф верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель направил при-

каз всем немецким командующим в оккупированных странах Европы:

Рейхслейтер Розенберг ходатайствовал перед фюрером о разрешении проверить наличие:

- 1) в государственных библиотеках и архивах ценных для Германии книг и рукописей,*
- 2) в канцеляриях высших церковных властей и масонских лож — направленных против нас политических документов.*

Рейхслейтер ходатайствовал также о разрешении на конфискацию соответствующих материалов.

Фюрер принял это предложение.

Гестапо, поддержанному архивными специалистами имперского руководителя Розенберга, поручается провести эту проверку. Руководитель полиции безопасности группенфюрер СС Гейдрих поставлен об этом в известность; он установит связь с соответствующими военными руководителями с целью выполнения этого поручения. Это мероприятие должно быть проведено во всех оккупированных нами областях Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Франции. Прошу уведомить об этом соответствующие инстанции.

Начальником штаба центрального руководства назначен рейхсамтслейтер Герхард Утикаль, который затем стал руководителем «Центра по охвату и сбору культурных ценностей на оккупированных восточных территориях».

В соответствии со специальным предписанием шефа имперского министерства ино-

странных дел Риббентропа, по поручению фюрера, в задачи посла Абеца входило:

...6. Консультирование тайной полевой полиции и гестапо при конфискации политически важных документов.

7. Фиксирование и изъятие общественных и частных художественных ценностей, в первую очередь тех, что принадлежат евреям, на основе специальных указаний на этот счет.

Указания по осуществлению своих задач посол Абец получает лично от меня и отвечает за них только передо мной.

РИББЕНТРОП

Начальником зондеркоманды по изъятию художественных ценностей назначен штурмбанфюрер СС барон фон Кюнсберг. В телеграмме Риббентропу Кюнсберг сообщал, что эксперты и агенты тайной полевой полиции конфисковали ценности в квартире бывшего французского министра Манделя. Как еврей Мандель был отправлен в концлагерь, где и погиб. На ценности, принадлежавшие не евреям, распространялось определение как на собственность, принадлежавшую «враждебным немцам элементам».

Во Франции нацисты сразу же конфисковали художественные ценности евреев и в первую очередь Ротшильдов (около 4 тысяч произведений искусства).

В доме на Рю де Лилль концентрировались конфискованные ценности, где их инвентаризировал д-р Е. Мейер, хранитель государствен-

ных музеев в Берлине. В зондеркоманде Риббентропа трудились генеральный директор государственных музеев в Берлине профессор Кюммель, сотрудники генеральной дирекции государственных музеев в Берлине профессор д-р Роберт Шмидт, профессор Кох и некоторые другие эксперты.

Уже 21 июля 1940 года Кюнсберг докладывал о готовности к захвату государственных музеев Франции. Он был возмущен, что французские музеи вывезли свои коллекции. Была дана команда раздобыть все каталоги и репродукции вывезенных экспонатов.

Граф Меттерних, уполномоченный по охране художественных произведений при начальнике немецкой военной администрации во Франции, писал:

Члены группы Кюнсберга и посольства бес тактно и непристойно насели на работников Управления французскими государственными музеями и вырвали у них, наконец, списки, порой пуская в ход угрозы.

Были обследованы дворцы Шамбор, Шерверни, Блуа, Бриссак, Шереперин и Суш, находившиеся под оккупацией немцев. В своих донесениях Кюнсберг выражал возмущение, что французы предусмотрительно вывезли за пределы оккупационной зоны все самое лучшее, в том числе шедевр Лувра «Монна Лиза» Леонардо да Винчи.

Из секретного доклада немецкой военной администрации во Франции шефу верховного ко-

мандования сухопутных сил генерал-фельдмаршалу фон Браухичу от 13 сентября 1940 года:

11 августа 1940 года стало известно, что посол Абец дал поручение Кюнсбергу конфисковать определенные картины из французского частного владения (около 1500 экз.) и вывезти их из мест укрытия, главным образом из дворца Шамбор... 12 августа у посла Абеца вновь состоялось совещание, в котором, помимо сотрудников посольства, принял участие генеральный директор государственных музеев в Берлине профессор д-р Кюммель.

На этом совещании сотрудники посольства предложили вывезти картины из дворца Шамбор в Лувр под предлогом их плохого хранения, чтобы там в спокойной обстановке отобрать соответствующие произведения и отправить их в Германию.

В Берлине, во дворце, были приготовлены места для хранения.

Посол Абец забрал себе картину Рафаэля, принадлежавшую бывшему австрийскому генеральному консулу в Париже Вейсу, который хранил ее в банке «Ультрамарино, банк Франко — Португэз», Рю Эльдер, 4—6, и под закладную этой картины взял у одного португальского банка в Лиссабоне 18 тысяч фунтов стерлингов. Абец узнал об этом и, чтобы предотвратить отправку банком картины Рафаэля в Португалию, потребовал от майора Хартмана из немецкой команды по охране ценностей в Париже конфисковать полотно.

15 июля 1940 года официальный немецкий листок опубликовал приказ Кейтеля, в котором приказывалось владельцам всех движимых произведений искусства, ценность которых превышает 100 тысяч франков, к 15 августа 1940 года зарегистрироваться в соответствующей полевой комендатуре или в другом указанном ею месте.

Благодаря такой помощи верховного командования вермахта, штаб Розенберга получил данные на все произведения искусства во Франции.

17 сентября Кейтель приказал командующим войсками вермахта во Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурге:

Рейхслейтер Розенберг и его заместитель рейхсгауптштелленлейтер Эберт облечены определенными полномочиями самим фюрером; они имеют право отправлять в Германию и обеспечивать здесь сохранность произведений культуры, которые покажутся им ценными. Фюрер оставил за собой право использовать эти ценности. Просьба дать указания соответствующим командующим или служебным инстанциям.

Между Кюнсбергом и военной администрацией происходили споры относительно компетентности. Штаб Розенберга обладал четкими полномочиями, а у Риббентропа их не было.

Кейтель наделил зондеркоманду Розенберга всеми полномочиями. 2 октября 1940 года Эберт потребовал от тайной полевой полиции следить за тем,

«чтобы конфискация произведений культуры происходила только для зондеркоманды Розенберга, а не для других инстанций, например, для посла Абеца, который все еще действует в этой области».

Вскоре эйнзацштаб Риббентропа прекратил конфискацию произведений искусства. Советник миссии д-р Цейгель, преемник Кюнсберга на посту руководителя оставшейся во Франции части зондеркоманды Риббентропа, сообщил 29 июля 1941 года своему посольству:

В связи с запиской д-ра Эптинга могу вам доложить, что еще в свое время, когда акция по конфискации еврейских художественных ценностей полностью перешла в руки штаба Розенберга, который, как вы, наверное, помните, бестактно конфисковал на складах фирмы Шенкер находившиеся там в свое время в ведении посольства ящики с предметами искусства, я справедливо предложил лично 2-му послу Абецу следующее: раз уж штаб Розенберга столь беспардонным способом присваивает себе все вещи, пусть он соблагоизволит хотя бы частично возместить наши расходы.

Чтобы сохранить для Франции богатое наследство Ротшильдов, вишистское правительство лишило гражданства семью Ротшильдов и другие эмигрировавшие еврейские семьи и на этом основании объявило их ценности собственностью государства.

Однако это не смутило эйнзацштаб Розенберга, и приказом верховного командования

вермахта было объявлено, что правомочным является состояние собственности

«до объявления войны во Франции — 1 сентября 1939 года. Происшедшее после этого дня переоформление собственности в пользу Французского государства и т.п. беспредметно и неправомочно (например, польские и словацкие библиотеки в Париже, имущество из дворца Ротшильда или другое принадлежавшее евреям имущество). Протесты при обысках, конфискациях и вывозе ценностей в Германию не будут приниматься».

Пианистка Ванда Ландовская, руководившая в Сен-ле-ла-Форе школой старинной музыки, владела коллекцией исторических музыкальных инструментов, в том числе фортепиано Шопена. Референт по музыке при эйнзацштабе Розенберга д-р Герик в конце сентября 1940 года конфисковал эту коллекцию и отправил ее в 53 ящиках сначала в Лувр, а оттуда в Германию. Французы объявили, что *«для французских художественных ценностей это невозполнимая потеря».*

Как сказал на заседании трибунала в Нюрнберге советский представитель Руденко,

«Грабил Геринг, грабили все министры рейха и рейхскомиссары оккупированных территорий, грабило военное командование».

3 августа 1941 года для Гитлера и Геринга была конфискована коллекция торговца произведениями искусства Вильденштейна, со-

бранная во дворце Моир — 38 ценных полотен, включая картину Фрагонара «Прачки».

Голландский коллекционер, бывший директор музея Франса Гальса в Гаарлеме, Иозеф Крёниг хранил ценности в Париже. 2 мая 1941 года их конфисковали, однако, Крёнигу удалось доказать, что конфискованное принадлежит не ему, а итальянцу Бенедиктису, и коллекцию пришлось вернуть. Но не всю, многое «позаимствовал» Геринг и всячески затягивал возврат, ссылаясь на трудности перевозки и невозможность обеспечить их безопасность.

Понимая, что она имеет дело не с обычными грабителями, американская подданная, проживавшая в Париже г-жа Гулд, вынуждена была пойти на сделку. В ее большой дом на Мэзон-Лаффит ворвались с обыском под предлогом, что там хранится оружие. Его, конечно, не нашли, но зато обнаружили прекрасную коллекцию, в которой был очень ценный триптих и два старинных исполненных из слоновой кости фрагмента. Все немедленно конфисковали.

Г-жа Гулд предложила взамен «пожертвовать все запасы вина для солдат на Восточном фронте», однако протестует против изъятия художественных ценностей. В результате переговоров появилось следующее сообщение:

Хотя г-жа Гулд не брала на себя никаких обязательств и хотя, с другой стороны, эйнзацштаб не имел никаких прав на это частное владение американской гражданки, договорились о следующем:

а) г-жа Гулд предоставляет триптих рейхсмаршалу; рейхсмаршал жертвует триптих музею Клюни в Париже, которому семейство Гулд хотело передать этот триптих в случае смерти владелицы;

б) два фрагмента в знак благодарности г-жи Гулд за передачу вещей рейхсмаршалом музею Клюни должны быть переданы рейхсмаршалу в его частное владение.

*Заместитель начальника эйнзацштаба
Розенберга фон Бер.
Г-жа Гулд.*

Конечно, пойти на это «добровольное» соглашение семье Гулд пришлось перед угрозой отправки в концлагерь.

18 сентября 1940 года Розенберг в письме казначею нацистской партии рейхслейтеру Ф. Шварцу писал:

Прошло некоторое время, и мы натолкнулись на разные сокровища и смогли шаг за шагом установить, что многое оказалось вывезенным из Парижа в другие города. Так, ротшильдовские сокровища... были конфискованы нами не только в Париже, но и в разных других поместьях Ротшильдов (Бордо, Довий и т. д.).

Высказанные юридические сомнения я обсудил с фюрером, и он после этого распорядился о новом приказе начальника штаба вермахта... Вместе с многочисленными научными трудами у Ротшильдов были обнаружены и в результате конфискованы также и многие в высшей степени ценные предметы искусства...

В Брюсселе и Амстердаме мы тоже обнаружили ценные материалы, и я полагаю, что мы и оттуда сможем кое-что переправить в Германию. Таким образом, здесь старательно используется каждая минута, ибо подобный случай едва ли когда-либо представится.

В личном письме Шварцу Розенберг конфиденциально сообщает:

Лично! Секретно!

Как я вам уже подробно сообщал, работа моего эйнзацштаба в Париже, Брюсселе и Амстердаме пока еще не завершена, из-за все новых и новых находок и сообщений приходится много ездить в провинции Франции, в частности, в Бордо, Довий, на Луару и т. д. В Амстердаме поисковые работы вообще стали возможны лишь в последнее время, так как рейхскомиссариат все еще оттягивал кое-какие мероприятия.

В результате этих акций, о которых я вам уже писал, были найдены настолько ценные принадлежавшие евреям сокровища, что благодаря работе моего эйнзацштаба Германия приобретет немалое количество ценнейших произведений искусства. Наибольшая часть пока что размещена в безопасных хранилищах Лувра и будет затем переправлена в Германию согласно приказу фюрера.

Сам Розенберг скромно оценил конфискованное во Франции к середине 1940 года минимум в полмиллиарда марок.

20 марта 1941 года начальник штаба Розенберга Утикаль докладывал своему шефу в разделе «Особый штаб Лувр»:

По весьма осторожным подсчетам можно предполагать, что конфискованные до сих пор картины, скульптуры, мебель, ковры, гобелены и другие предметы искусства стоят более чем миллиард марок.

В «Жё де Пом» штаб устроил семь больших выставок, чтобы дать рейхсмаршалу Герингу и рейхслейтеру Розенбергу общее представление о наиболее ценных предметах.

Геринг остался доволен и распорядился вывезти все в Германию. 5 мая, 17 июля и 14 сентября 1941 года были вывезены следующие частные собрания:

Коллекция вдовы Хири, совладелицы банкирского дома «Луи Хири», Париж, состоящая примерно из 30 произведений искусства, в том числе 24 картин XVII, XVIII и XIX веков, а также нотной тетради произведений Рихарда Штрауса («Электра»);

коллекция доктора Вассермана, Париж, из 75 картин почти исключительно нидерландских и фламандских мастеров XIV—XVIII веков;

коллекция Германа, Жана и Исаака Гамбургеров, состоящая из 39 картин, в том числе 4 полотен Рембрандта;

коллекция Соломона Флавиана из 26 картин, в том числе много работ Курбе;

коллекция Зауэрбау (данных нет);

коллекция доктора Эрлангера — д-ра Розенфельда;

коллекция Тьерри, владелицей которой была жена французского посланника в Аргентине, проживавшая на неоккупированной территории (речь идет о двух портретах Друэ);

коллекция Оскара Федерера, состоящая из одной картины Клода Моне;

коллекция Ампарцумяна (грек или армянин — выяснить не удалось). Речь идет о трех картинах — Ван-Дейка, Каналетто и Пуги;

коллекция Андре Жана Зелигмана из 27 картин, в большинстве XVII—XVIII веков, в том числе три картины Фрагонара.

Оценены лишь следующие коллекции:

Виль-Пикара, состоящая из 124 картин XVIII века, бюста и двух статуй стоимостью примерно 16—17 миллионов франков;

Розенберга, состоящая примерно из 160 картин; приблизительная оценка — 7 миллионов 171 тысяча франков;

Штерна — картины, другие произведения искусства, а также книги; примерная оценка — 311 200 франков.

Из пяти бронированных помещений «Банк де Франс» и «Креди Лионе» в Париже было извлечено наследие Эдмонда де Ротшильда, Александрины и Джеймса Армана де Ротшильдов. Опись изъятого не составлялась.

В «Банк де Франс» в Невере и Ангулеме также было конфисковано имущество Александрины и Мориса де Ротшильдов, как и

Эдуарда, Джеймса Армана, Робера, Филиппа и Эжена де Ротшильдов. Эти изъятия были отражены на 25 страницах описи.

Среди изъятых были многочисленные полотна Веласкеса, Гойи, Ван-Дейка, Тьеполо, Ватто, Рейнольдса, Сезанна, Ван-Гога. 42 ящика, чемоданы и футляры с жемчужными ожерельями, кольцами, брошами, подвесками, браслетами, диадемами с алмазами, бриллиантами и другими драгоценными камнями. Этот список уместился на 22 страницах.

Секретный доклад руководителя команды по охране ценностей во Франции от 8 декабря 1941 года (обнаружен в «Доме юстиции» германской военной администрации):

Господин рейхсмаршал Великогерманского рейха, будучи в Париже, распорядился 3 декабря 1941 года относительно собственности семьи Ротшильдов. Эти решения г-н рейхсмаршал записал и в моих документах.

1. 52 багажных места с предметами искусства и украшениями из имущества членов семьи Ротшильдов:

а) 21 багажное место передать зинцацштабу Розенберга; передача состоялась 4 декабря 1941 года;

б) 31 багажное место оставить вплоть до распоряжения г-на рейхсмаршала под охраной команды по охране ценностей. Г-н рейхсминистр распорядится об отправке грузов, как только переговорит с г-ном финансов об использовании этих вещей.

2. 22 больших ящика и три коробки со столовым серебром и столовыми приборами из серебра — собственность членов семьи Ротшильдов.

3. Картины и другие произведения искусства, найденные у Александрины Ротшильд, Париж, Рю Леонардо да Винчи, 2; эти картины и вещи передать эйнзацштабу Розенберга (передача состоялась 5 декабря 1941 года).

4. Украшения, найденные солдатами ВВС в Париже в доме Бернарда Ротшильда и переданные команде по охране ценностей во Франции.

В докладе Утикаля от 20 марта 1941 года сообщалось, что по распоряжению фюрера из Франции было отправлено примерно 6 тысяч ящиков с научными материалами для «Высшей школы», исследовательского учреждения, и 52 железнодорожных вагонов с предметами искусства.

Для того, чтобы охватить все более расширяющийся фронт работ, Розенберг создал внутри своего штаба специальный отдел «Изобразительное искусство», который возглавил Роберт Шольц.

В его докладе от 16 апреля 1943 года сказано, что в период с 17 сентября 1940 года по 7 апреля 1943 года зондерштаб переправил из Франции в десяти транспортах в немецкие хранилища 92 вагонов с 2775 ящиками, содержащими художественные ценности. Кроме того, в специальных транспортах были переправлены 53 предмета искусства для фюрера в Мюнхен и 594 предмета (картины, скульптура,

мебель, ткани) — в собственность рейхсмаршала.

С апреля 1943 по июль 1944 года переправлены 29 транспортов — 137 вагонов с 4174 ящиками и размещены в шести хранилищах.

Из доклада штаба «Изобразительное искусство» от 14 июля 1944 года:

Проводились планомерные обыски поместий семейства Ротшильдов, в том числе известных дворцов на Луаре. При этом были изъяты для Рейха значительные части всемирно известных художественных собраний Ротшильдов.

Предметы искусства, принадлежавшие Ротшильдам, были обнаружены не только в искусно замаскированных тайниках в отдельных дворцах, но и в хранилищах и на товарных складах, как, например, в Бордо и в других приморских городах, где эти произведения искусства, уже запакованные, были приготовлены для отправки в Америку.

Таким же путем штаб разыскал и полностью конфисковал художественную собственность остальных известных французских коллекционеров-евреев — Канна, Давид-Вейля, Леви де Бенциона и Зелигмана.

После конфискации наиболее известных еврейских художественных коллекций в Париже зондерштаб занялся планомерным обыском всех брошенных квартир богатых французских евреев, а также складов всех экспедиционных фирм и многих других, нередко замас-

кированных французскими арийцами складов художественных сокровищ эмигрировавших французских евреев, и при этом обнаружил весьма ценные произведения искусства.

Эти изъятия производились на основе предварительных тщательных проверок списков, отмеченных во французских полицейских учреждениях, еврейских справочников, книг учета хранения и заказов французских экспедиционных фирм, французских каталогов искусства и коллекций...

Поиски часто сильно затруднялись из-за преднамеренного саботажа французских властей, а также из-за ухищрений французских арийцев — опекунов еврейского имущества...

Однако, несмотря на эти трудности, эйнзацштаб смог отобрать значительнейшую часть художественных произведений, находившуюся в руках французских евреев.

Из «Обвинительного заключения Нюрнбергского международного военного трибунала»:

Во Франции были украдены частные коллекции огромной ценности... Таким путем исчезли картины Рафаэля, Гольбейна, Рембрандта, Ватто и Буше. Германия принудила Францию выдать ей картину Яна ван Эйка «Пасхальный ягненок», доверенную Франции бельгийскими властями... Музеи Нанта, Нанси и старого Марселя были разграблены... Производился чудовищный грабеж различного имущества во Франции, Бельгии, Норвегии, Голландии и Люксембурге.

В приговоре также говорится, что в декабре 1941 года началась «Акция М» (мебель), в ходе которой во Франции были разграблены 69 619 квартир, из них 38 тысяч — в Париже. Все это вывезли в 26 984 вагонах.

11 июня 1942 года Розенберг сообщил рейхсказначееу НСДАП, что инвентаризация всего реквизированного успешно завершается и

«во дворце Нейшванштейн может быть организована выставка избранных полотен. Через несколько недель будет готов общий каталог. Я был бы чрезвычайно рад, если бы мы вместе с Вами могли первыми осмотреть эту выставку. Мы могли бы тогда договориться, какие художественные произведения и ковры я могу предложить фюреру для „Высшей школы“ или для оборудования моего ведомства».

Робкие протесты вишистского правительства немцы для вида отправляли в Германию и продолжали грабёж.

Обвинитель от американской стороны на процессе в Нюрнберге полковник Стори дал всем этим акциям моральную оценку:

Для того чтобы получить правильное представление о чудовищности этой программы грабежа, необходимо помнить, что Европа является сокровищницей, в которой сосредоточена большая часть произведений искусства и литературы за два тысячелетия западной цивилизации. В эту сокровищницу вторглась орда вандалов, решивших эти бесценные богат-

ства, унаследованные в известном смысле всеми нами, перетащить в Германию.

Геринг в августе 1942 года на конференции имперских комиссаров оккупированных территорий и представителей командования сухопутных сил:

Я намереваюсь... пограбить...

Вы обязаны выслеживать, как легавые собаки, где и что есть... Ей-богу, вы посланы туда не для того, чтобы работать на благо и утоление горестей доверенных вам народов, а чтобы выжать из них все, до последней капли.

Геринг пытался создать свой музей в Каринхалле, Гитлер озлобился и обозвал его «королем всех черных рынков», о чем рассказал шеф заграничной секретной службы СС бригаденфюрер Вальтер Шелленберг в своих воспоминаниях:

И для этого были все основания. За спиной Гитлера ему удавалось откладывать для своей галереи в Каринхалле ценные предметы. В начале марта 1941 года Герингу в присутствии свидетелей были показаны ювелирные изделия Ротшильдов. Из одного ящика он выхватил кольцо, нацепил себе на палец, оценил его и оставил себе, назвав стоимость в 100 000 франков.

Незадолго до смерти Гитлер приказал арестовать Геринга и исключить из нацистской партии.

Начальник штаба Геринга сообщает 9 октября 1939 года:

Господин статс-секретарь в отставке доктор Мюльман имеет особое поручение председателя Совета по обороне империи, министра-президента генерал-фельдмаршала Геринга по изъятию художественных ценностей на оккупированной польской территории. По поручению господина генерал-фельдмаршала прошу все военные и гражданские инстанции, а также НСДАП поддерживать его в выполнении данного ему поручения и оказывать ему в случае необходимости защиту и помощь.

30 июня 1941 года Кай Мюльман сообщил статс-секретарю управления генерал-губернатора Бюлеру, что «рейхсмаршал Геринг распространил упомянутое поручение на новые завоеванные на Востоке области и уже дал указание своему штабу оформить соответствующие полномочия». Как подтвердил позже сам Мюльман, ценные предметы искусства из фондов, изъятых им по особому поручению Геринга в Польше и на других восточных территориях, были им лично переданы Герингу, в том числе и произведения Альбрехта Дюрера из Львова.

Инструкция Геринга от 5 ноября 1940 года во Франции:

1. *Предметы искусства, определение дальнейшего использования которых фюрер оставил за собой.*

2. Предметы искусства, которые пополнят коллекцию рейхсмаршала.

3. Предметы искусства и библиотечные фонды, которые представляется целесообразным использовать при создании «Высшей школы» и в сфере деятельности рейхсфюрера Розенберга.

4. Предметы искусства, пригодные для передачи немецким музеям. В соответствии с установленным порядком эйнзацштабу Розенберга надлежит незамедлительно провести их инвентаризацию, упаковать и доставить военными самолетами в Германию.

Правительство Петена заявило протест.

5 февраля 1941 года Геринг прилетел в Париж и встретился с консультантом главнокомандующего немецких оккупационных войск доктором Буньесом на выставке в «Жё де Пом». Вместе с руководителем его личной картинной галереи Хофером Геринг осмотрел выставку, отобрал картины и лично сделал пометки на ящиках 11 февраля 1941 года:

1. Все ящики, помеченные буквой Г. — для фюрера (один ящик с пометкой А. Г. — для меня).

2. Все не помеченные — для меня, как и ящики с пометкой А. Г.

3. Все черные особые ящики (Ротшильд) предназначены для фюрера (шифр «Черные ящики!»)

Мои вещи — картины, мебель, серебро, gobelены — доставить в мои помещения.

Найти помещение для хранения вещей фюрера, где они будут находиться 8 дней, вплоть до отправки.

Бомбоубежище дома фюрера в Мюнхене уже не могло вмещать награбленное, и Гитлер решил разместить парижские произведения искусства во дворце Нойшванштейн возле Фюссена. До 1944 года туда доставили 21 903 произведения искусства — из них только 53 имели надпись «А. Г. Линц».

При этом Гитлеру достались такие шедевры, как «Портрет Изабеллы Койманс» Франса Гальса, «Портрет маркизы Помпадур» Буше, «Астроном» Вермеера Делфтского и «Рынок в тени деревьев» Фрагонара.

Себе Геринг выделил не менее ценные «Девочка со статуэткой Будды» Фрагонара, «Рабочий столик» Боннара, «Портрет инфанты Маргариты Марии» школы Веласкеса и «Мост в Арле» кисти Ван-Гога.

Выбранная лично Герингом 31 коробка с ювелирными изделиями Ротшильдов попала в Берлин и хранилась там в подвале имперского министерства воздушных перевозок. Личный секретарь Геринга Зибела Лимбергегер рассказала после войны, что рейхсмаршал положил ювелирные изделия перед собой и разделил на пять кучек. Две из них должны были пойти на продажу. Остаток в равных частях попадал Гитлеру и Герингу. И действительно, в мае 1945 года американцы обнаружили в соляном руднике Альсаусзее, где Гитлер прятал свои коллекции для Линца, 40 картонных коробок с ювелирными украшениями Ротшильдов.

Буньес писал в отчете:

Во время этой секретной встречи я еще раз обратил внимание господина рейхсмаршала на ноту протеста французского правительства по поводу деятельности эйнзацитаба Розенберга... Господин рейхсмаршал соблагоизволил выслушать обстоятельную информацию об этом и сделал следующее распоряжение: «Повиноваться следует моим приказам, Вы действуете немедленно после получения моих приказов».

Собранные в «Жё де Пом» (ныне отдел импрессионистов Лувра) предметы искусства по приказу рейхсмаршала немедленно грузятся и специальным поездом отправляются в Германию. Те предметы, которые должны перейти в собственность фюрера, и предметы искусства, оставленные рейхсмаршалом для себя, грузятся в два железнодорожных вагона, которые прикрепят к специальному поезду рейхсмаршала.

Рейхсмаршал берет их с собой при отъезде в Германию в начале следующей недели. Господин фельдфюрер фон Бер будет сопровождать господина рейхсмаршала в его специальном поезде до Берлина. На мое замечание, что юристы могут не согласиться... господин рейхсмаршал дословно ответил: «Дорогой Буньес, об этом позабочусь я. Верховный юрист в государстве — это я!»

При этом Геринг, как и Гитлер, считал импрессионистов «дегенеративным искусством», но картины их охотно брал, а некоторые менял на старых мастеров.

Розенберг сообщает 15 апреля 1943 года:

По приказу рейхсмаршала, были использованы благоприятные возможности парижского рынка произведений искусства для обмена некоторого количества произведений современного и дегенеративного французского искусства на полотна общепризнанной ценности. Подобным образом было выменено на весьма выгодных условиях 87 произведений старого итальянского, нидерландского и немецкого происхождения, которые являются особо ценными.

При всем при том Геринг числился среди своих вполне приличным человеком. Послушаем мнение о нем шефа гестапо Генриха Мюллера:

Геринг был... во многих отношениях порядочным человеком, и я достоверно знаю, что он спас многих людей, некоторых даже из лагерей.

Его жена работала в театре и знала многих евреев, и у самого Геринга тоже были друзья-евреи... Когда кто-нибудь говорил ему, что такой-то и такой-то человек в его министерстве еврей, он отвечал: «Это я решаю, кто еврей.»

Впрочем, это совсем не мешало Герингу нагло присваивать себе реквизированные еврейские ценности.

Во Флоренции Геринг частично продал, частично обменял целую коллекцию французских

импрессионистов — Клода Моне, Сезанна, Ренуара, Эдуарда Мане, Дега, Ван-Гога, Гогена и Матисса — стоимостью в 100 млн. лир.

Один из французских обвинителей в Нюрнберге Жертоффер оценил все эти акции как проявление особой мелочности,

«если иметь в виду, что конфискованные произведения были под благовидным предлогом взяты на сохранение, а затем проданы за валюту».

Французским посредникам, в частности графу де Лесанжу и его посреднику Иву Перду, в оплату услуг Геринг навязал несколько особо причудливых картин импрессионистов.

Геринг пишет Розенбергу 30 мая 1942 года:

Вашему штабу по сбору и учету культурных ценностей в Париже, на мой взгляд, несправедливо приписывают спекуляцию произведениями искусства (на самом деле волна критики обрушилась на самого Геринга, но в завуалированной форме — на Розенберга).

Я очень хорошо знаком с работой штаба и должен высказать этой организации и всем ее сотрудникам самую высокую похвалу за ее продолжительную деятельность и боевую готовность (и, добавим мы, — за гигантское количество особо ценных произведений искусства, украденных для Геринга!). Подозрениям в спекуляции произведениями искусства, очевидно, дал повод я сам. Я просил некоторых весьма компетентных сотрудников, чтобы они, разузнав в Париже или в других городах Франции о

поступлении в продажу картин и других произведений искусства, осматривали и сообщали мне, не подойдут ли они для меня. Поскольку последнее случалось часто, я просил их оказать любезность и приобрести для меня эти ценности, для которых я подготовил в Париже временное хранилище. Если таким образом кое-кто очень усердно поддерживал связи с антикварами, то это было только личным одолжением, которое шло на пользу расширению моих коллекций. А так как на оккупированной территории охотилось очень много претендентов, можно себе представить, что они, возможно, и из зависти возвели напраслину на сотрудников Вашего штаба.

Я чувствую себя обязанным выступить с этим разъяснением и просить вас считать вопрос исчерпанным. Вместе с тем я лично всячески поддерживаю работу Вашего штаба по сбору культурных ценностей. Известную часть успехов эйнзацштаба следует отнести и за счет помощи, оказанной мною через посредство моих учреждений.

В Нюрнберге Розенберг заявил, что ему не нравились махинации Геринга, но он не мог ничего против него предпринять, однако, чтобы обезопасить себя, поручил своему уполномоченному Шольцу в особом штабе «Изобразительное искусство» по крайней мере вести точный учет всего, что передавалось Герингу.

Розенберг показал:

В принципе все решал фюрер. В составленных по приказу фюрера циркулярах тогдаш-

него генерал-фельдмаршала Кейтеля недвусмысленно говорится, что фюрер оставил за собой право распоряжаться этими произведениями искусства... Когда рейхсмаршал Геринг, который, по приказу фюрера, особенно поддерживал эту деятельность эйнзацштаба, отобрал некоторую часть произведений искусства для себя, то есть для своих коллекций, я, признаться, был несколько обеспокоен, ибо в силу полученного задания лично отвечал за все конфискованные произведения искусства и культурные ценности. Поэтому я бы обязан их учесть и держать в своем распоряжении до тех пор, пока решится их судьба. Вот почему я дал указание своему уполномоченному составить по возможности точный перечень того, что рейхсмаршал Геринг, с согласия фюрера, отобрал для своей коллекции.

Молодец, Розенберг, — благодаря ему мы имеем полный список украденного. Помог и Ганс Поссе: хотя своему ассистенту Готфриду Реймеру он сказал, что во всем происходящем сам он «не видит ничего предосудительного», тем не менее рекомендовал всем своим сотрудникам с особой тщательностью регистрировать имя последнего владельца конфискованных произведений. Это существенно облегчило возврат похищенного.

А вот Геринг в Нюрнберге считал иначе:

Приказ грабить предметы искусства и культурные ценности исходил не от меня, я о нем не знал. Это был приказ фюрера. Только в Париже я узнал об этом. Там я узнал также, что пред-

меты искусства, представляющие музейную ценность, должны были главным образом передаваться для музея в Линце, который хотел создать фюрер.

Признаюсь, что я был лично заинтересован в том, чтобы не все попало в Южную Германию. Я сам задолго до этого решил и сообщил об этом решению министру финансов, что после войны или в другое удобное время передам в дар немецкому народу галерею, в которой будут собраны произведения искусства, которые я приобрел, получил в подарок или в наследство и которыми владел еще до войны. У меня было намерение создать эту галерею совсем на другой основе — не так, как создают музеи. Планы строительства и комплектования этой галереи включали сооружение в урочище Шорфхейде, в Каринхалле, большого здания, в котором предметы искусства должны были быть размещены в соответствии с их происхождением и по столетиям.

Планы эти не удалось осуществить только из-за того, что началась война. Имелось в виду собрать в музее картины, статуи, гобелены и произведения художественного промысла каждой эпохи. И вот я осмотрел вещи в «Жё де Пом» и услышал, что почти все это добро направляют в Линц. Остальные ценности предполагалось распределить по специальному указанию. Тогда — и я это признаю — меня обуяла сильная страсть коллекционера и я сказал: «Если уж эти вещи конфискованы, и их не возвращают владельцам, то и я хотел бы приобрести по крайней мере небольшую толику, чтобы направить ее

для своей северогерманской галереи, которую я собирался создать».

Фюрер требовал, чтобы ему показали по крайней мере фотографии тех предметов, которые я желал приобрести. Зачастую он желал получить эти ценности для себя... для своего музея в Линце, и мне приходилось отдавать их.

Французский представитель в Нюрнберге Мунье конкретно обвинил Геринга:

Что касается разграбления произведений искусства, то в нашем распоряжении есть документы, которые позволяют прийти к выводу, крайне неприятному для человека, который занимал такой пост, как обвиняемый Геринг. Эти документы свидетельствуют о том, что часть награбленных в западных странах произведений искусства и других ценностей была зарезервирована для Геринга, и притом без всякого вознаграждения!.. Геринг, по имеющимся у нас документам, уличен в присвоении произведений искусства, похищенных в странах Западной и Восточной Европы.

Альберт Шпеер свидетельствует о «хобби» рейхсмаршала, как говорится, из первых рук. В беседе с Юлианом Семеновым он рассказывает:

Но Гитлер не мечтал о личной коллекции, как Геринг... Я хочу отметить это справедливости ради...

Видите ли, сначала Гитлер сам занимался сбором коллекции для своего музея в Линце и для музеев в Кенигсберге и Берлине.

У него была разветвленная цепь дилеров, т. е. продавцов картин... Он получал каталоги, исследовал их, а потом задействовал своих фотографов, прежде всего, Генриха Хоффмана, инструктировал их лично, отправляя отыскивать картины для Линца...

Ханс Ланге, один из ведущих берлинских аукционеров, как-то рассказал мне, как эмиссары Гитлера бились за одну и ту же картину, «бесстрашно» набавляя цену...

Когда Гитлер узнал об этом, он и пригласил профессора Поссе стать его личным «скупщиком».

Потом к этому делу подключился принц фон Гессен, но после покушения Штауффенберга или даже раньше, в день рождения Муссолини, фюрер пригласил его к себе в ставку вместе с женой, а оттуда перевел в... концлагерь.

Такое тоже бывало в ту пору.

В самом начале, когда только Гитлер выдвинул программу создания своего музея, между его дельцами и дельцами Геринга шла прямо-таки необъявленная война. Гитлер издал приказ, направленный против Геринга, где «разложил по полочкам», кому какими картинами и скульптурами надлежало заниматься.

И начиная с сорок первого года, лишь к Гитлеру, в Оберзальцберг, начали привозить каталоги картин с фотографиями. Эти каталоги были переплетены в мягкую коричне-

вую кожу; если обнаружите коричневую кожаную папку — ищите следы к фюреру.

Ну а что касается коллекции Геринга, то это, конечно, открытый гангстеризм. Его замок Каринхалле был сплошь увешан картинами, вывезенными из многих стран Европы,

Причем картины были развешаны чуть ли не с потолка до пола.

Никто, кроме Геринга, его штабных офицеров и гостей, не мог любоваться шедеврами эпохи Возрождения — ход в замок охраняла личная гвардия рейхсмаршала.

Как-то в середине войны Геринг, смеясь, сказал мне:

— Я продал свою коллекцию живописи гаулейтерам: они уплатили мне во много раз больше, чем я в свое время истратил на устройство своего домашнего музея.

Как-то после долгого роскошного обеда он поднялся из-за стола, пригласил меня в подzemелье Каринхалле и показал невероятные ценности: уникальнейший алтарь из Южного Тироля, вывезенный из музея Муссолини и подаренный «второму человеку рейха»; там, в подвале, он хранил бесценные полотна из Музея Неаполя — все экспонаты были вывезены оттуда войсками СС перед тем, как в город вошли американцы...

Рядом с картинами великих итальянских художников в его подвале хранились ящики с концентрированными французскими супами, парфюмерией из Парижа, коллекциями бриллиантов...

В Нюрнбергской тюрьме Геринг неоднократно говорил нам, что его неминуемо каз-

нят союзники, но что через 50 лет благодарные немцы непременно перенесут его прах в золотой гроб и установят в пантеоне.

Пятьдесят лет прошло, и пока о пантеоне речи нет.

А сам Геринг не смог воспользоваться своими сокровищами, и в тюрьме, за два часа до казни, в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 года, он покончил жизнь самоубийством.

Он перехитрил охрану, еще когда был арестован, и имел при себе три ампулы с ядом.

Одну он сразу же отдал охране, посчитавшей, что больше у него нет. Вторую хранил на себе, пряча ее в сапог, когда его выводили на заседание суда. А третью он припрятал в одной из баночек с мазью.

Получив известие, что его просьба о замене казни через повешение на расстрел отклонена, он проглотил одну из капсул, но перед смертью оставил записку, где рассказал о своей хитрости и просил не наказывать охрану за то, что она не смогла обнаружить у него капсулы.

С именем Геринга связана еще одна скандальная история.

В Кельне есть музей Вальраф-Рихарца. Когда-то в его коллекции были полотна Рубенса, Мурильо, Энгра, Лоррена, импрессионистов и других художников XX века.

В 1937 году в связи с указанием очиститься от «вырождающегося искусства» музей лишился картин Ван-Гога, Гогена, Пикассо.

Радостное событие в жизни рейхсмаршала Геринга — рождение дочери в 1938 году — по-

служило началом длительной истории, которая завершилась судебным процессом спустя тридцать лет.

Вначале все было торжественно и радостно. Жена Геринга актриса Эмми Зоннеман послала мужу телеграмму из берлинского санатория: «Герман! Эмми и Эдда приветствуют тебя! Хайль!»

Сам Гитлер выступил в роли крестного отца на торжестве в замке Каринхалл. Подарки текли рекой. Военно-воздушные силы рейха построили и подарили шефу «дом Эдды» близ замка. Люфтваффе брала под свое покровительство дочь рейхсмаршала.

Щедрый подарок от города сделал обер-бургомистр Кельна Шмидт — он подарил Герингу картину Лукаса Кранаха Старшего «Мадонна с младенцем». Написанная в начале XVI века, картина, конечно, представляла огромную ценность.

Но вот наступили мирные дни, Геринг сел на скамью подсудимых, а музей немедленно предъявил свои права на картину, которая, как считал музей, была получена путем шантажа. Дочь Геринга считала картину своей.

Начался судебный процесс «Город Кельн против Эдды Геринг». Он длился двадцать лет. В течение этого разбирательства дело переходило из инстанции в инстанцию, подавались протесты и кассационные жалобы.

А началось все так.

В 1937 году начальник штаба Геринга Эрих Грицбах написал директору музея Вальраф-Рихарц, что рейхсмаршал хотел бы приобрести за границей картину старого немецкого масте-

ра и желал бы воспользоваться содействием директора музея.

Но обратился Геринг не случайно — ему стало известно, что музей намеревается продать картину итальянского художника Беноццо Гоццоли стоимостью в 200 000 марок.

Картина итальянца Герингу была не нужна. Он узнал, что антиквар из Люцерна Рудольф Фишер продает «Мадонну с младенцем» Кранаха, которая оценивалась тогда в 50 000 марок. И Грицбах предложил Музею Вальраф-Рихарц срочно обменять картину Гоццоли на Кранаха. Хотя директор музея хотел оказать услугу могущественному рейхсмаршалу, но он понимал, что пойти на такой невыгодный обмен рискованно, ибо он подарил бы Герингу 150 000 марок разницы в стоимости.

Обер-бургомистр Кельна был более решителен и предложил антиквару в Люцерне оплатить за картину Кранаха по инвалютному счету. Антиквар согласился и передал картину «Мадонна с младенцем» бургомистру Шмидту, а тот торжественно вручил ее Герингу.

Однако сразу же начались неприятности — выяснилось, что никто в городе не имел права оплачивать инвалютные счета. Антиквар в Люцерне пригрозил разоблачением, и все стали искать выход из щекотливого положения.

А несколько ранее антиквар Шмидт, благодаря своим связям с нацистами, пристроил во все тот же музей Вальраф-Рихарц своего племянника, который получил задание от дяди хорошенько порыться в запасниках музея, где содержались многие картины «вырождающегося искусства».

Племянник как раз к этому времени отыскал картину Ван-Гога «Юноша в черной шляпе», которая на международном рынке ценилась еще выше, чем Гоццоли.

Антиквар с готовностью согласился обменять Кранаха, которого уже успели подарить Герингу, на Ван-Гога, за которого Шмидт надеялся получить миллион голландских гульденов.

Обмен был быстро оформлен, и все остались довольны. Все, кроме музея. Вот почему в 1949 году от имени города Кельна был подан иск на возвращение картины Кранаха, находившейся в то время в Мюнхене на попечении министерства иностранных дел ФРГ.

Дело приняло запутанный оборот, ибо город Кельн возбудил иск и к антиквару Шмидту — утверждалось, что картина Ван-Гога была послана ему лишь для оценки, а поэтому он должен ее вернуть. Стоимость картины Ван-Гога в это время достигла двух миллионов долларов.

Земля Бавария тоже не осталась в стороне и потребовала отдать Кранаха ей, ибо, по решению Нюрнбергского трибунала, имущество Геринга было конфисковано в пользу государства.

Земельный суд Кельна решил, что сделка была совершена с нарушением этических норм, ибо бургомистр подарил картину не из собственной коллекции, а из собственности города Кельн. Поэтому картину следует вернуть музею Вальраф-Рихарц.

1960 год. Дочь Геринга подает апелляцию в Верховный земельный суд Кельна, который пришел к выводу, что подарок, сделанный дочери Геринга, послужил поводом к чествованию ее отца. В решении говорилось:

Об истинном лице Геринга в 1938 году знали лишь немногие. Он пользовался известным уважением даже у тех людей, которые внутренне были не во всем согласны с политикой и мировоззрением национал-социалистических властителей. Тем более, что он был к тому же летчиком-офицером, имеющим высокие награды.

Сегодня, на основании более обширных знаний, мы судим о личности и действиях Геринга уже совершенно по-иному, но это не значит, что мы должны на подарок, сделанный его дочери Эдде, поставить клеймо этической безнравственности.

Эдда, которая успела поступить на юридический факультет Мюнхенского университета, с удовлетворением восприняла решение суда. Ранее, в 1954 году, ей удалось отсудить у земли Бавария имущество семьи Геринг на 150 000 марок — из легендарной коллекции украшений, к которым, как мы уже знаем, питал слабость рейхсмаршал.

Но город Кельн не уступал и снова подал иск, теперь уже в коллегия по гражданским делам Верховного федерального суда в Бонне. В иске указывалось:

В письме начальника отдела министерства (Люфтваффе) Грицбаха было сознательно использовано занимаемое Герингом высокое положение, Рейхсмаршал присваивал себе картины и из других художественных собраний.

Если бы народ узнал тогда правду о преступлениях, совершенных Герингом в 1937—

1938 годах, он не пользовался бы никакой популярностью...

Город Кельн не должен сегодня отвечать за раболовное поведение своего бывшего бургомистра. Как заявили представители Кельна в Верховном федеральном суде, Герингу следовало бы самому отказаться от «Мадонны» как от слишком дорогого подарка.

Предположение довольно смешное, если знать рейхсмаршала по его любви к чужим коллекциям.

В марте 1962 года Пятое отделение по гражданским делам Верховного федерального суда в Карлсруэ опротестовало решение Верховного земельного суда Кельна от 1 июля 1960 года. Эдда Геринг пообещала республике Бавария передать «Мадонну с младенцем» в Мюнхенский музей, если Баварское государство поддерживает ее против города Кельна.

Процесс продолжался до мая 1968 года. По видимому, все суды мира отнюдь не торопятся, когда решение о том, можно ли воровать высокопоставленным гражданам или нет, обсуждается 20 лет.

Наконец суд окончательно решил, что присваивать чужие картины нехорошо, и 27 августа 1968 года картина Кранаха торжественно вернулась в музей Вальраф-Рихарц.

Город Кельн победил.

К этому времени картина «Мадонна с младенцем» Лукаса Кранаха Старшего уже оценивалась в несколько миллионов марок, и как, говорится, историческая справедливость была восстановлена.

Леонардо да Винчи.
Ледя и Лебедь.
(Любимая картина фюрера
висела в его кабинете.)

Рембрант ван Рейн.
Автопортрет.

Рембрант ван Рейн.
Мужской портрет.

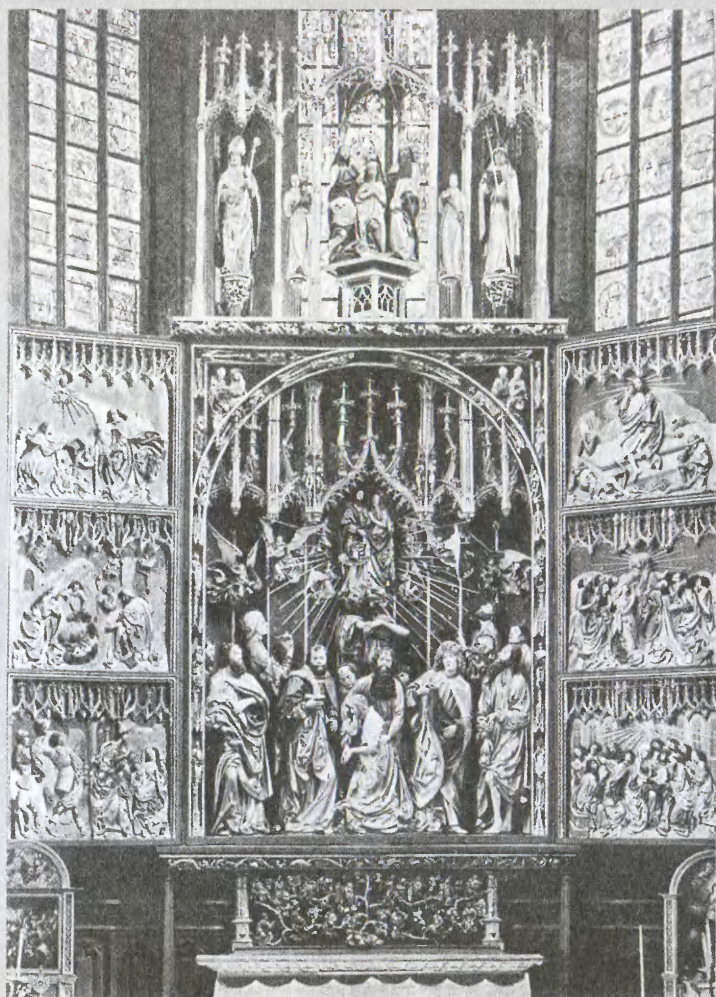
Рафаэль Санти.
Портрет молодого человека.

Ганс Мемлинг.
Страшный суд.
Деталь триптиха.

Франсуа Буше.
Маркиза де Помпадур.

Вит Ствош.
Алтарь Мариацкого собора.

*Питер Пауль Рубенс.
Автопортрет.*

*Вит Ствош.
Святой Андрей.*

*Микеланджело
Буонаротти.
Мадонна с младенцем.*

Дирк Боутс.
Тайная вечеря.
Центральная часть триптиха.

Школа Веласкеса.
Инфанта Маргарита Мария.

Кумир фюрера — Фридрих Великий.
Гобелен.

«Штурмовики СА».
Из личной коллекции Гитлера.

«Нордическое море» — наравне с нордической расой
должно стать главным в мире.

«Пробуждение» — так верные фюреру художники мистически изображали пробуждение великой нации.

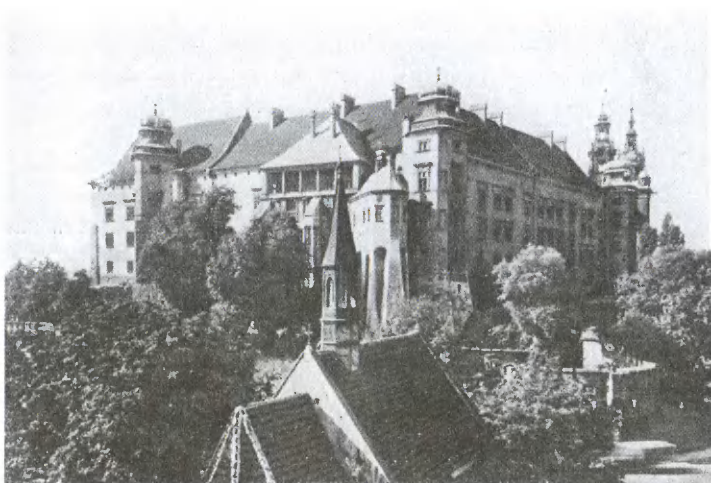
«Крестьянская Венера» —
идиллия нового рейха.

На вернисаже

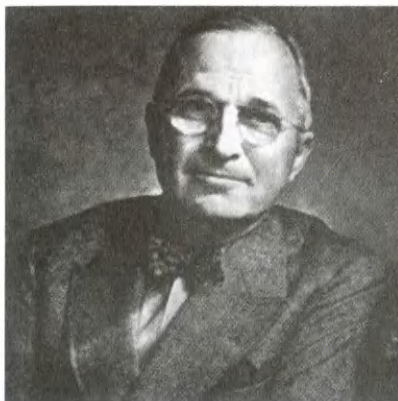
Так выглядел Екатерининский дворец Царского села после прихода немцев.

Краков. Королевский замок Вавель.

Псково-Печорский монастырь.

Президент Трумен обедал в гостях у шефа гестапо Генриха Мюллера. Стол был украшен сервизом из Царского села.

Шеф гестапо Генрих Мюллер служил после войны в ЦРУ.

Посещение художественной выставки нового немецкого искусства в Мюнхене. 1937 год.

Глава восьмая,
ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ,
КАК ГЕРИНГ, РИББЕНТРОП И ПОССЕ
ГРАБИЛИ ДРУЖЕСТВЕННУЮ ИТАЛИЮ

В 1937 году Геринг купил особо ценное золотое украшение, за которое его агент заплатил 120 тысяч лир. Для снижения налога официально была показана значительно меньшая сумма.

Заведующего отделом античного искусства Берлинского государственного музея доктора Карла Вейкерта Геринг направил в Рим с особым заданием, поручив ему скупать драгоценности на валютные средства германского посольства и немедленно передавать их поверенному в делах в Риме, чтобы затем отправить дипломатической почтой.

23 января 1937 года фон Хассель, посол в Риме, сообщил Герингу, что купленные профессором Вейкертом «вещи» отправляются с курьером. «Я рад, что их получит Германия. Конечно, никогда не следует упоминать об их происхождении». И, конечно, о 120 тысячах лир, истраченных на Геринга.

9 июля 1941 года направлено письмо генконсула в Риме Вюстера шефу штабного управления рейхсмаршала Геринга государственно-му советнику Гритцбаху, где сообщалось, что

оказано содействие некоему Ангереру, покупавшему в Риме готические гобелены для Геринга. Посольство в Риме ссудило господина Ангерера 5,5 миллионами лир.

6 августа 1941 года секретный документ извещает о приобретении Герингом в Риме двух старинных книг маршала де Баньо. Вывоз таких раритетов запрещен итальянским законом, но Геринг придумал ход, по которому, в случае разрешения, «одно высокопоставленное лицо в Германии преподнесет одну из книг другому столь же высокопоставленному лицу в Италии» (Геринг — Гитлер — Муссолини). Министр просвещения Италии Боттаи, ранее отказавший в разрешении, был вынужден разрешить этот вывоз, и Муссолини получил в подарок итальянскую же собственность!

26 октября Геринг пометил на донесении посла фон Макензена, что только что его уполномоченный Хофер купил в Италии «девятнадцать картин, два старинных ларя, четыре стола, скамью, шкаф, небольшой барельеф и одну скульптуру».

В хозяйственном отделе посольства в Риме и в генеральном консульстве в Милане громоздились ящики с художественными ценностями, предназначенными для отправки в Германию. Возникли сомнения, а не скрываются ли за именем рейхсмаршала какие-то спекулянты.

Нет — Макензен 11 ноября 1941 года сообщил лично Риббентропу, что

все 33 ящика с художественными ценностями действительно закуплены в Италии специаль-

ными уполномоченными Геринга... Господин рейхсмаршал направил министру финансов Анфузо личное письмо по поводу предусмотренной законом вывозной пошлины и побуждал его... оказать содействие в вывозе упомянутых предметов искусства и освобождении их от пошлины. Анфузо, как следует из сообщения посланнику князю Бисмарку, доложил это дело дуче и получил от него указание поступить в соответствии с пожеланием рейхсмаршала... Анфузо сообщил тем временем князю Бисмарку, что, поскольку дело касается порядка, установленного законом, практическое осуществление указания дуче весьма затруднительно.

Итальянцы намекнули, что вряд ли хорошо связывать имя Геринга с операцией, противоречащей итальянским законам. Но Геринга это ничуть не смутило, и он продолжал настаивать. В конце концов, было решено снизить сумму покупки до ничтожной величины, чтобы уменьшить налог, но даже эту сумму любезно заплатило министерство финансов Италии.

Риббентроп в телеграмме в ноябре 1941 года послу Макензену:

В той степени, в какой дело идет о закупках господина рейхсмаршала, прошу вас содействовать тому, чтобы впредь... выдавалось необходимое разрешение на вывоз и чтобы дальнейшее оформление и в остальном происходило в соответствии с пожеланиями господина рейхсмаршала. Во избежание труд-

ностей с итальянским правительством... больше не принимать на хранение в посольство ящики без предварительного запроса в Берлин с целью удостовериться в законности и целесообразности подобного хранения.

За несколько недель до этого у Макензена состоялся длительный разговор с посланником Геринга Хофером, где выяснилось, что итальянское правительство очень рассержено тем, что приобретенные Герингом предметы искусства вывозятся без разрешения. Хофер утверждал, что Геринг лично получил разрешение Муссолини, когда они встречались на Восточном фронте, на что Макензен заявил, что

содержание беседы между рейхсмаршалом и дуче, во всяком случае, осталось неизвестным низшим инстанциям, в особенности министру просвещения Боттаи, в противном случае действия последнего, предпринятые в последующий период, необъяснимы!

Хофер врал, может, по наущению Геринга он советовал включить в письмо, адресованное Муссолини

замечание, которое давало бы понять возможность того, что рейхсмаршал охотно готов, если того пожелает итальянская сторона, передать дуче находящиеся в Германии произведения итальянского происхождения, которые находятся в хранилищах музеев и представляют для нас лишь условную ценность.

Итальянцы подхватили инициативу и пожелали создать итало-германскую комиссию для обмена предметами искусства. И сразу же германское посольство получило 8 мая 1942 года указание Риббентропа

«затянуть решение вопроса об образовании германо-итальянской комиссии для урегулирования вывоза произведений искусства таким образом, чтобы мы, с нашей стороны, к нему не возвращались».

Геринг пишет Макензену 26 октября 1941 года:

Насколько мне известно, озабоченность итальянского правительства вызвана главным образом крупными закупками, которые принц Филипп Гессенский произвел там для фюрера. При этом речь идет частично и о предметах искусства, входящих в перечень сокровищ, запрещенных к вывозу.

Ганс Поссе работал в Италии вместе с принцем Гессенским, графом Бисмарком, который служил в германском консульстве.

В Италии, при партнерах «оси», нельзя было так свободно хозяйничать, как в завоеванной Европе. Чтобы приблизиться к лучшим произведениям искусства, был необходим более тонкий подход. Директор Поссе возложил эту миссию на высококлассного посредника: оберпрезидента Гессена-Нассау принца Филиппа Гессенского.

Этот сын немецкого кайзера Фридриха Третьего и королевы Виктории, зять итальян-

ского короля Виктора Эммануила Третьего, маршировал с фашистами в Риме и находился в милости Гитлера как руководитель СА (штурмовые отряды в Германии). Он обладал хорошим вкусом, разбирался в искусстве и был знаком со многими известными итальянскими антикварами.

Только весной 1941 года Поссе и принц трижды объехали Альпы. И здесь тоже деньги не играли никакой роли. После этого особый счет Поссе при немецком посольстве требовал пополнения на полмиллиона имперских марок.

Впрочем, в делах, касающихся собственных денег, директор вел себя экономно. Когда Поссе попросил о возможности доехать из Мюнхена особым поездом, который должен был забрать из Италии картины, он специально запросил Бормана, «должен ли он покупать проездной билет, или же этого не требуется, так как он едет особым поездом».

До июня 1942 года Поссе и принц Гессенский истратили с отдельных счетов в Италии уже 7 651 488 имперских марок. На что были потрачены деньги, было видно наглядно. 23 мая 1941 года Поссе восторженно доложил, что приобрел в Риме, Неаполе, Флоренции, Турине и Генуе 25 картин для фюрера, среди которых *«Неизвестный мужской портрет кисти Тициана»* и *«великолепный двойной портрет кисти Тинторетто»*.

Не менее радостное сообщение пришло Борману 18 июня 1941 года. На этот раз Поссе привез домой очень значительные произведения, «среди них 2 известных полотна Тинто-

ретто, работа Гальвиати, 2 — Пьяццетта, одна работа Антонио Каналетто».

Еще о таком же количестве шли переговоры, где речь шла о таких картинах как ранний портрет всадника кисти Рубенса или *«особенно прекрасном плафоне Себастьяно Риччи из Палатцо Мочениго в Венеции»*.

Этими работами Риччи можно сегодня любоваться в галерее Далем, как «легально полученной» собственностью Германии. Однако лет десять назад из Италии поступали частые протесты. Граф де Робиланд утверждал, что его отец, владелец плафона, находился под *«таким сильным давлением»* со стороны Гессенского принца и позднее со стороны министра иностранных дел графа Циано, зятя Муссолини, что был вынужден согласиться на продажу.

Итальянцы выражали недоумение, что американцы в 1947 и немцы еще в 1952 году притворялись, что им ничего неизвестно о местонахождении работ Риччи.

Однако неприятности между друзьями все-таки были и в начале сороковых.

Доверительная записка для господина имперского министра иностранных дел, 15 августа 1941 года

Секретный документ государственной важности.

Генеральный консул в Риме Вюстер

По тому же делу министр Боттаи обратился ко мне 6 августа, когда я просил его

о разрешении на вывоз предметов искусства, в которых заинтересован рейхсмаршал Геринг. Министр Боттаи заявил, что за последнее время закупки итальянских предметов искусства германской стороной приобрели значительный размах, так что, на его взгляд, необходимо наконец основательно разобраться в связанном с этим комплексе вопросов.

Он беспрестанно получает от самых различных германских учреждений и деятелей просьбы о единовременном разрешении на вывоз предметов искусства в Германию. Если он выдаст эти разрешения, то Италия постепенно понесет большой ущерб, не получив за это какого-либо возмещения. Так, принц Филипп Гессенский и граф Бисмарк действуют в качестве скупщиков предметов искусства, и принц Филипп Гессенский в каждом отдельном случае особо ходатайствует у него о разрешении на вывоз.

Нынешняя распродажа итальянских предметов искусства за границу является, на его взгляд, чрезвычайно недостойной.

Принц Гессенский мало интересовался, разрешен ли предмет к вывозу или нет.

Генеральный консул Вюстер в августе 1941 года в своей записке указал, что, по мнению Боттаи, действия скупщиков Гитлера и Геринга ведут «к всеобщей распродаже, на которую он никак не может согласиться». В телеграмме Риббентропу 12 августа 1941 года фон Макензен сообщал, что министр Боттаи в беседе с ним «дважды упоминал о том, что

дуче и граф Чиано (итальянский министр иностранных дел), с которыми он обсуждал этот вопрос, разделяют его взгляды».

Итальянское правительство предъявило германскому послу длинный список первоклассных ценностей, вывезенных в Германию. 1 октября 1941 года Макензен сообщил Риббентропу, что из этого списка было закуплено для Гитлера. Среди них были первоклассные шедевры итальянской живописи, в том числе полотна Джованни Тьеполо «Ринальдо и Армида» и «Ринальдо и воины», «Пьяный Вакх» кисти Луки Джордано. В 280 тыс. лир оценили вывезенный «Портрет всадника из дома Дориа» Петера Пауля Рубенса.

Особую ценность представлял венецианский фриз, состоящий из 11 компонентов начала XVII века — «Мадонна во славе со святыми», римская мозаика «Похищение Европы».

За картину Леонардо «Леда и лебедь» заплатили 8 миллионов лир. 12 мая 1941 года Гитлер распорядился доставить картину прямо в его дом в Мюнхене — он очень ценил Леонардо и, наверняка, не мог подарить Франку «Даму с горностаем». Конечно, Франк нагло врал. Посол Макензен

в соответствии с категорическим указанием господина имперского министра иностранных дел заявил министру Боттаи, что дальнейшие закупки не будут производиться.

Но все продолжалось, и Боттаи вышел из себя.

В начале октября 1941 года Боттаи отправил в посольство Германии генерального директора по вопросам искусства Лаццари, который передал послу «Аппунто» — список-записку, в которой были изложены все сведения (вполне достоверные, хотя и полученные итальянцами разными путями)

о «незаконных закупках предметов искусства, на вывоз которых требуется особое разрешение, а также сведения об уже состоявшемся или предстоящем вывозе этих предметов в Германию» (перечислены в письме Макензена Риббентропу 7 октября 1941 г.).

Генеральный директор сообщил:

По мнению его превосходительства Боттаи, под руководством генерального директора Дрезденской картинной галереи господина Поссе здесь, в Италии, уже давно действует группа, к которой принадлежит и принц Гессенский, занимающаяся скупкой большого количества произведений искусства, в том числе высокой ценности, вывоз которых ни в коем случае не был бы разрешен итальянцами.

Как видно из «Аппунто», итальянское правительство, как и следовало опасаться, широко информировано обо всем этом по сообщениям служебных лиц и имеет даже сведения о том, что (сравните с «Аппунто») часть этих предметов искусства упакована и спрятана в хозяйственном отделе посольства, а часть (гобелены) — в помещениях генерального консульства в Милане...

Еще позавчера сюда пришло известие о том, что испрашивается разрешение сфотографировать картину Пьеро делла Франческа «Мадонна с младенцем», принадлежащую одной из придворных дам королевы маркизе ди Вилламарина и укрытую в настоящее время от воздушных налетов. По словам Лаццари, это задание безусловно исходит от господина Поссе и его целью, конечно, является покупка и вывоз этой картины. Еще более странно другое: несмотря на то, что официальное ходатайство о вывозе «Истины» Бернини уже давно было категорически отклонено министерством, теперь это ходатайство повторено другими лицами и опять со ссылкой на фюрера.

Посол приложил к своему письму «Аппунто», где, в частности, сообщалось, что экспедитор Слолли недавно отослал из Флоренции германскому дипломатическому представительству шесть тюков с гобеленами и девятнадцать ящиков, содержащих произведения искусства стоимостью четыре миллиона лир. Далее в записке:

Кроме того, имеются достоверные сведения о многих закупках произведений искусства, которые не были предъявлены экспортному ведомству. В частности, укажем на следующие:

1. Гаспар Ванвителие «Вид дворца и церкви Квиринале» — полотно больших размеров, продано за 40 тысяч лир доктором Альдо Бриганти в Риме.

2. Консоль XVII века, продана антикваром Аугусто Яндоло за 15 тысяч лир.

3. Якопо Тинторетто «Портрет воина с пажами». Собственник — господин Г. Б. Гнекко в Генуе. Предполагается, что продана комиссии, председателем которой является принц Гессенский.

4. Якопо Тинторетто «Портрет знатного человека». Картина находилась в Милане... Предполагается, что она продана этой же комиссии через посредство антиквара Аккорзи из Турина.

5. Чечино Сальвиати «Милосердие». Продана антикваром Аддео в Риме за 400 тысяч или 600 тысяч лир.

Между тем нет точных данных о многочисленных закупках, сделанных во Флоренции у антикваров Грасси, Орселли, Беллини и Вентуры, у графа Контини Бонакосси и других частных лиц. Антиквар Вентура некоторое время назад вел переговоры с принцем Гессенским о продаже примерно за 600 тысяч лир «Портрета мужчины» Филиппа Маццолы, который находился в палатце принца Дориа в Риме. Весьма вероятно, что эта сделка позднее состоялась...

В настоящее время ведутся переговоры о покупке «Мадонны с младенцем» Луки Кранаха Младшего, принадлежащей супруге перуанского посланника в Риме, и «Мадонны с младенцем» Пьеро дела Франческа, принадлежащей маркизе Марии Христине Пез ди Вилламорина.

Макензи заявил, что ничего об этом не знает, и это было, конечно, наглым враньем.

Макензи предложил ход — якобы Гитлер и Геринг

не помышляют о вывозе многих произведений искусства, уже упакованных в ящики. Дело, мол, в том, что закупки были предприняты по указанию свыше в момент, который показался немцам благоприятным для того, чтобы своевременно обеспечить предметы убранства для запланированных на послевоенный период в Италии германских сооружений, как-то: нового здания посольства, различных учреждений и павильона Всемирной выставки.

Закупки продолжались. И в начале мая 1942 года в речи, которую Боттаи произнес перед соответствующей комиссией фашистской палаты депутатов, вынужден был подробным образом остановиться на вывозе сокровищ в Германию. Он заявил, что перед лицом этого недостойного ограбления Италии он счел вынужденным на основе законов военного времени запретить какой бы то ни было вывоз произведений искусства и отменить полномочия, которые по закону от 1839 года были даны нижестоящим итальянским властям. Боттаи предложил применять двусторонний обмен художественных ценностей.

Боттаи лично информировал посла Макензена и генерального консула Вюстера, что он выражает точку зрения Муссолини.

Больше всего Гитлер гордился картиной Макарта «Чума во Флоренции», которая зани-

мала всю стену в его кабинете. В своем издании «Искусство народу» Генрих Гофман показал ее немецкому народу в виде цветного факсимиле в 1943 году. И это тоже заслуга доктора Ганса Поссе. 29 сентября 1940 года Поссе радостно сообщил Борману, что итальянское правительство реквизировало виллу семьи Ландау-Файнали, которая состояла в родственных отношениях с Ротшильдами. На вилле и находился Макарт — еще перед войной его по поручению Гитлера пытался заполучить антиквар Габершток.

«Возможно, картину удастся получить через дипломатические круги», — правильно рассчитал Поссе.

Картина Макарта после войны оказалась в собственности Шефера, для которого она была приобретена на художественном рынке. В 1972 году картина выставлялась на выставке Макарта в Баден-Бадене. А с 1977 года она висит для обозрения в немецком Национальном музее Нюрнберга.

После начала войны с Италией 25 июля 1943 года там действовал хорошо знакомый эйнзацштаб Розенберга, который много преуспел в «приобретении» художественных ценностей по всей Европе.

Как бы то ни было, а в одном из хранилищ накопленных эйнзацштабом ценностей Бад-Аусзее было найдено 16 ящиков с итальянскими ценностями, предназначенными для музея фюрера. В ящиках была собственность монастыря Монте Кассино и итальянского государства.

По сообщениям западноберлинской газеты «Куир» от 1 июля 1959 года, летом этого года в Палаццо Венеция в Риме происходили переговоры между ФРГ и Италией о сокровищах искусства, «исчезнувших из Италии во время войны». Около 3000 произведений искусства было возвращено в Италию, однако, около 600 предметов так и не были найдены.

4 сентября 1959 года западногерманская газета «Тагесшпигель» сообщила, что министерство иностранных дел ФРГ передало итальянскому послу 5 картин неизвестных, предположительно итальянских, художников XVII—XIX веков.

Глава девятая,
ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ
О СУДЬБЕ ВЫШЕБРОДСКОГО АЛТАРЯ

После оккупации 15 марта 1939 года Чехословакия стала составной частью Великогерманского рейха, а Злата Прага его украшением.

Имперским протектором Чехословакии был назначен фон Нейрат. Его статс-секретарь, бывший депутат партии Генлейна в чехословацком парламенте, группенфюрер СС К. Х. Франк заявил:

*Чехи годны лишь на то, чтобы гнуть спину
на заводе или в поле.*

Один из офицеров СС успокоил директора Пражской Национальной картинной галереи:

*Картины останутся в Пражской галерее,
ибо галерея принадлежит нам, точно так же,
как нам принадлежит Прага и вся страна.*

Тем не менее Гитлер отдал приказ передать три картины Пражской национальной галереи для подарка ко дню рождения своему другу Гейдриху, а Поссе распорядился изъять цикл

«Мастера Вышебродского алтаря», состоящий из 9 картин, исполненных темперой на полотне и натянутых на липовые доски. Цикл создан в XIV веке для Вышебродского монастыря в Южной Богемии.

Эту историю мы расскажем немного позже.

Из старинной крепости XIV века Конопиче, где перед Первой мировой войной жил эрцгерцог Франц-Фердинанд, вывезли в Прагу огромную коллекцию старинного оружия для организации Музея оружия, который так и не был открыт, а перед вступлением Советской армии коллекцию разделили на 4 части и вывезли, в том числе и в штольни Бад-Аусзее. После войны она была возвращена в Конопиче. Ряд предметов коллекции, предназначенных для музея фюрера, был похищен. Вместо убранства крепости были обнаружены и возвращены вывезенные из СССР книги.

К 1941 году наш знакомец Геринг достиг всего, о чем только мог помышлять, и в Чехословакии как-то не очень был замечен.

Он стал великим визирем, рейхсмаршалом, сказочно богатым человеком. Война, по общему мнению, была выиграна, так что за нужда предпринимать еще какие-то новые усилия! И Геринг окунулся в прелести праздной жизни в сонме льстецов, пренебрегая служебными обязанностями. Люфтваффе не справилась с поставленными задачами: бомбардировщики противника прорывались на территорию рейха, немецкая промышленность скрипела и трещала, но Геринга это как

бы не касалось, рейхсмаршал все реже появлялся в Берлине.

Он живет в Каринхале, в огромном роскошном загородном дворце в Шорфхейде; гости видят его то в костюме восточного махараджи, то в светло-голубом мундире с маршальским жезлом из чистого золота и слоновой кости, усыпанным драгоценными камнями, то в тоге из белого шелка — одеянии венецианского дожа, опять-таки с застежками из драгоценного камня и эмблемой оленя святого Губерта на голове, в рогах которого сверкает жемчугом свастика.

И там, на фоне сцен, обставленных с римской роскошью, он пировал, развлекался, знакомил высоких гостей с чудесами архитектуры и живописи, таящимися в его доме, — кабинет хозяина, выполненный в традициях костела средней величины; библиотека, украшенная куполом в стиле Ватикана; письменный стол красного дерева длиной около восьми метров, инкрустированный бронзовыми свастиками, который украшали два больших золотых канделябра в стиле барокко, чернильный прибор целиком из оникса и длинная линейка из слоновой кости зеленого оттенка в драгоценных камнях.

А в это же время его головорезы от искусства неиссякаемым потоком стекаются к нему с добычей из Парижа, Рима, Афин, Киева и даже из музеев Германии и платят дань драгоценными камнями, шедеврами скульптуры, работами старых мастеров живописи и прикладного искусства, гобеленами и предметами церковной утвари из алтарей, изделиями знаменитых ювелиров и аугсбургских мастеров,

старинными посохами римских епископов. И все это идет к нему из разграбленных музеев, опустошенных дворцов государств, более древних и славных, чем Германия.

Отнюдь не склонный к сентиментальности шеф службы безопасности рейха Гиммлер так оценил маршала авиации:

Геринг — это гнусная борзая, убивает всех животных. Представьте себе мирно пасущего оленя, в то время как к нему подходит охотник с ружьем и убивает несчастное животное... Неужели это может доставить удовольствие?..

Сам Геринг отрицал обвинение в жестокости: он придерживался ортодоксальной точки зрения, что животные испытывают огромное удовольствие, когда на них охотятся; в Каринхале он воздвиг себе от их имени величественный монумент в знак благодарности животных своему защитнику и главному лесничему рейха.

Шпеер вспоминает:

Гитлер был взбешен, он сильно ругал Геринга и не стеснялся в выражениях. Ему известно, сетовал Гитлер, что Геринг не оправдал доверия, что он коррумпированная личность и наркоман. Кому как не такому подлецу вести переговоры о капитуляции?.. Последним замечанием Гитлер выразил презрение всему немецкому народу.

Богатые промышленники и банкиры образовали «Кружок рейхсфюрера СС» Гиммлера,

своего рода эксклюзивный клуб, возглавляемый Вильгельмом Кепплером. Чтобы стать его членом, требовался вступительный взнос до миллиона марок. Деньги шли на финансирование дорогостоящих работ «Научно-исследовательского института Аненэрбе», занимавшегося вопросами происхождения арийской расы.

Именно о коллекции человеческих черепов шла речь на Нюрнбергском процессе. Гиммлер приветствовал начало войны с Россией, поскольку надеялся пополнить и свою коллекцию недоступными до сих пор черепами типа недочеловека — «еврейско-большевистского комиссара». С этой целью были выданы тщательно разработанные инструкции о том, как надо убивать комиссаров, чтобы не повредить череп. (Письмо Вольфрама Зиферса, директора «Аненэрбе», секретарю Гиммлера Брандту, зачитано в Нюрнберге 8 августа 1946 года).

Евреи, которых вначале отправили в Терезиенштадт, а затем в другие лагеря смерти, оставили в своих жилищах мебель, произведения искусства, одежду. Для использования этих ценностей оккупанты создали 13 октября 1941 года «опекунское управление при еврейской религиозной общине Праги», заставив его зарегистрировать имущество евреев.

Еврейская община получила приказ

из еще неиспользованных квалифицированных еврейских кадров отобрать наиболее подходящих людей и создать из них работоспособный и гибкий аппарат для выполнения новых специальных задач.

Архитекторы изымали мебель и обставляли квартиры высокопоставленных офицеров. Мебель подразделялась на 4 категории: предметы роскоши, добротная изящная обстановка, хорошо сохранившаяся и плохо сохранившаяся обстановка.

По сообщению «опекунского совета» от 31 марта 1942 года, было конфисковано 780 тысяч книг, после этого все оставшиеся евреи были отправлены в концлагеря.

В обстоятельной докладной записке говорилось:

Эксперты склада предметов искусства регулярно осматривали склады домашних вещей и нередко находили там вещи, художественное значение которых, возможно, не осознавалось прежними владельцами. Светильники, медные кувшины или латунные сосуды, по отдельности не представлявшие особой ценности, приобретали ее после того, как их соответствующим образом группировали. Так же было и с посудой, из которой составлялись сервизы. Со временем удалось собрать столь внушительную коллекцию старого богемского фарфора, что подобной ей по разнообразию и завершенности невозможно найти даже в музеях...

Из разрозненных гравюр, размещенных в должном порядке, составлялись целые серии. Постепенно было составлено обширное собрание богемских и пражских гравюр. Ценность таких собраний во много раз превосходит ценность разрозненных работ. Планомерные поиски и учет позволяли создать также цен-

ную коллекцию предметов восточноазиатского искусства.

Ненависть к евреям иногда принимала карикатурные формы. После концерта Гейдрих разглядел на крыше Концертного зала Рудольфинум головы знаменитых музыкантов, среди которых оказался и Мендельсон-Бартольди. Гейдрих в ярости приказал убрать Мендельсона. Два ээсовца долго разбирались, кто Мендельсон, а кто любимый композитор фюрера Рихард Вагнер.

Фашисты создали в Праге «музей уничтоженной расы». Сюда свозилось все, что имело отношение к иудаизму. Впрочем, за награбленное возникали и споры. Так, Розенберг и Гейдрих спорили о еврейской библиотеке, похищенной в Польше. Гейдрих хотел сохранить ее для своего музея в Праге. Розенберг пожаловался Гитлеру. Спор завершился 20 октября 1941 года письмом 1 отдела главного управления имперской безопасности, подчинявшегося Гейдриху. Заместителю генерал-губернатора Польши статс-секретарю Бюлеру сообщалось:

Что касается конфискованных гестапо украинской и еврейской библиотек, к сожалению, не представляется возможным их вернуть, так как оба эти фонда в течение прошедших лет были включены в имеющуюся здесь центральную библиотеку. К тому же, по постановлению фюрера, вопросами еврейства в целом, включая научно-политическое исследование проблемы, занимается главное

управление имперской безопасности. Последнее составило с этой целью библиотеку мирового еврейства, в которую еще два года назад была включена Варшавская библиотека. Так как картотек и описей не имелось, то снова выделить эту библиотеку невозможно.

Из Греции вывезли 10 тысяч книг еврейских общин.

После освобождения Чехословакии на основе «еврейского музея» был открыт музей зверств фашистов.

Осенью 1939 года д-р Поссе прибыл в Прагу. Его миссия, конечно, была связана с формированием «музея дорогого фюрера».

Однако предстояли некоторые «юридические» сложности. Так как Чехословакия объявлялась «сердцем великогерманского рейха», то и все ценности должны были остаться в ней. Борман подтверждает это в специальном приказе.

Однако д-р Поссе прекрасно понимает, что это никак не касается почетной миссии уполномоченного фюрера. Его особый интерес в Чехословакии привлекли картины Вышебродского монастыря. В это время они находились для реставрации в Национальной галерее Праги, так что д-р Поссе не спеша изучил этот шедевр чешского изобразительного искусства середины XIV века.

Автор девяти картин, составляющих многостворчатый алтарь готической церкви Вышебродского монастыря в Южной Чехии, неиз-

вестен. Однако это никак не умаляет ценности картин, исполненных в стиле так называемой северной готики. Шесть столетий подтвердили, что монахи располагали шедевром мирового уровня.

Перед тем, как немцы аннексировали Судетскую область, Чехословацкое правительство решило обеспечить безопасность национальной святыни из Вышебродского монастыря, справедливо полагая, что сами монахи вряд ли сумеют защитить алтарь.

Под предлогом необходимости реставрации алтарь был перевезен в Прагу, где надеялись уберечь его от нацистов. Но надеждам этим не удалось сбыться.

Гаулейтер Верхней Австрии Эйгрубер решил подарить 9 картин алтаря Гитлеру на день рождения и, стремясь обрадовать «любимого фюрера», направил секретарю Бормана срочную телеграмму, в которой изъявил желание лично прибыть к Гитлеру в день его рождения для вручения подарка и изложил мотивы своего поступка. Оказывается, цистерцианское монашество является оплотом мятежных сил против немецкого протектората, кроме того, они слушают вражеское радио и... замечены в гомосексуализме.

Разъяренный вмешательством Эйгрубера не в свои дела, Борман телеграфировал:

Я немедленно доложил фюреру содержание Вашей телеграммы, датированной вчерашним днем. Эксперт фюрера по новой галерее в Линце, директор д-р Поссе, поставлен мною в известность.

Он даст совет фюреру, оставлять ли алтарь в монастыре или же направить его в новую галерею Линца.

Как Вам уже сообщалось, фюрер в день своего рождения не желает принимать необязательных посетителей.

Но раздумывать доктору Поссе не было необходимости, ибо он уже давно решил, как именно обосновать грабеж алтаря: необходимо вернуть алтарь монахам Вишши-Брода.

Да, именно так.

Затем Гитлер своим приказом отделит часть Южной Чехии и присоединит ее к Верхней Австрии.

Тогда алтарь становится австрийской собственностью, и ничто не мешает перевезти его в главный город Верхней Австрии, который называется... Линц!

Затем он обосновал свое решение Борману:

Девять картин мастера из Гогенфурта (немецкое название Вишши-Брода), написанных в XIV веке, принадлежат к старейшим и значительнейшим творениям немецкой (!) живописи...

Находясь в Гогенфурте, месте очень удаленном, они скрыты от общественности, и эти единственные в своем роде произведения немецкой живописи в условиях государственного музея оказались бы под лучшим присмотром, нежели в действующем монастыре, давно потерявшем всякое значение.

Нужно ли говорить, что Борман горячо одобрил эту идею.

Нет, не зря доктор Поссе был обласкан самим Гитлером — он преданно трудился над выполнением задания фюрера.

Так и произошло. Картины доставили на сборный пункт, а затем в штольни Альт-Аусзее.

Произведения «Мастера Вышебродского алтаря», спрятанные в соляные копи, вернулись на свое прежнее место в очень плохом состоянии, их пришлось основательно реставрировать и, с согласия монахов, алтарь оставлен в Национальной галерее как один из самых ценных экспонатов.

В Прагу вернулись и несколько картин из частных коллекций — Кранах, Брейгель.

Но многое так и не нашлось.

Глава десятая,
ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ,
КУДА ДЕЛСЯ «ЗОЛОТОЙ ЭШЕЛОН»

Следующими в списке интересов рейха были Балканы, в особенности Греция, где с историческими древнейшими ценностями было все в порядке.

Вначале грабеж Балкан Гитлер поручил «органам группенфюрера СС Гейдриха» — гестапо и службе безопасности. Однако вскоре Розенберг захватил эту прибыльную область.

Розенберг 23 апреля 1941 года писал Мартину Борману:

Что касается Балкан, то, на мой взгляд, здесь следует действовать так же, как и на оккупированной французской территории, и моя просьба была, собственно, лишь дополнением к уже установившемуся порядку. Ибо генерал-фельдмаршал Лист и генерал-квартирмейстер сухопутных сил уже наладили всю работу, и в тесном взаимодействии с этими инстанциями мои сотрудники уже приступили к работе в Белграде.

По приказу генерал-фельдмаршала Листа или уполномоченного им генерала, который все согласует с СД, они начнут действовать и в

Салониках — одном из крупнейших еврейских центров, как вы знаете. Я хочу заметить также, что здесь мы с этим делом покончили в самом лояльном согласии с СД. Один наш сотрудник, находящийся также на службе в СД, по обязанности доложил своему начальству, и ему было сказано, что СД будет самым лояльным образом сотрудничать с моим эйнзацштабом.

Таким образом, все практически разъяснилось, и работа пошла как по маслу... Наконец, заместитель фюрера распорядился, чтобы занимающиеся этим вопросом члены НСДАП содействовали представившейся возможности исследовать здесь проблему евреев и масонских лож.

Эйнзацштаб Розенберга начал свою работу в Греции в апреле 1941 года, когда сюда прибыл специалист археолог д-р фон Шенебек, которому еще до войны удалось обследовать все музеи, а теперь немцы «в научных целях» стали производить раскопки в поисках ценностей Древней Греции. Все найденное немедленно отправлялось в Германию.

Преемник скончавшегося д-ра Поссе на посту директора Дрезденской галереи д-р Фосс стал и особоуполномоченным Гитлера по «музею фюрера». В секретном письме 11 июля 1944 года д-р Фосс сообщил гаулейтеру Саксонии Мучману о бесценной мраморной статуе из Салоник. Фосс настаивал на немедленной

отправке находящейся в Салониках античной статуи выше человеческого роста на хранение

ние в управление солеварен в Бад-Аусзее, в руки д-ра Готфрида Реймера — Бад-Аусзее, Зальцкаммергут-Обердонау, — который является референтом по особым поручениям для Линца.

Как известно, Венгрия до марта 1944 года воевала на стороне гитлеровской Германии. Около миллиона венгерских солдат славно потрудились на ниве разграбления ценностей из Советского Союза.

Но вот наступила очередь и Венгрии, когда она вышла из войны и была сразу же оккупирована немцами.

19 марта 1944 года разграблен Музей изящных искусств в Будапеште, откуда Гитлеру, в частности, отправили «Портрет Бисмарка» Франца Ленбаха. Сам Бисмарк был любимцем фюрера. Разграблена и частная коллекция барона Херцога, в которой были картины Веласкеса, Эль Греко, Рембрандта, Рубенса и Ван-Дейка — коллекция оценивалась в 5 миллионов долларов.

Экспропрированы коллекции барона Альфонса Вейсса, барона Корнфельда, Ледерера, семьи Вольфнеров, семьи барона Хатвани и собрание Биро Хенрика.

Немецкий посол в Венгрии Веезенмайер, покидая Будапешт перед взятием его Советской Армией, прихватил на память из дворца Хедервар «Автопортрет» Рембрандта и всю обстановку редчайшей стариной мебели вместе с коврами и гобеленами. Судьба этой картины Рембрандта до сих пор неизвестна.

Однако особый интерес представляет история с так называемым «золотым поездом». Он

стал своеобразным хранилищем национальных сокровищ Венгрии, вывезенных на запад накануне прихода в Будапешт Советской армии. Воспользуемся материалами исследователей Ю. Гоголицына и Н. Петровского.

В этой истории замешаны венгерские фашисты, части американской и французской армий, аукционы по продаже художественных произведений, косвенно — Ватикан.

16 мая 1945 года, когда война уже была завершена, на полустанке Верфен, в ста километрах от австрийского Зальцбурга, американские солдаты наткнулись на состав из 24 опломбированных вагонов, в которых были обнаружены ценности на 200 млн. долларов в ценах 1945 года.

Никто, впрочем, доподлинно не знает, сколько и что там было. Стало ясно одно — это награбленные венгерскими фашистами ценности из государственных и частных собраний Венгрии (в основном еврейские ценности).

Вернемся в ноябрь 1944 года, когда Советская армия находилась в 15 километрах от Будапешта.

Глава венгерских фашистов Ференц Салоши прибыл на вокзал в сопровождении начальника службы безопасности Арпада Гальдаи. Их ждал специальный эшелон, состоящий из пассажирских и товарных вагонов, куда были загружены десятки сундуков с редкими манускриптами, валютой, золотом венгерского банка, ценными бумагами, драгоценностями, бриллиантами, ювелирными украшениями, столовым серебром, изделиями из

фарфора, старинными гобеленами, персидскими коврами.

Но самое ценное было погружено в последнюю минуту: черный сундук, в котором находилось сокровище Венгрии — тысячелетняя корона короля Иштвана I Арпада.

Около 1000-го года римский папа Сильвестр II преподнес первому христианскому королю Венгрии Иштвану I (или Сильвестру) корону, выполненную лучшими итальянскими ювелирами из золота и серебра, с необработанными драгоценными камнями. Корона выглядела как огромный кристалл и представляла собой не только замечательное историческое произведение искусства, но и значительную материальную ценность.

За 1000 лет с короной происходили самые удивительные истории — ее похищали, прятали в землю, закладывали германскому императору, похищали венгерские патриоты, пытаясь спасти от австрийских захватчиков.

За эти столетия корона превратилась в символ нации и вместе с большим ритуальным мечом с золотой рукояткой, державой и скипетром хранилась в большом черном окованном сундуке. Ключи от него были у трех высших чинов государства.

Именно этот черный сундук и погрузили в последнюю минуту в поезд, который отправился к венгеро-австрийской границе. Без остановок состав дошел до небольшого венгерского городка Бреннербаньи.

Здесь все перепаковали в 94 контейнера, список ценностей полковник Тальдаи предъявил Салоши. Впрочем, три упаковки с неизвестным содержимым были изъяты из состава, его отогнали на запасной путь, где он и простоял около трех месяцев.

20 марта полковник Тальдаи прибыл с паровозом и перегнал состав на территорию Австрии, на станцию Винер — Нейдштадт. Из состава был выгружен только черный ящик, и грузовик направился в сторону Зальцбурга, находящегося в 220 километрах от границы.

Офицер американской организации по возврату произведений искусства капитан Томас Хоува написал книгу, в которой рассказал, что принял венгерскую корону и другие сокровища на официальном пункте сбора в Висбадене.

А до этого грузовик с ценностями был задержан в Шварцахехе. Капитан Янош Балог, руководивший охраной, увидел идущих навстречу американских военных и дал команду остановить грузовик. Сопровождающие разделились на две группы. Одна во главе с полковником Пайташем унесла в лес черный ящик и зарыла его там. Другая, с капитаном Балагом, унесла несколько контейнеров — сколько могла поднять.

Все остальное досталось американским военным.

Однако Пайташ вскоре передал американцам черный ящик, в котором были скипетр, меч и держава.

Майор американской 7-й армии Кьюбала выдал соответствующую расписку. Но короны в ящике не оказалось. Пайташ, ожидавший

своей участи в лагере для нацистских преступников, был допрошен с пристрастием, в результате чего корону нашли в указанном им месте.

Более двух лет новое правительство Венгрии разыскивало пропавшие национальные реликвии, но безрезультатно. В борьбу вокруг поисков были втянуты политики, духовенство, антиквары, историки, военные и дипломаты.

Завершилось все неожиданно — в 1948 году арестовали и отдали под суд кардинала Миндсенти, обвинив его в государственной измене. Миндсенти вел в США переговоры с Габсбургами, претендовавшими на восстановление Австро-Венгерской монархии, что, конечно, не понравилось правительству Венгрии.

Вернувшись в Венгрию, кардинал 3 июня 1947 года отправил американскому послу Сельдону Чапину сообщение о том, что корона короля Иштвана «находится у армии США в Висбадене на германской территории», и ее необходимо передать на хранение папе Пию XII для будущих переговоров.

Соответствующую просьбу о содействии Миндсенти направил архиепископу Зальцбурга Рораху, который в ноябре 1947 года писал нью-йоркскому кардиналу Спеллману:

Для венгров эта реликвия бесценна, ее надо спасти... Мы предпочитаем, чтобы она была передана — официально или неофициально — на попечение папы.

Ваше личное письмо генералу Льюшесу Клею (командующему оккупационными вой-

сками американской зоны) несомненно обеспечит успех.

Спеллман передал письмо военному министру США Кеннету Ройялу. Дело сдвинулось и быстро шло к развязке. Бывший регент Венгрии Миклош Хорти направил папе письмо, в котором излагалась просьба помочь командиру королевской венгерской гвардии полковнику Эрно Пайташу присутствовать в Риме, *«когда туда придут драгоценности, чтобы обеспечить соблюдение традиции, в согласии с которой они всегда охраняются».*

Однако венгры напрасно ждали возвращения короны. На официальные запросы правительства Венгрии американцы отвечали:

В отличие от остальных королевских ценностей и других сокровищ, похищенных венгерскими фашистами и вывезенных в Австрию, корона Святого Стефана (Иштвана) не подпадает под действие статьи 30 договора о реституции, так как она не была изъята насильственно, но была передана на безопасное хранение властям Соединенных Штатов, которые и заботятся о ней.

27 ноября 1965 года в Ватикане неизвестными преступниками были похищены крупные исторические реликвии, среди которых была и корона венгерских королей.

Вскоре преступники были задержаны и почти все ценности возвращены. На вопрос журналистов, как корона Святого Иштвана оказалась в Ватикане, был дан ответ, что в Ватикане

хранилась копия короны. Однако газеты сообщили, что наверняка это была подлинная корона Стефана.

Версию Ватикана подтвердили американцы, которые сообщили, что корона хранится в надежном месте в США — в форте Нокс. Именно там содержатся все национальные ценности и золотой запас Соединенных Штатов.

Скорее всего, обе стороны скрывали подлинное местонахождение короны, ибо все это было связано с попытками восстановления монархии в Венгрии.

А что же с остальными сокровищами, которые содержались в вагонах «Золотого эшелона»?

Эшелон отконвоировали в Зальцбург, где ящики с драгоценностями были отправлены на военные склады американских оккупационных сил.

Однако напрасно руководство еврейской общины Венгрии ждало возвращения отнятых у ее членов ценностей. 20 декабря 1945 года община направила официальное письмо американской военной администрации в Австрии с надеждой на скорое решение проблемы возврата и предложила свое сотрудничество.

Командующий американскими войсками в Австрии бригадный генерал Марк Кларк сообщил, что ценности возвращены быть не могут. Перед этим генерал проконсультировался с Вашингтоном.

Терпеливая община снова обратилась к американцам с просьбой помочь содействовать в розыске хотя бы двух грузовиков, на

которые Арпад Тольдаи, как мы помним, перегрузил кое-что из состава прежде, чем эшелон попал в руки американцев.

Единственно, что удалось выяснить, что грузовики попали в руки французским частям. Все попытки найти исчезнувшие вместе с грузовиками ценности успехом не увенчались.

Правительство Венгрии вело официальные переговоры с руководителями американских оккупационных властей в Берлине и получило утешительный ответ, что вопрос уже решен и ценности венгерских евреев будут вскоре переданы в распоряжение Международного комитета по делам беженцев при ООН.

Впрочем, никто два года не занимался инвентаризацией венгерских ценностей, а некоторые из них — ковры, гобелены, картины, сервизы, столовое серебро — были «временно» выданы для обустройства квартир и офицеров американского начальства в Австрии.

Нужно ли говорить, что все эти ценности больше в списках не значились?!

В официальном докладе недавно созданной комиссии конгресса США, которая занимается поиском ценностей жертв Холокоста, сообщаются интересные факты.

Так, генерал Коллинз для обустройства своей виллы получил 12 серебряных подсвечников и 11 ковров. Генерал Лауда унес старинный китайский сервиз и серебряные столовые приборы. Генералу Хьюму достались 9 ковров и антикварная мебель. Для украшения своей венской квартиры генерал Говард получил

9 ковров, несколько серебряных столовых приборов и 12 серебряных блюд.

Искать все эти ценности следует, конечно, в США — у родственников названных генералов.

Из хранилища в Зальцбурге неизвестные похитили две сумки с драгоценностями.

Ряд вещей из «золотого эшелона» в те годы реализовывался через сеть дешевых американских армейских магазинов.

В 1947 году ценности, наконец, доставлены в США, но лишь для того, чтобы выставить их на нью-йоркском аукционе Парк-Бернет.

Украшения из бриллиантов были представлены в 400 лотах, фарфора реализовано 22 тонны.

Что касается картин — примерно 1200 экземпляров — венгерской и европейской школ, то они растворились в неизвестном направлении. Есть версия, что они были переданы на попечение австрийским властям и хранились в замке Мауэрбах в пригороде Вены.

Согласно архивному документу от 26 марта 1952 года «Венгерские культурные ценности в американском секторе», каждая картина из «золотого эшелона» имела сопроводительный документ, где указывалась фамилия владельца и его домашний адрес — все та же немецкая пунктуальность! — крайне неприятная для американцев.

Однако никто не стремился найти этих владельцев.

Уже в наши дни Венгрия предъявила требования к России, утверждая, что некоторые цен-

ности из «золотого эшелона» находятся в нашей стране и неплохо бы их поскорее вернуть.

В частности упоминается картина Саломона ван Рейсдаля «Пейзаж с рекой». Однако ветеран Второй мировой войны Эвелина Гаркер вспоминает, что во время своей службы в трофейной бригаде, расквартированной в Венгрии, она побывала с инспекционной поездкой на сборном пункте трофейных культурных ценностей. Среди многих экспонатов ей запомнились небольшая гравюра с подписью «Rembrandt, 1639» и великолепная картина голландца XVII века Саломона ван Рейсдаля... «Пейзаж с рекой»!

Картина когда-то принадлежала барону Шандору Харкани, который отдал ее и всю свою коллекцию на хранение в Будапештский кредитный банк. В конце 1944 года при отступлении коллекция барона была извлечена венгерскими фашистами из банка и отправлена в «золотом эшелоне» по уже известному нам маршруту.

Так что, скорее всего, Рейсдаля следует искать за океаном. А что касается претензий Венгрии к нашей стране, этим сейчас занимается совместная российско-венгерская комиссия по реституции.

Это, конечно, не значит, что в ближайшее время кто-нибудь отдаст свои трофейные ценности. Слишком много для этого веских причин.

Глава одиннадцатая,
В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ
С ЭНТУЗИАСТАМИ —
ОДНИ ГРАБИЛИ, А ДРУГИЕ
ПЫТАЛИСЬ СОХРАНИТЬ
НАГРАБЛЕННОЕ ИЗ РОССИИ

Судя по тому, что обещал Гитлер Ленинграду, нашу страну ждала катастрофа.

2 августа 1942 года во время застольной трапезы в своем бункере он объявил об участии нашего народа:

Строительство Петербурга Петром Великим оказало фатальное влияние на историю Европы.

По этим причинам Петербург должен быть стерт с лица земли.

Такая же судьба должна постичь и Москву.

Российское население должно быть переселено в Сибирь.

Вполне серьезные намерения.

До переселения время еще было, и пока фашисты начали вывоз в Германию всего, что представляло какую-нибудь ценность.

Об одном преступлении фашистов в нашей стране мы рассказали довольно подробно в книге «Дело о Янтарной комнате». Заинтере-

сованный читатель может сполна удовлетворить свой интерес к истории этого уникального сокровища.

Но, конечно, «работа» любителей дармовых сокровищ на этом была далеко не исчерпана.

В знаменитом архиве Георга Штайна, — о нем мы расскажем позже, — приведен материал, опубликованный в газете «Ди Цайт» под названием «ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ — ЛИНЦ»:

Прежде чем взять в рот ампулу с ядом и поднести к виску пистолет, Гитлер диктует секретарше свою последнюю волю:

«Все, что я имею, если это только что-нибудь стоит, передаю партии, если же она не будет существовать — государству...»

Я покупал и собирал эти картины в течение жизни не для себя, а для создания галерей в моем родном городе Линце на Дунае.

Если это полностью осуществится, это будет лучшим исполнением моей последней воли...»

Адольф, конечно, скромничал — все, что фашисты награбили в оккупированных странах, стоило баснословных денег.

Сколько?.. Никто точно не знает.

В книге Андрея Пржездомского «ЯНТАРНЫЙ ПРИЗРАК» читаем:

Общая стоимость захваченных гитлеровцами ценностей не поддается точной оценке, но достигала, по-видимому, нескольких миллиардов рейхсмарок. Подтверждение это-

му — ставшие известными выводы руководства нацистской партии, в частности, Альфреда Розенберга, который считал, что только к 14 ноября 1940 года, то есть еще до нападения на Советский Союз, стоимость вывезенных культурных ценностей составляла до полумиллиарда рейхсмарок.

Сколько это сегодня, трудно оценить. Но понятно, что художественная ценность украденных национальных сокровищ не может быть определена в деньгах.

В Центре хранения историко-документальных коллекций Российской Федерации читаем:

*По имеющимся сегодня сведениям, за годы войны из нашей страны вывезено только по 73 особо ценным музеям 565 723 экспоната...
Александровский дворец-музей (город Пушкин) — 3394 единиц хранения,
Екатерининский музей — 24 000,
дворцы — музеи Петродворца — 24 000...*

Так что фюрер напрасно скромничал — передавать в наследство было ЧТО.

Сегодня можно почти наверняка утверждать, что БЕРНШТАЙНЦИММЕР, как именовали немцы Янтарную комнату, Гитлеру не досталась.

Этому помешали усилия весьма скромного музейного чиновника, как бы мы сказали, «областного масштаба», доктора Альфреда Роде — директора художественных собраний Кенигсбергского музея.

В истории украденных из СССР ценностей доктору Альфреду Роде отведена одна из главных ролей. Нет, сам он не грабил, а был, так сказать, принимающей стороной. Подробно мы рассказали о докторе Роде в книге «Дело о Янтарной комнате». Однако деятельность его выходила далеко за рамки истории сохранения Янтарной комнаты, и поэтому мы вкратце расскажем о его усилиях по сохранению — да, да! — по сохранению ценностей из России от уничтожения в условиях фронтового города, каким длительное время был Кенигсберг.

3 февраля 1942 года в своей анкете, посланной в Берлин по требованию начальства, Роде пишет, что он

верноподданный чиновник,

Специальность — историк искусств;

Под опекой не состою;

В ныне запрещенных организациях («нацифисты», «лига граждан», «масоны», «сторонники мира», «красная помощь») не состою и не состоял;

Членом НСДАП не был и в местной ее организации не состою;

Принимал участие в борьбе за немецкий рейх;

Родственников, погибших на поле брани мировой войны, не имею;

Никогда не был членом ассоциации писателей;

Не являюсь членом «рейхссобъединения культуры»;

Литературную работу начал в 1912 году;

Первая статья «Нидерландские художники в Гамбурге»;

До 15 декабря 1933 года (т. е. до прихода Гитлера к власти) работал в кенигсбергских газетах внештатно;

Опубликованы книги «Янтарь — немецкое искусство» (Берлин, 1937), «Книга янтаря» (Кенигсберг. «Ост Ойропа»);

полагаю свою работу в области знания.

Я — только ученый и занимаюсь исключительно научной деятельностью.

Хайль Гитлер!

Весьма обязан,

Альфред Роде,

директор.

Ну что ж, доктор Роде — вполне законопослушный гражданин рейха, воевал за родину в первую мировую войну, сторонится политики, не участвует ни в каких партиях и общественных движениях, будь это партия нацистов или ассоциация по профессиональному признаку, серьезный ученый и пропагандист знаний по искусству... Обязательное в те годы «Хайль Гитлер!»

А вот что пишет доктор Роде в августе 1941 года — еще ДО ТОГО, как немцы захватили пригороды Ленинграда:

ГАУЛЯЙТЕРУ ЭРИХУ КОХУ.

Считаю крайне необходимым обратиться к Вам по следующему вопросу.

В то время как наши отважные воины, а в их числе народные grenадеры 217-й Восточ-

но-Прусской дивизии, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, продвигаются к Петербургу, в огне войны гибнут многие культурные и исторические ценности мирового значения.

Не исключено, что такая участь может постичь и замечательнейшее произведение рук выдающихся мастеров, Янтарную комнату, национальную гордость Германии, находящуюся ныне в Екатерининском дворце города Пушкин (Царское Село)...

Необходимо принять все меры для возвращения этого шедевра в лоно Родины и, поскольку она сделана из прусского янтаря, в Восточную Пруссию, в Кенигсберг.

Как директор музеев искусств Кенигсберга, я гарантирую ее принятие и размещение в одном из помещений Кенигсбергского замка.

Хайль Гитлер!

*АЛЬФРЕД РОДЕ,
Кенигсберг, 9 августа 1941 г.*

Не правда ли, любопытный документ?!

Непостижимая логика для почтенного доктора-искусствоведа! А ведь Роде был ученым с мировым именем и хорошо знал, что даже не сама комната, а только ее немногие фрагменты были подарены Фридрихом Вильгельмом I Петру Великому. Остальное было результатом творчества гениального русского архитектора Растрелли.

Впрочем, для гаулейтера Восточной Пруссии и затем Украины (а в конце 1941 года, в ожидании взятия Москвы, назначенного Розенбергом еще и гаулейтером Москвы), для

Эриха Коха, который сам мечтал добраться до БЕРНШТАЙНЦИММЕР — и, конечно, не только до нее! — все доводы доктора Роде звучали как волнующий боевой призыв, зовущий к немедленному действию.

И Кох не заставил себя ждать.

Читаем выписку из боевых действий 18-й армии «Норд» от 9 сентября 1941 года, 16 часов:

Полковник граф Золмс-Лаубах, которому было поручено захватить и уберечь предметы культуры и искусства Царского села, дворца Екатерины, просит дать охрану для дворца, который слегка поврежден бомбовыми налетами и в данное время находится на переднем крае...

Наши войска только что замкнули кольцо вокруг миллионного Ленинграда.

Царский замок (дворец) находился в зоне боев и досягаем для орудий кронштадтских фортов. Русские бомбы разбили большой зал, были выбиты все двери и окна.

Не только ветер и дождь имели свободный доступ в замок, но и солдаты испанской «Голубой дивизии»...

(Испанская дивизия численностью 17 тысяч человек прибыла на Восточный фронт летом 1941 года.)

В помещении, где находилось «порнографическое» собрание Екатерины, пришлось досками зашивать окна. Натиск солдат был ужасен.

На роскошном паркете валялись древние, в дерьме карты, мебель перевернута, с многих

диванов и кресел срезаны ценнейший ручной работы шелк и гобеленовая ткань, все это шло на портянки.

В стенах Янтарной комнаты зияли огромные дыры: солдаты выковыривали янтарь штыками, много янтаря было рассыпано по самой комнате и затоптано.

Такая картина предстала глазам немецких офицеров по охране предметов искусства — полковника графа Золмс-Лаубаха из Франкфурта и прибывшего в Царское село капитана Хельмута Пенгсена.

Это и были «люди» Эриха Коха и они благородно спасали художественные сокровища...

Аристократы-искусствоведы — «полковник граф» и «группенлейтер» счастливо избежали наказания и после войны перешли работать по «специальности».

Читаем справку о них в книге Авенира Овсянова «В РУИНАХ СТАРОГО ЗАМКА»:

...6. Пенгсен Георг.

Капитан, группенлейтер у шефа военного музея. Участвовал в расхищении ценностей пригородов Ленинграда. Транспортировал Янтарную комнату в Кенигсберг. После 1945 года — директор музея в Хейдельберге (Германия).

...10. Солмс Лаубах Эрнст-Отт.

Ротмистр резерва. Офицер по охране предметов искусства при 18-й армии группы войск «Север». Занимался ограблением дворцов и музеев пригородов Ленинграда.

В годы войны привез в Восточную Пруссию большое количество предметов культуры и искусства.

После 1945 года директор музея предметов ремесленного искусства во Франкфурте-на-Майне.

То есть граф-ротмистр поселился в своем родном городе и ни от кого не скрывался. Даже более того — проповедовал и сохранял культуру.

В начале 90-х годов в Германии вышел фильм режиссера Мориса Филиппа Реми «Янтарная комната. Конец легенды». Многие участники и свидетели этой драмы наперебой убеждали зрителей, что все делалось исключительно из самых благородных побуждений.

Вот что рассказал сын графа-ротмистра Лаубаха Фридрих о подвиге своего отца:

Мой отец увидел, в каком плачевном положении находился Екатерининский дворец, и, конечно, не мог не вступить за него.

Естественно, что произведения искусства должны быть размещены в более подходящем месте.

Конечно, невозможно представить, чтобы мой отец заботился о своей выгоде — он ничего не хотел брать себе...

И это верно — даже если бы Лаубах подумал что-либо взять себе, он имел бы дело с гаулейтером Эрихом Кохом, который демонстрировал такую жестокость, что даже Геб-

бельс неодобрительно отзывался о методах «работы» Коха.

Сын берлинского музейного чиновника доктора Галля Гюнтер ныне проживает во Франкфурте и делится своими воспоминаниями:

Отец пытался лишь повлиять, чтобы эти объекты не попали в личную коллекцию нацистам или Гитлеру в Нимфау.

И он пытался спасти Янтарную комнату так, чтобы она когда-нибудь смогла вернуться на свое законное место.

Вытрем слезы умиления, которые наверняка навернулись на наши глаза, читая о благородстве немецких спасителей ценностей, и обратимся к сухим фактам.

Конечно, решающую роль в этой акции сыграл гаулейтер Эрих Кох, который был лично заинтересован в доставке ценностей в Кенигсберг.

Что касается Лаубаха, Галля и Пенгсена, то они, пусть не обидятся их потомки, были мелкими сошками и лишь выполняли приказы.

И только доктор Роде, умело используя амбиции Коха, в реальности влиял на судьбу русских ценностей.

Читаем еще один документ:

«АОК-18» (18-я армия «Норд»)

Янтарная комната и многие другие сокровища Царского села доставлены в Кенигсберг.

Прошу доставить и ящики, находящиеся на станции Сиверская.

Прошу переправить в Кенигсберг две двери из помещения в Царском селе, во дворце, где была Янтарная комната.

Благодарю.

ВАШ АЛЬФРЕД РОДЕ.

Доктор Роде бдительно следил, чтобы ВСЕ было доставлено в Кенигсберг, в ЕГО музей.

Многое, конечно, наши вывезти не успели — слишком стремительно немцы подошли к Ленинграду.

Из тысяч ценнейших предметов Александровского дворца в Пушкине в эвакуационные списки было включено всего... восемь предметов! Саксонские вазы, гобелен, еще что-то...

А вывезли тысячу предметов!

Из Екатерининского дворца вывезли в Новосибирск 22 000 экспонатов.

Захваченный в плен оберштурмфюрер четвертой роты батальона СС Норман Фестер подробно описал в Москве в 1942 году как происходил вывоз ценностей из Екатерининского дворца. При этом демонстрировал отменное знание устройства Екатерининского дворца — нет сомнений, что он там побывал и возглавлял команду по грабежу культурных ценностей.

Штаб батальона находится в Берлине, улица Германа Геринга, 6... Из рассказов моих товарищей мне известно, что вторая рота нашего батальона изъезжала ценности из дворцов

в пригородах Ленинграда. Я лично при этом не присутствовал.

В Царском селе рота захватила и вывезла имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения.

Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца императора Александра вывезена старинная мебель и богатая библиотека в 6—7 тысяч книг на французском языке...

Когда в ноябре 1942 года ТАСС распространил в Европе информацию, полученную от военнопленного Ферстера, фюрер потребовал разъяснений от Риббентропа и получил следующий ответ:

Из Екатерининского замка в безопасное место осенью 1941 года был вывезен Янтарный кабинет, подарок прусского короля Фридриха I Петру I, причем были вынуты отдельные детали.

Кабинет временно разместили в Кенигсбергском замке.

Таким образом, это уникальное произведение искусства сохранено от разрушения.

Тогда же, помимо того, было вывезено 18 грузовиков наиболее ценной мебели и др. произведений искусства, и прежде всего картин... в Кенигсберг для их лучшей сохранности.

Хайль Гитлер!

*Йоахим фон Риббентроп,
рейхсминистр иностранных дел.*

В книге Пауля Энке «Янтарная комната» читаем:

В эти дни Гитлер терялся в догадках: сумеют ли советы вывезти из Ленинграда шедевры Эрмитажа? 22 сентября за обедом он вновь заговорил о музеях в Ленинграде и его окрестностях.

Кто-то напомнил ему о фонтане «Нептун» в Петергофе — нюрнбергская работа, XVII век!

Немедленно последовало указание в группу армий «Север», и ротмистр-граф Эрнст-Отто Солмс-Лаубах приступил к демонтажу бронзового фонтана.

Заодно, правда, демонтировали и увезли знаменитую статую Самсона, как и остальные скульптуры Большого каскада, которые не имели к Нюрнбергу никакого отношения.

Все это не найдено и по сей день. Один лишь фонтан «Нептун» удалось обнаружить — он оказался в Нюрнберге, в Национальном немецком музее.

Сегодня «Нептун» по-прежнему украшает Большой каскад в Петродворце.

Надо сказать, что показания очевидцев всегда довольно противоречивы.

Но вот найден важный официальный документ из архива 50-го армейского корпуса вермахта:

1.10. Красногвардейск. Для обеспечения сохранности произведений искусства в район

действия корпуса прибыли ротмистр-граф Солмс и гауптман Пенгсен.

14.10. Красногвардейск. Транспортировка экспертами по искусству ротмистром-графом Солмсом и гауптманом Пенгсеном предметов искусства из Гатчины и Пушкина, среди них облицовка Янтарного зала из замка в Пушкине (Царское село), в Кенигсберг...

16.10. Красногвардейск. Ротмистр граф Солмс и гауптман Пенгсен, завершив свою деятельность (сохранение предметов искусства), покидают штаб корпуса...

Еще одним доказательством стал официальный каталог вывезенных из СССР предметов искусства, который выпустило министерство иностранных дел Германии в 1942 году — в нем имеется упоминание о ценностях из Екатерининского дворца.

Руководитель этого министерства Йоахим фон Риббентроп приказал конфисковать все архивы в оккупированных странах, а заодно и все «бесхозные» ценности. Его зондеркоманда возглавлялась штурмбанфюрером СС бароном фон Кюнсбергом и ожидала у пригородов Ленинграда.

О серьезности работы ведомства Риббентропа свидетельствует и оценка, которую ему дал Нюрнбергский трибунал — в 1946 году как один из главных военных преступников он был повешен.

Конечно, доктор Роде не был банальным грабителем и случайным человеком в мире ис-

куства. Об этом говорят и его солидные исторические исследования. Именно поэтому, когда он получил для своего музея в Королевском замке реквизированные художественные произведения, он мучительно размышлял, каким образом сохранить все это богатство в условиях разрушительной войны.

Ближайший помощник Роде профессор Герхард Штраус в 1943—44 годах был сотрудником Инспекции по охране памятников Восточной Пруссии, а затем, уже после войны, в ГДР — директором института истории искусств.

В 1967 году он вспоминает:

В сорок втором году Роде показывал мне Янтарную комнату.

Мы были с ним давно и хорошо знакомы, это был до фанатизма влюбленный в янтарь человек.

Я был поражен, потрясен и очень озабочен. Пораженным я чувствовал себя перед лицом условий, при которых я оказался в Янтарной комнате.

Я вдруг почувствовал себя участником грабежа, хотя никакого отношения к этому не имел, но все же!..

Мое смущение еще больше возросло после того, как Роде показал мне и другие ценности, «арестованные» в Советском Союзе и доставленные в Кенигсберг из Киева и Одессы...

И вот что меня еще поразило: некая таинственность, с какой показывал мне все это Роде. В какой-то полутемной комнатке замка, понизив голос, буквально шепча мне в ухо,

Роде сообщил мне о том, что Кох сохранил за собой полное право распоряжаться теми произведениями искусства, которые попали в Кенигсберг.

Он, Кох, и никто другой!..

Основания для беспокойства, несомненно, были.

Настоящие неприятности наступили в 1944 году, когда англичане стали методично бомбить Кенигсберг, и уже в августе было разрушено до 48% зданий, число убитых 2400, а без крова осталось около 150 000 человек. Весной город был объявлен зоной первой категории воздушной опасности, а Красная Армия была уже на подступах к границам Восточной Пруссии.

В английской газете «БРИТАНСКИЙ СОЮЗНИК», выходящей во время войны в СССР, сообщалось:

Этот город больше не существует.

Эти две «английских» ночи оставшиеся в живых немцы запомнят навсегда!..

Однако бдительный Роде оказался готов к этим бомбежкам и перенес самое ценное на северную сторону Королевского замка, где сводчатые подвалы были очень толстыми (они были построены еще во время тевтонского рыцарства).

Дочь Роде Лотти рассказывает:

И в те ночи мой отец пробирался к замку по горящим улицам — ведь создание художе-

ственных собраний было целью его жизни. Потрясающим был тогда вид отца, которому не было еще и 60 лет, он вдруг состарился и был деморализован.

В эти две ночи оказался уничтоженным труд всей его жизни, который он ценил выше всего...

Сочувствие к страданиям доктора Роде вполне естественно для дочери. Однако мы следим за его переживаниями, конечно, по другой причине — судьба сокровищ из России тесно переплелась в те годы с жизнью Альфреда Роде, действия которого были объективно направлены на сохранение этих ценностей.

Масштабы «особого хранения» только в ведении директора художественных собраний Кенигсберга можно представить по протоколу допроса самого доктора Роде, который, уже по требованию советской оккупационной администрации, сообщает в 1945 году:

Мое заявление о судьбе русских музеев, которые были вручены мне для сохранения и под мою ответственность:

1. МИНСКИЙ МУЗЕЙ.

Осенью 1941 года мне был передан музей из Минска, состоящий из следующего:

из исторического отделения, в большинстве своем изображений XVIII века;

из отделения позднейшего времени, отчасти очень больших изображений (картин), рамы которых остались в Минске. Эти карти-

ны были сделаны по заказу русского правительства, означающие рост изобразительного искусства при советском строе (накануне войны в Минске проходила выставка картин «Ленин — Сталин»);

из отделения, оставшегося в наследство от царского строя: различная мебель, берлинский фарфор, равно как и фарфор русского петербургского производства.

Все эти вещи были размещены в Кенигсберском замке и, к сожалению, стали жертвой англо-американского налета в августе 1944 года.

II. ЯНТАРНАЯ КОМНАТА ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА.

В ноябре 1941 года я получил от немецкого командования северной группы войск Янтарную комнату из Царского села, которую я разместил в Кенигсберском замке в подходящем помещении.

За четыре недели до англо-американского налета Янтарная комната была переведена в безопасное место, так что она не пострадала от налета.

В последнее время имущество Янтарной комнаты было запаковано в ящики и размещено в северном крыле Кенигсбергского замка.

В СИЛУ ЧЕГО ВСЕ СОХРАНИЛОСЬ ДО 5 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА.

III. ХАРЬКОВСКИЙ МУЗЕЙ.

После отступления немцев из Украины летом 1943 года мне было передано имущество Харьковского музея, состоящее из:

1. Картин западноевропейского искусства.
2. Русского изобразительного искусства XIX века.
3. Нескольких икон и церковной двери из Ковеля.

Картины (1 и 2) были запакованы в ящики и отправлены в Вильденгофский замок близ Цинтена (Корнева). В последний раз я видел эти ящики в декабре 1944 года. С января 1945 года это место стало зоной боев. Иконы (3) были доставлены в башню Королевского замка, где и сохранились.

IV. КИЕВСКИЙ МУЗЕЙ.

В декабре 1943 года мне были переданы ценности Киевского музея под особым наблюдением ассистентки Киевского музея Кульженко. Имущество было упаковано в 98 ящиков и отправлено в замок Вильденгоф. В ящиках находилось, кроме картин западноевропейского искусства, примерно 800 икон. Это было самое значительное собрание икон в мире. Кроме того, там было много живописи, литографии. Ящики и Кульженко я видел в декабре 1944 года.

ДОКТОР РОДЕ — ДИРЕКТОР.

О Полине Кульженко, которую упоминает доктор Роде в своих показаниях, мы обязательно расскажем позже.

Из материалов Нюрнбергского процесса только по хищениям в Петергофе:

*Из дворцов — Большого, Марли, Монпле-
зир и Коттеджа — они разграбили и вывезли*

в Германию около 34 тысяч предметов музейных экспонатов и среди них 4950 предметов уникальной мебели — английской, итальянской, французской и русской работы екатерининского, александровского и николаевского времени; много редких сервизов фарфора иностранных и русских заводов XVIII и XIX веков.

Немецкие варвары содрали шелк, гобелены и другие декоративные материалы, украшавшие стены дворцовых зал. В ноябре 1941 года немцы сняли бронзовую скульптуру Самсона работы скульптора Козловского и увезли ее. Как известно, она была создана в честь победы Петра I над Швецией.

Сразу же была отправлена в Германию бронзовая группа Нептуна, состоящая из 32 фигур — произведение немецких мастеров XVII века, купленное Петром I. Увезли и статуи реки Волхова, Невы, статуи Нимфы и льва Львиного каскада, монумент Петра Первого работы М. М. Антокольского.

Разграбив музейные ценности, немецкие бандиты подожгли Большой дворец — гениальное творение зодчего Варфоломея Растрелли...

При своем отступлении из Петродворца немцы с помощью мин замедленного действия разрушили дворец Марли. Дворец имел тончайшую лепную отделку и резьбу.

Немцы разрушили петровский Монплеизир. Они уничтожили все деревянные части павильонов и галерей, внутреннюю отделку кабинета, спальни и китайских комнат; во

время оккупации среднюю, наиболее ценную в историко-архитектурном отношении часть дворца превратили в дот, в западном павильоне дворца устроили конюшню и уборную.

В помещениях Ассамблейного корпуса немцы разобрали полы, выпилили балки. Уничтожили двери и оконные рамы, ободрали обшивку потолка...

В северной части парка, так называемой Александрии, они взорвали дачу Николая II, полностью уничтожили деревянный офицерский домик, Александрийские ворота, павильоны фонтана Адама, пилон главных ворот Верхнего парка и Розовый павильон...

Немцы разрушили знаменитую фонтанную систему петродворцовых парков. Они подорвали питающую фонтаны линию на всем протяжении от плотины у Розового павильона до Верхнего парка.

После занятия Петродворца части 291-й немецкой пехотной дивизии огнем тяжелых орудий полностью уничтожили знаменитый Английский дворец в Старом Петродворце, построенный по указу Екатерины II архитектором Кваренги. Немцы выпустили по дворцу 9 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Вместе с дворцом уничтожен живописный Английский парк и все парковые павильоны.

Немцы вырубili 14 тысяч из 45 тысяч деревьев парка.

Осквернение и уничтожение культурных и исторических памятников на территории СССР — часть грандиозного плана по ликви-

дации национальной культуры народов Советского Союза, насильственного онемечивания населения.

Из 88 исторических зданий Великого Новгорода уцелели лишь 2.

Всемирно известный Софийский собор, гордость России, построен в XI веке. Немцы его полностью разграбили. Из золотой обшивки среднего купола они изготавливали портсигары, ящики, шкатулки.

Командующий 18-й армией генерал-полковник Линдемман приказал разрушить символ могущества России — памятник «Тысячелетие России» скульптора М. О. Микешина. Линдемман решил подарить его своему родному городу. Бронзовые скульптуры, украшавшие памятник, были разбиты и предназначались для переплавки.

Подробно говорилось на Нюрнбергском процессе и о разграблении Ясной Поляны:

В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну, где родился, жил и творил один из величайших гениев человечества — Лев Толстой. Этот прославленный памятник русской культуры нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли.

Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Толстого, — редчайшие рукописи, книги, картины, были либо разорваны немецкой военищиной, либо выброшены и уничтожены.

Гудериану, посетившему 1 ноября 1941 года усадьбу Л. Н. Толстого, была подарена ценнейшая фотография Толстого, украденная в музее.

Германский офицер Шварц в ответ на просьбу сотрудника музея перестать отапливать дом личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого».

Ущерб, причиненный Ясной Поляне, составил в денежном выражении 1458 тысяч рублей.

Шла речь в Нюрнберге и о пушкинских местах в Михайловском:

В марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским горам, немцы приступили к систематическому разрушению Святогорского монастыря, дважды подрывали главный храм монастыря — Успенский собор XVI века.

Немцы вырубili до 30 тысяч кубометров вековых деревьев Михайловского леса.

Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли, и от него осталась только груда развалин.

Осенью 1943 года военный комендант Трайбохольц приказал вывезти все ценности музея.

Мраморная плита для памятника Пушкину разбита и брошена возле пепелища. Склеп поэта был полностью загажен. Все вокруг склепа было завалено мусором, отбросами, обломками икон и окладов.

Поблизости от монастыря советские минеры обезвредили около 3 тысяч мин. Была заминирована и могила Пушкина, однако взорвать ее фашисты, к счастью, не успели.

В коммюнике советской Чрезвычайной Государственной комиссии по выявлению и расследованию преступлений немецко-фашистских оккупантов приводятся данные:

Немецко-фашистские оккупанты разрушили на оккупированной территории 427 музеев из общего числа 992 музеев, имевшихся в Советском Союзе.

Общий ущерб, причиненный нашей стране немецкой оккупацией, определяется в сумме 679 миллиардов рублей в ценах 1941 года.

Через 18 дней после начала войны немцы взяли Минск, куда тотчас же прибыл д-р Поссе с целью отобрать наиболее ценное для «музея фюрера». Параллельно с Поссе трудились команды Мюльмана, фон Кюнсберга и Гимлера.

Даже гаулейтер Белоруссии (переименованной немцами в Вейсрутиниен) Вильгельм Кубе, который прославился как палач белорусского народа, был потрясен происходя-

щим и 29 сентября 1941 года жаловался Розенбергу:

В результате продолжительных поисков остатков художественных ценностей мне удалось их наконец обнаружить и взять под охрану. В Минске имелись большие и ценные коллекции картин и художественных изделий, которые почти полностью вывезены из города.

По приказу рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера большое количество картин (в частности, тогда, когда я стал гаулейтером) служба СС отправила в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, которых лишился Вейсрутеннен (Минск). Картины якобы отправлены в Линц и Кенигсберг.

Из сообщений майора 707-й дивизии, который передал мне сегодня остатки художественных ценностей, следует, что СС отдали на разграбление вермахта уцелевшие картины и другие произведения искусства, среди которых были ценнейшие полотна и мебель XVIII и XIX столетий, вазы, изделия из мрамора, часы и т. д.

Генерал Штубенраух вывез из Минска в район боевых действий большое количество ценностей. Зондерфюреры СС, фамилии которых мне не успели доложить, вывезли (не оставив расписки) три грузовых автомобиля, нагруженных мебелью, картинами и другими произведениями искусства. Представители вермахта и СС изъяли, опять-таки без моего разрешения, некоторые картины и изделия, которые, по имеющимся сведениям, находятся в Минске...

Из геологического отдела были выкрадены драгоценные камни и самоцветы. В университете бессмысленно уничтожены и расхищены инструменты, стоимость которых составляет сотни тысяч марок.

В общем, речь идет о безвозвратно утерянных ценностях на миллионы марок.

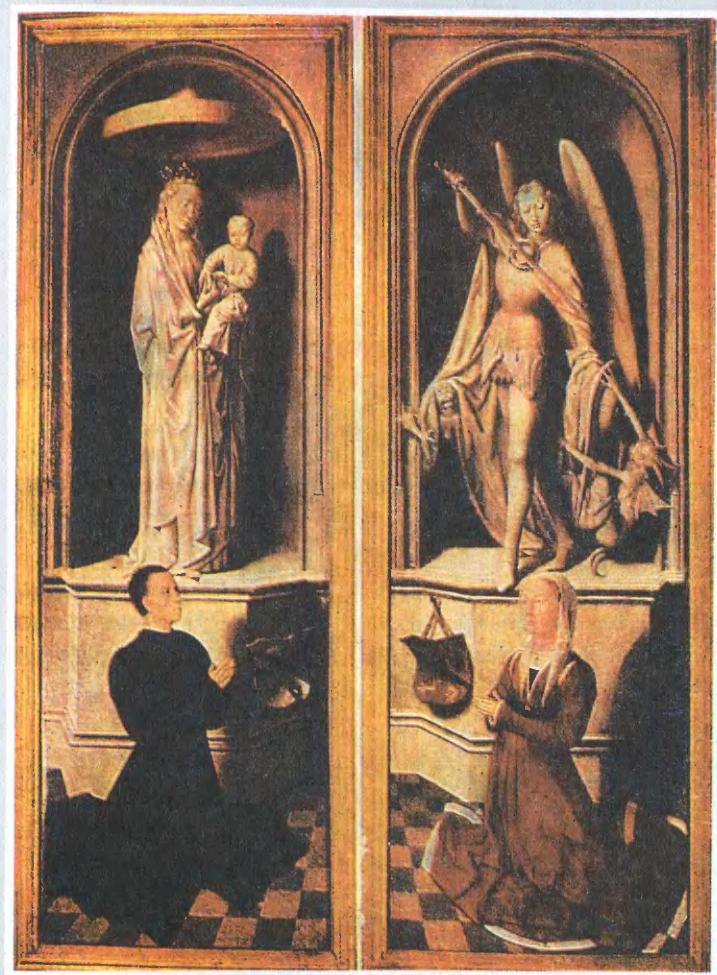
Нет оснований не верить признаниям Вильгельма Кубе.

На Нюрнбергском процессе были обнаружены чудовищные факты разграбления Украины.

Цель нашей работы заключается в том, что украинцы должны работать на Германию, — заявил Геринг на совещании в Ровно в августе 1942 года. — Украина должна дать то, чего не хватает в Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери.

Уже знакомый нам оберштурмфюрер СС Норман Фёстер, славно поработавший под Ленинградом, был переброшен в Киев и на допросе рассказал:

Богатые трофеи нам достались в библиотеке Украинской Академии наук, где хранились редчайшие рукописи персидской, абиссинской, китайской письменности, русские и украинские летописи, первые экземпляры книг, напечатанных русским первопечатником Иваном Федоровым, и редкие издания

Ганс Мемлинг.
Страшный суд.
Триптих в закрытом виде.

Франс Хальс.
Мужской портрет.

Франс Хальс.
Мужской портрет.

*Лукас Кранх Старший.
Мадонна с младенцем.*

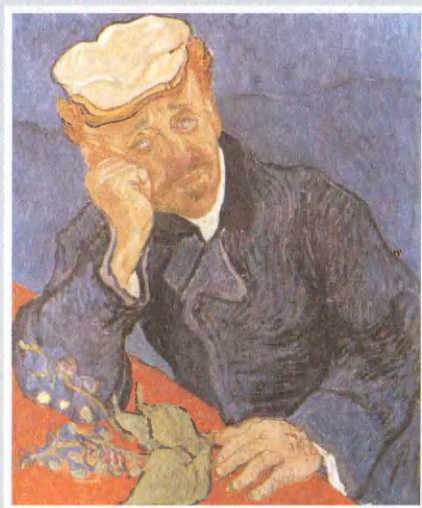
*Мастер Вышегородского алтаря.
Рождение Христа.*

Джованни Беллини.
Мадонна с младенцем.

Ван Гог.
Мост в Арле.

Ван Гог.
Портрет доктора Гоше.

*Леонардо да Винчи.
Дама с горностаем.*

*Ян Вермеер Дельфтский.
Девушка с жемчужиной.*

*Ян Вермеер Дельфтский.
Девушка, читающая письмо.*

Ян ван Эйк.
Гентский алтарь.
В закрытом виде.

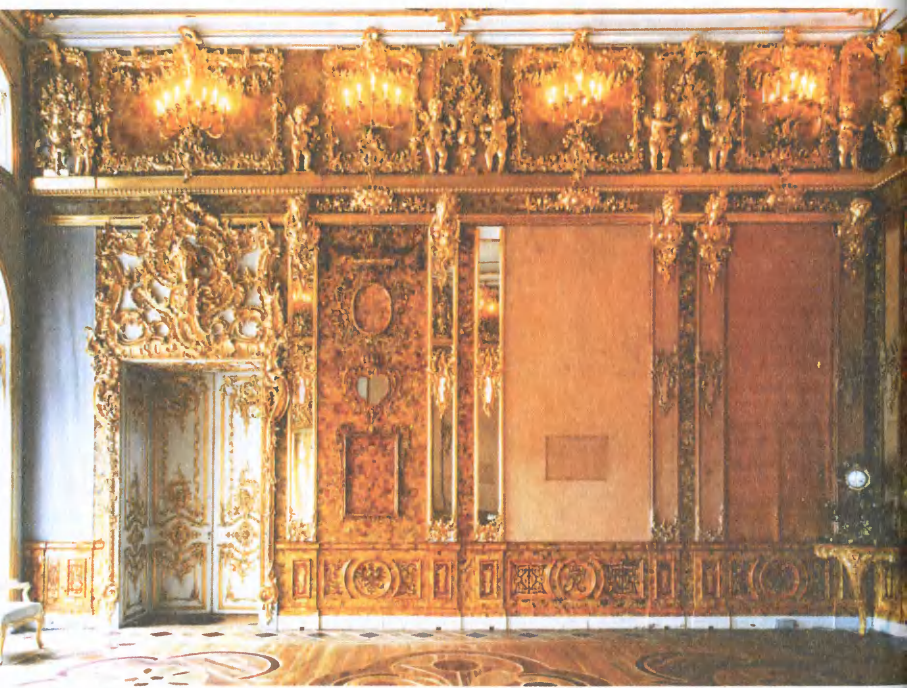
Ян ван Эйк.
Гентский алтарь.
Деталь.

Альбрехт Дюрер.
Автопортрет.

Альбрехт Дюрер.
Праздник четок.

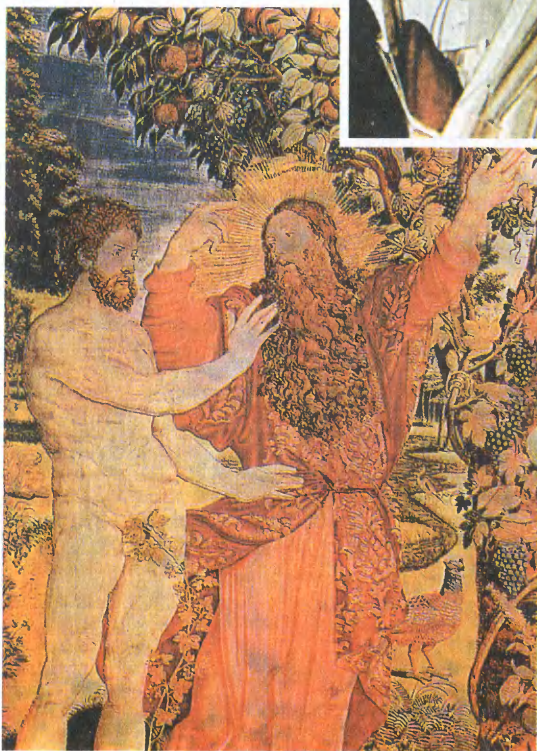
Несколько фрагментов Янтарной комнаты Генрих Мюллер привез в США и благополучно их продал.

Отсюда видна родная
Австрия.

В резиденции фюрера Бергхофф висели украденные
шпалеры.

Несгибаемый рыцарь
Великой Германии

Фламандская шпалера «Рай». Деталь.

произведений Шевченко, Мицкевича, Ивана Франко.

Из киевских музеев украинского и русского искусства, западного и восточного искусства и из Центрального музея имени Шевченко большое количество экспонатов было вывезено в Берлин, в их числе творения Репина, Верещагина, Федотова, Ге, рисунки Антокольского и др.

В Харьковской библиотеке им. Короленко было отобрано несколько тысяч прекрасно изданных книг и вывезено в Берлин. Остальные книги были уничтожены.

В Харьковской картинной галерее было конфисковано несколько сотен картин, в их числе 14 картин Айвазовского, Репина, большое количество картин Поленова, Шишкина и других. Были вывезены античные скульптуры и весь научный архив музея.

Фёстер охотно поделился методами работы своей команды:

Как мне известно, при штабе Альфреда Розенберга были созданы зондеркоманды, которые занимались конфискацией ценных античных экспонатов из музеев оккупированных районов Восточной Европы и других европейских стран.

Этими зондеркомандами руководили гражданские специалисты. После взятия крупного города шефы зондеротрядов встре-

чались с различного рода экспертами. Они осматривали музеи, картинные галереи, выставки и другие учреждения культуры и искусства (производили оценку), устанавливали их ценность и конфисковывали все сокровища.

В Киеве из Музея русского искусства была вывезена имеющая исключительную ценность коллекция древних русских икон — 7 тысяч редчайших экземпляров.

Помните, о 800 иконах сообщил нам доктор Роде.

В Музее украинского искусства из 41 тысячи экспонатов остались лишь 1900.

По приказу гаулейтера Украины Эриха Коха, 3 ноября 1941 года в Киеве был взорван уникальный Успенский собор, построенный в 1075—1089 годах великим князем Святославом и расписанный внутри в 1897 году художником В. В. Верещагиным.

В отчете эйнзацштаба Розенберга, датированном 1 октября 1943 года, говорилось:

«При вступлении советских войск... в городе уже не осталось ничего ценного».

А 17 октября 1944 года Розенберг доложил начальнику имперской канцелярии Ламмерсу, что

для вывоза изъятых его организацией художественных ценностей потребовалось 1 418 000 вагонов; кроме того, 427 тысяч тонн вывезено водным транспортом.

А всего нацисты похитили на Украине более 330 тысяч произведений искусства.

Руководитель штабной группы Р4 имперского министерства оккупированных восточных территорий сообщил 24 сентября 1944 года в Берлин:

Рейхскомиссар Украины дал указание укрыть вывезенные из Киева и Харькова художественные ценности в Восточной Пруссии (т. е. на подконтрольной Коху территории) в следующих местах:

1. В родовом имении Рихау под Велау.

2. В усадьбе Вильденхоф (владелец граф Шверин).

Речь идет о 65 ящиках, содержимое которых подробно перечислено в прилагаемой описи.

Не составлена до сих пор инвентарная опись произведений искусства, находящихся в двадцати ящиках, 57 папках и связке гравюр.

Среди картин находится большое количество старинных икон, произведения известных мастеров немецкой, нидерландской и итальянской школ XVI—XVIII столетий, а также картины лучших русских художников XVIII и XIX веков.

В общем, имущество, состоящее из ценнейших произведений искусства, принадлежавших Украине, даже по приблизительным подсчетам оценивается многими миллионами марок. Более того, эти ценности имеют огромное значение как уникальная коллекция, находящаяся в распоряжении Рейха и имеющая мировую славу.

С этими ценностями в Восточную Пруссию выехала сотрудница Киевского музея Полина Кульженко. Упоминание о ней мы уже читали в показаниях доктора Роде.

О Полине Кульженко ходит много легенд — она очень похожа на доктора Роде. Конечно, не внешне, а необыкновенной одержимостью и преданностью искусству.

Авенир Петрович Овсянов, автор очень обстоятельной документальной книги «В руинах старого замка», хорошо знал Полину Аркадьевну. Воспользуемся его рассказом.

Впервые имя Кульженко в открытой печати было названо в 1960 году в очерке В. Дмитриева (псевдоним В. Кролевского) «Дело о Янтарной комнате»:

Она происходит из купеческой семьи. В 1913 году окончила драматургический факультет Высшего театрального училища. Вышла замуж за довольно известного в свое время полиграфиста Василия Степановича Кульженко.

После революции окончила еще и искусствоведческий факультет, а с 1930 года начала работать в Киевской картинной галерее и преподавать историю искусства.

В период временной оккупации Киева согласилась работать в Германии, выехала в 1941 году в Берлин и по назначению высших властей была направлена в Кенигсберг, куда прибыла с ценностями киевских музеев...

Начала с усердного служения в музее, а пришла к написанию пасквильных статей на

советских людей, а потом и к прямому участию в грабеже достояния советского народа...

За активное сотрудничество с оккупантами, в частности, за выступление с антисоветскими статьями в газете, издававшейся буржуазными националистами на средства гитлеровцев, она была осуждена советским судом...

Да, обвинения серьезные.

Теперь послушаем другую сторону — Полина Кульженко, прочитав очерк, направила из Костромы, где она проживала в то время, письмо В. Кролевскому в Калининград (тогдашнему секретарю обкома КПСС):

В журнале «Молодая гвардия» Вы написали статью «Тайна Янтарной комнаты». В этой статье есть глава под названием «Кто она такая?». Глава эта не имеет никакого отношения к истории Янтарной комнаты. Я ничего о Янтарной комнате не знаю, кроме того, что таковая была в Екатерининском дворце города Пушкина.

Вы указываете, что в 1941 году я выезжала в Берлин и стала работать в Кенигсбергском музее, куда увезла музейные экспонаты.

Ведь это — сущий поклеп!

Все люди, с которыми я работала, могут подтвердить, что я, во имя спасения музейных экспонатов, бросила свое имущество — библиотеку 1500 томов, 2500 диапозитивов по истории изобразительного искусства, сле-

пок со статуи Венеры Милосской, отлитый в мастерской Лувра, старинную мебель из красного дерева и карельской березы — выехала из Киева 22 сентября 1943 года...

В Кенигсберге никогда не работала, а была при экспонатах...

До 22 сентября 1943 года я из Киева ни на шаг не уезжала. Все это известно из судебного следствия по моему делу.

Никогда на советских людей, как Вы заявляете, пасквилей не писала. О статье, написанной мной в газете «Новое слово», об уничтоженных памятниках церковной архитектуры, известно в моем деле...

Зачем Вы так все исказили?!

В. Кролевский на письмо не ответил, а вместе В. Ерашовым издал в Риге новую книгу «на документальной основе» «Тайна Янтарной комнаты», где Кульженко получила новую фамилию — Руденко и еще более антисоветское прошлое. Отказ героини уезжать в эвакуацию авторы объяснили «отсутствием у нее партийности в сфере искусства».

И они были правы: действительно, в ее высказываниях, почерпнутых из личных дневников, совершенно отсутствовала забота о руководящей роли партии:

Культура, наука, искусство — это солнце, которое светит для всех одинаково и не теряет при этом своего блеска, не тускнеет.

Это — как родник свежей воды, утоляющий жажду всякого, кто припадет к нему...

Это — врач, исцеляющий каждого, кто к нему обращается, друга и недруга.

Нет! — искусство может исцелить только передовых представителей рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Все остальные, по мнению авторов повести, рассчитывать на исцеление не могут. Но сколь бы страшно ни звучали тогда слова обвинения в беспартийности, конечно, не это явилось причиной того, что Полина Кульженко была осуждена советским судом на 10 лет лагерей.

Действительно, Полина Кульженко не уехала перед приходом немцев, а осталась вместе с экспонатами своего музея. Поступок, конечно, не типичный.

Рассказывает директор Русского музея в Киеве — тот самый, который спешно эвакуировался, бросив на произвол судьбы ценности музея:

По указанию партийных органов г. Киева, сотрудники музея приступили к срочной подготовке к эвакуации наиболее ценных наших экспонатов. Кульженко было поручено спрятать в подвалах произведения древнерусской живописи.

Все сотрудники во главе с директором, кроме Кульженко, выехали из осажденного города. С приходом немцев Кульженко добровольно явилась в комендатуру, предложив свои услуги как сотрудника музея и эксперта награбленных памятников культуры.

Проявляя усердие перед представителями «нового порядка», она открывает экспозицию музея, предоставив в распоряжение оккупантов все укрытые экспонаты, особенно тайники с древнерусскими иконами.

По ее указанию изымаются ценнейшие картины западного и русского искусства, вывозятся иконы и другие ценные экспонаты из церквей, книги и рукописи из научных учреждений и библиотек.

Ее преступная деятельность заходит все дальше. Она дает гестапо списки представителей творческой интеллигенции...

За «заслуги» перед фюрером немецкое командование (возможно, сам Кох) наградило ее медалью «За усердие перед великой Германией».

Украинская земля не может терпеть эту немецкую овчарку!

**НИ ОДНО ИЗ ПРЕДЪЯВЛЕННЫХ
КУЛЬЖЕНКО ОБВИНЕНИЙ НЕ ПОД-
ТВЕРЖДЕНО МАТЕРИАЛАМИ СЛЕДСТ-
ВИЯ!**

Но никаких подтверждений и не требовалось — Кульженко уже была обречена тем, что работала у немцев. Подробности никого не интересовали.

А ведь все дело было в подробностях.

19 сентября 1941 года Киев был оккупирован фашистами. Огромное количество экспонатов музеев осталось в городе — на станции, под временными навесами и особенно в самих музеях.

И Кульженко принимает смелое решение — остаться в городе, чтобы помочь сохранить ценнейшие экспонаты.

Да, она сотрудничала с немцами, но лишь для того, чтобы держать в поле зрения музей и следить за его сохранностью. Она многое сделала, чтобы воспрепятствовать вывозу культурных ценностей в Германию. А когда этот вывоз предотвратить было нельзя, Кульженко принимает мужественное решение: ехать вместе с ценнейшими экспонатами.

25 сентября 1943 года первая партия ценностей была доставлена в Каменец-Подольск. Затем сюда привезли еще 46 ящиков киевских экспонатов.

Дальнейший путь Кульженко лежал в Восточную Пруссию.

Читаем документ из архива Георга Штайна, который высоко ценил Кульженко:

Господину рейхсминистру.

Копия:

Начальнику политического управления штаба оперативного руководства.

БЕЗ ПРАВА НА ВЫНОС!

Относительно сохранности вывезенных из оккупированных восточных земель произведений искусства.

Рейхскомиссар по делам Украины (речь идет о Кохе) разместил вывезенные из Киева

и Харькова картины и произведения искусства в следующих местах хранения в Восточной Пруссии:

1. Имение Рихау близ Велау (Тельмановол, близ Знаменска).

2. Поместье Вильденгоф (Дзиково, Польша).

Речь идет о 65 ящиках, на содержание которых прилагается подробная опись... Наряду с картинами, имеется большое количество ценнейших икон, произведения знаменитых мастеров немецкой, голландской и итальянской школ XVI, XVII и XVIII веков, а также работы русских художников XVIII и XIX веков...

Являясь собранием единственным в своем роде на немецкой земле, оно имеет огромное этико-культурное значение...

За музейными ценностями присматривает бывшая сотрудница киевского музея...

Речь идет о 1500 экспонатах, среди которых было свыше 200 икон, 300 рисунков В. В. Верещагина, картины Н. Н. Ге, Ф. А. Васильева, И. И. Шишкина, И. К. Айвазовского, И. Н. Крамского, В. М. Максимова, А. М. Васнецова, М. А. Врубеля.

С января 1944 года Кульженко находится в имении Рихау, где следит за сохранностью экспонатов, составляет научный каталог на иконы и пишет историю русской иконы (Андрей Рублев, Феофан Грек, Дионисий и Симон Ушаков).

И здесь наступает момент знакомства Полины Кульженко с доктором Роде. Приближение Красной Армии к Кенигсбергу заставило, как мы помним, доктора Роде предпринять экстренные меры по сохранению художественных ценностей.

В письме к обер-бургомистру 27 октября 1944 года Роде советует из-за приближения фронта перевезти 78 ящиков с киевскими ценностями из Рихау в Вильденгоф, что и было сделано 13—14 ноября 1944 года. А накануне в письме Роде дает предписание о порядке перевозки вещей и предупреждает, что в Рихау машины встретит госпожа П. А. Кульженко. Вместе с нею груз сопровождал лично Роде, а уезжая, получил от Кульженко расписку в получении груза — еще 80-ти ящиков.

Имение Вильденгоф со времен Великого курфюрста Фридриха Вильгельма (XVI век) считалось родовым графов Шверин. Достопримечательностями дворца были старинная библиотека и архив. Два роскошных одноэтажных павильона, оранжерея, старый парк и озеро дополняли живописный ландшафт.

13 января 1945 года, с началом Восточно-Прусской операции, фронт приблизился к Вильденгофу. Графиня Шверин предложила Кульженко вместе с нею уехать на Запад, но Кульженко категорически отказалась и организовала переноску ящиков с ценностями в подвал дворца.

Сама Полина Аркадьевна вспоминает:

В ночь с 17 на 18 января ко мне в комнату неожиданно вошли два или три немца и по-

требовали открыть ящики, которые мы не успели вынести в подвал.

Один из вошедших, увидев сокровища, сказал: «И все это достанется Ивану?» Другой ответил: «Ну, русским достанется немного». Вскоре после их ухода я услышала снаружи крики рабочих: «Пожар! Горим!»

Выбежав во двор, я увидела немецких солдат, бросавших огненные факелы в разбитые окна первого этажа.

Замок выгорел полностью, а пришедшие русские разведчики отправили всех на сборно-фильтрационный пункт, где Кульженко проходила проверку в течение месяца.

На ее призывы к командованию съездить в имение и спасти оставшиеся ценности долго никто не реагировал, а когда наконец Кульженко была доставлена в имение, там уже ничего не было.

Поездка состоялась 15 марта.

Кульженко и несколько рабочих спустились в подвал. Здесь выгорело все, что могло гореть. Груды теплого угля и пепла лежали во всех закоулках, покрывали пол.

Раскопали толстый слой пепла и обнаружили обуглившиеся части ящиков и икон. Коллекции сгорели. Сгорели картины и иконы киевских музеев, сгорели ящики с экспонатами «художественных собраний Кенигсберга», ящики, содержание которых было известно только доктору Роде.

Позже в имение вместе с профессором Брюсовым приезжал и доктор Роде, который

проявил полное равнодушие к поискам в Вильденгофе, объяснив это тем, что «всеми вещами в имении графов Шверинов распоряжалась госпожа Кульженко, которая не ставила его в известность о своих действиях».

Но, заглянув в дневник поисков профессора Брюсова, обнаруживаем другую информацию:

Замок кн. Шверинских совершенно разрушен. Следов вывезенных оттуда коллекций не найдено, но в трех комнатах подвала разбросан архив Шверинских — рукописи, переписка, деловые и судебные бумаги с XVI века.

То есть НЕ ВСЕ сгорело, а кое-что, по всей вероятности, было в свое время перепрятано Роде и Кульженко, а может, просто похищено после прихода нашей армии.

Есть этому и подтверждения — Пермский музей приобрел у одного гражданина картину итальянской школы. А эта картина числится в реестре Кульженко среди вывезенных из Киева в Кенигсберг ценностей.

Пройдя все «фильтры» и «сита», Полина Аркадьевна в июне 1945 года вернулась в Киевскую область, село Синявино, где работала на сахарном заводе, а затем за сотрудничество с немцами была осуждена.

Спустя 10 лет из Ярославской ИТК, где она получила вполне положительную характеристику, Кульженко приехала в Кострому.

Здесь ее, искусствоведа с мировым именем, взяли на работу в местный музей только убор-

щицей. А научные сотрудники постоянно консультировались с нею по истории искусства.

Спустя время, Кульженко все же приняли научным сотрудником, она преподавала в художественном училище, писала статьи в костромскую газету, выступала с публичными лекциями — ее энциклопедические знания искусствоведа с мировым именем нельзя было заменить никакой анкетой.

Все свои сбережения и гонорары Кульженко перечисляла на счета киевских музеев.

Однако до самой смерти — в возрасте 93 лет — ее постоянно сопровождала «слава» предателя, что заставляло часто менять жилье (своего у нее не было) и, в конце концов, переехать в дом для престарелых, где ее преследовали ветераны партии и труда.

Составленные Кульженко во время пребывания в Восточной Пруссии каталоги, реестры, описи, научные карточки были найдены в Потсдаме и послужили основой для составления реституционных списков русских культурных ценностей.

Полину Аркадьевну посещали в Костроме многие, пытаясь получить от нее конкретные адреса захоронений русских ценностей.

Приехал и Авенир Петрович Овсянов. Для того, чтобы поговорить с Кульженко — ей тогда было 88 лет, надо было получить разрешение КГБ — она по-прежнему числилась среди особо опасных преступников,

угрожающих безопасности нашего государства.

Встреча состоялась в доме подруги юности Кульженко — Полины Ефимовны Ильиной. Вид Кульженко поразил Авенира Петровича — не старуха из провинциального интерната, а модная дама из Европы.

— Я поняла, зачем вы приехали. Меня раз обманули. Дважды я свою душу не открываю.

А потом Кульженко обращается к своей подруге:

— Поленька, пускай все останется там, где есть.

— А твои архивы, документы? — спрашивает Полина Ефимовна.

— Все уже передано куда надо и кому надо.

А потом Полина Ефимовна выяснила, что примерно за год до этой встречи многие документы Кульженко отправила в Киев некоему Белоконю, следы которого отыскать не удалось.

Еще одной своей визитерше Инне Мирончук Кульженко сказала:

— Копайте глубже... Почувствую, что смерть на пороге, сообщу тебе ГДЕ..

Но не сообщила и унесла с собой в могилу и эту тайну.

— Да, многое знала Кульженко! — пишет Юрий Иванов. — Знала и молчала.

Чем-то они были схожи, Кульженко и ее начальник, доктор Роде. Оба влюбленные до

безрассудства в свои картины, иконы, янтарь...

Фанатики!

И оба остались возле своих упрятанных в каких-то секретных бункерах сокровищ.

К предсмертным запискам Полины Аркадьевны Кульженко есть эпитафия:

| *ВСЕМ ТЕРПЯЩИМ КРУШЕНИЕ В
МОРЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ — СНИСХОЖ-
ДЕНИЕ. (РЕНАН)*

УВЫ! — ОТ СВОЕЙ РОДИНЫ СНИСХОЖДЕНИЯ ОНА ТАК И НЕ ДОЖДАЛАСЬ.

Глава двенадцатая, В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ С ДОН КИХОТОМ НАШИХ ДНЕЙ

Всегда находятся люди, которые действуют вопреки логике массового сознания. И мы, привыкшие к жизни по расчету, поражаемся их удивительному бескорыстию.

Пожалуй, самой яркой и даже трагической фигурой в нашей истории был немецкий фермер Георг Штайн.

Впрочем, фермером он скорее был по совместительству, потому что большую часть своей жизни потратил на поиски похищенных гитлеровцами с территории СССР художественных ценностей.

О Георге Штайне мы подробно рассказали в книге «Дело о Янтарной комнате». Этот уникальный человек потратил гигантские суммы и многие годы жизни, чтобы отыскать и вернуть Советскому Союзу огромные ценности, награбленные фашистами.

Расскажем лишь о той части его поисков, которая не касалась знаменитой Янтарной комнаты.

Конечно, в наши очень меркантильные времена такие личности, как Георг Штайн, крайне редки. Им двигало чувство вины немецкого

народа за те злодеяния, которые совершила Германия во время войны.

О том, что его побуждения разделяли далеко не все, свидетельствует одно из многочисленных писем, полученных Штайном:

Весьма почтенная свинья Георг Штайн!

Ваша бурная деятельность, направленная на поиски так называемых «русских исторических ценностей», вызывает все большее чувство возмущения и отвращения.

Вы пруссак, чей дом разрушен большевиками, вы из кожи вон лезете, чтобы «отыскать» все то, что оказалось якобы «похищено» нами, немцами, в России.

Вы забыли о сотнях немецких городов, разрушенных советской авиацией и артиллерией, о своем родном Кенигсберге, который превращен ими в бетонную казарму.

И вы решаетесь им помочь?!

Мы презираем вас, Штайн.

Вернитесь в свой сад. Выращивайте свои вкусные яблоки, не лезьте не в свои дела!

Мы вас предупреждаем, Штайн!

Друзья старого Кенигсберга.

Дортмунд, 20 июля 1978 года.

Таких писем Штайн получал много, но они не остановили его. Трудно было, конечно, рассчитывать на одобрение тех, кто еще недавно грабил нашу страну.

А началось все с того, что Штайн прочитал в газете сообщение о поисках Янтарной комнаты. Штайн — сын крупного ученого,

который был научным сотрудником в Управлении музеев Восточной Пруссии — т. е. там, где жил и трудился уже знакомый нам доктор Роде.

От отца Георг слышал о легендарной Янтарной комнате, но после войны — он воевал на Восточном фронте, попал в плен, а затем был отпущен на родину — занялся садоводством и был далек от происходящих в мире политических событий.

Сообщение о продолжающихся безрезультатных поисках янтарного сокровища буквально потрясло Георга, и он решил посвятить свою жизнь благородному делу поиска и возврата украденных из России ценностей: надо хоть как-то искупить вину немецкого народа, — считал современный Дон Кихот.

В течение двадцати с лишним лет Штайн изучал многочисленные документы и версии, выдвинутые многими свидетелями и участниками событий последних месяцев войны. На это, конечно, потребовались значительные усилия и средства, настойчивость и недюжинное терпение.

Самым беспристрастным наблюдателем хода событий было Налоговое управление города:

Финансовое управление г. Винзен настоятельно напоминает, что сумма Вашей задолженности по подоходному налогу с Вашей собственности в Штелле достигла:

278 тысяч 490 марок и церковного налога — 24 тысячи 760 марок.

Просим незамедлительно погасить указанные суммы, в противном случае будут применены самые жесткие, обусловленные законом меры.

Однако Штайн старался не замечать неприятностей и верил, что рано или поздно ему повезет, и он сможет не только найти украденные ценности, но и, получив соответствующее и вполне естественное за это вознаграждение, сможет решить и свои финансовые проблемы.

Но поиск не был, конечно, увлекательной романтической прогулкой — это был изнуряющий труд, когда приходилось писать тысячи писем, звонить по многочисленным адресам, встречаться с сотнями очевидцев.

При этом мало кто хотел связываться с возможными неприятностями — живы были многие «хозяева» похищенных ценностей и те, кто не хотел, чтобы России что-либо возвращали.

Однажды он неожиданно наткнулся на интригующий документ:

Гебитскомиссариат г. ПЛЕСКОВ,
10.11.42 г.
Заведующему экзархата В. РОДЗВИЛЛУ.

Прошу выдать господину доктору Фольбергу ключи к СТЕКЛЯННЫМ ЯЩИКАМ КОМНАТЫ СОКРОВИЩ с целью тщательного ознакомления и фотографирования. Заверяю вас, что все эти предметы

останутся принадлежностью Печорского монастыря, проводящаяся работа имеет отношение лишь к историко-художественной деятельности и ни в коей мере не угрожает сохранности предметов КОМНАТЫ СОКРОВИЩ монастыря.

Гебитскомиссар ВОЕХИНГ.

Ключи были получены, осмотр состоялся, и вот документы:

Х. А. Г. Рига, 14.4.44 г.
Вильгельмштрассе, 6.
Тел. 29976 + 31607.

Настоящим высылаю Вам протокол передачи и перечень сокровищ православного греческого монастыря ПЕЧОРЫ, взятых во временное пользование штабом Розенберга, вывезенных в Ригу... с целью их реквизиции и отправки в другое место или ИМПЕРИЮ.

Зав. отделом «Восток»,
начальник штаба НЕРЛИНГ.

ХАУПТАРБАЙТГРУППЕ ОСТЛАНД.

Ризница остается собственностью монастыря. При благоприятных условиях она будет возвращена.

При опасности — отправлена значительно дальше от фронта.

Х. А. Г. ОСТЛАНД.

Д-р НЕРЛИНГ.

Конечно, ризницу никто не собирался возвращать, и ее отправили ПОДАЛЬШЕ — спрятали в одном из тайных хранилищ.

Деятельность Георга Штайна по розыску церковных ценностей стала известна в Московской патриархии:

Глубокоуважаемый господин Штейн,
воистину дорогой во Христе брат!

В эти радостные дни, когда мы вспоминаем явление БОГА во плоти, прошу принять мое сердечное приветствие с благословенным праздником Рождества Христова...

Христос Бог наш да сохранит и умножит СИЛЫ ВАШИ.

Да дарует нам мир Свой, «который превыше всякого ума»...

Немедленно пришло и

ПОЛНОМОЧИЕ.

**МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ.
СВЯЩЕННЫЙ СИНОД РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.**

**ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ
СНОШЕНИЙ**

Москва.

Настоящее полномочие выдано гражданину Федеративной Республики Германии г-ну ГЕОРГУ ШТАЙНУ в том, что

Отдел внешних церковных сношений Московской Патриархии поручает ему

предпринимать от имени Русской Православной Церкви все необходимые действия перед должностными государственными инстанциями ФРГ для возвращения законному владельцу — ПСКОВО-ПЕЧОРСКОМУ МОНАСТЫРЮ, расположенному на территории Союза ССР, принадлежащих ему священных реликвий: крестов, икон, окладов с икон, сосудов, панагий и других предметов, а также... священных одеяний, которые в марте 1944 года были вывезены из ризницы Псково-Печорского монастыря немецкими оккупационными властями и в настоящее время удерживаются на территории ФРГ ее соответствующими официальными учреждениями.

Одновременно пришла и очередная «весточка» от налоговиков:

Финансовое управление г. Винзен-Луэ,
налоговая карточка № 50/343/0592П
При запросе ссылайтесь на этот номер.

Господину Георгу Штайну.

Установлено:

непогашенные суммы,
подходный налог: 129 246,00 марок,
церковный налог: 8624,60 марок.

Обращаем Ваше внимание...

По приглашению Московской Патриархии Штайн едет в Москву, где пообещали, что он получит *«княжеское вознаграждение, соответствующее стоимости сокровищ монастыря»*.

Значит, удастся расплатиться с долгами — налоговое управление уже пригрозило описать все имущество Штайна.

Для переговоров Штайн едет в Грецию, на святую гору Афон в русский монастырь.

В книге Юрия Иванова «ПЯТАЯ ВЕРСИЯ», где содержатся многие документы из «АРХИВА ШТАЙНА», читаем признание доведенного до отчаяния человека:

В Афоне я встал на колени. Я молился.

Я сказал:

«БОГ МОЙ! Я загнан. Я затравлен.

БОГ МОЙ, ты всевидящий, всезнающий,

Ты видишь, что я никого не обманываю, я ишу эти сокровища, янтарь, картины, эти святые тарелки и прочие твои святые вещи не для личного обогащения, а ради спокойствия душевного, человечности, ради, БОГ МОЙ, справедливости —

ОТНЯТОЕ СИЛОЙ ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО ОГРАБЛЕННЫМ, ведь так, БОГ МОЙ?!

Я разорен.

Хозяйство пущено на ветер.

Жена тяжело душевно больна.

Боюсь, она может лишиться рассудка.

БОГ МОЙ! Помоги!

Я найду твои сокровища, я даже готов за них отдать свою жизнь, но помоги, не дай умереть мне в долговых преследованиях, не позволь семью мою обратить в нищенство».

Но что же это за сокровища?

Речь идет о громадном скоплении старорусских церковных предметов, имеющих огромную историческую и материальную ценность: иконы с окладами из золота, украшенные драгоценными камнями, церковные головные уборы и шитые золотом торжественные наряды священников, чаши и прочее, и прочее.

Все это хранилось в одном из российских соборов и было обнаружено «знатоками искусства» из 1-й роты батальона специального назначения барона Кюнсберга, но попало не в ведомство Риббентропа, а в айнзацштаб рейхслейтера Альфреда Розенберга, в Ригу, оттуда перекочевало то ли в Саксонию и было упрятано в шахты, то ли в какой-то небольшой замок на юго-западе Германии.

Сам Штайн штурмовал эту бесконечную изнуряющую бюрократическую машину более пяти месяцев.

И вот наконец назван адрес **НАХОЖДЕНИЯ БАЛТИЙСКИХ ЦЕРКОВНЫХ СОКРОВИЩ!**

Это **МУЗЕЙ ИКОН** в городе **РЕКЛИНГХАУЗЕН** (Вестфалия).

Срочные послания из Московской Патриархии следовали одно за другим.

*Почта ФРГ, срочная телеграмма.
Господину Георгу Штайну.*

Брат во Христе, приношу Вам огромную благодарность за все сделанное Вами для возврата Русской Православной Церкви ее сокровищ.

О наших дальнейших действиях мы написали в нашем письме Вам.

ДА ПОМОЖЕТ ВАМ БОГ!

Воодушевленный скорым разрешением всех непомерных проблем, Штайн пишет Патриарху:

...Благодарю Вас, Ваше Высокопреосвященство, за все.

При этом примите мои документы по РАСЧЕТУ со мной вашего Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии.

Общие расходы за период моей деятельности в качестве Уполномоченного Русской Православной Церкви (31 месяц) составили

113 тысяч 219 марок 20 пфенингов.

Состав моих требований:

1. Выдать обещанную мне часть сокровищ или равноценно выплатить — валютой или другими ценностями.

2. Возместить понесенные мною расходы в указанной выше сумме с начислением процентов...

ПОЛУЧИВ ВОЗВРАЩЕННЫЕ СОКРОВИЩА, Русская Православная Церковь, вместе с тем и возвратила капитал в сумме около 25 миллионов рублей.

Наряду с этим, Русской Православной церкви принадлежат церковные ценности на территории ФРГ, стоимость которых намного превышает стоимость сокровищ Печорского монастыря.

Получив возмещение своих усилий, я разыщу и другие (имею адреса, места хранения)

сокровища, кроме меня, этого не сделает никто.

Ваш Георг ШТАЙН.

Сокровища были доставлены в СССР.

Сам Штайн сопровождал легендарные **СТЕКЛЯННЫЕ ЯЩИКИ** в Москву.

Были торжественные речи, братские объятия, орден и Грамота Патриарха Московского и Всея Руси:

Во внимание к церковным заслугам Гражданину ФРГ Георгу Штайну вручается орден Русской Православной Церкви во имя Святого равноапостольного Великого Князя Владимира II степени.

Была и поездка по «Золотому кольцу» России.

Но денег не дали ни копейки!

Это была катастрофа: на письма и запросы Штайна Патриархия не отвечала!

А теперь свидетельство сына Штайна — Гебхардта:

Неудача с церковными сокровищами потрясла отца, нет, он не хотел никакой сверхприбыли, а лишь компенсации своих усилий.

Только лишь...

Он замкнулся, стал пить, увлекся изучением ритуальных самоубийств, которые были у пруссов...

Потом, как бы востепенувшись, брал себя в руки, пытался что-то поправить в хозяйстве, вновь возвращался к поискам янтарных

сокровищ, ездил, звонил, ночами писал, отправлял запросы, говорил о каком-то своем ЗАВЕЩАНИИ, которое, если он сам не найдет янтарь, поможет другим людям в поиске сокровищ...

А дела шли все хуже.

Отец вдобавок что-то не так подписал.

Наша мать болела уже многие годы, все больше теряла надежду, что мы выпутаемся из сложившейся ситуации...

Проведение новых ревизий порождало все больший страх, отец все больше отдалялся от семьи, ушел в свои исследования.

Ухудшились семейные дела, дня не проходило без ссор, скандалов и налоговых предписаний.

3 августа 1983 года наша мама покончила с собой.

Весной этого года возникло налоговое требование в сумме около 200 тысяч марок...

В связи с тем, что в ближайшее время предстояла продажа с молотка дома, отец выехал к своим друзьям в Швейцарию и Баварию...

Георг Штайн выехал в Лихтенштейн — к одному из своих друзей и соратников, к барону Эдуарду Александровичу Фальц-Фейну, который неоднократно оказывал Штайну не только моральную, но и существенную финансовую поддержку.

Через неделю он вернулся в Германию и был найден мертвым в лесу. До сих пор не ясно, что это было: убийство или же Георг, доведенный до отчаяния, покончил с собой.

Все мы знаем Юлиана Семенова, к сожалению, рано ушедшего из жизни, но успевшего поразительно много сделать.

Кто же не видел его легендарные «Семнадцать мгновений весны» (режиссер Татьяна Лиознова) или прекрасный многосерийный фильм «Противостояние», поставленный Семеновым Арановичем по сценарию Юлиана?!

Но много сил и энергии уделял Юлиан и публицистике, мгновенно откликаясь на события, которые интересовали читателей. Это были не просто дежурные «тассовки», а живые эмоциональные зарисовки подлинной жизни.

Ничего удивительного, что, случайно столкнувшись с маленькой заметкой о некоем чудеке Георге Штайне, который ищет за свой счет русские ценности, Юлиан Семенов, только что приехавший в ФРГ спецкором «Литературной газеты», помчался на встречу со странным немцем в маленький городок Штелле.

Представляясь русскому гостю, Георг не мог скрыть гордости, что он уже многое успел сделать:

— Вот, — говорит он, обводя руками стенные шкафы, — здесь собрано более пятидесяти тысяч микрофильмированных документов о гитлеровцах и о русских сокровищах, вывезенных ими в рейх.

У меня нет автомобиля, но у меня есть уникальный аппарат, который дает мне возможность читать самые испорченные документы, а ведь опыт работы с архивами при-

вил мне мой покойный отец, поскольку он был одним из руководителей торгово-промышленной палаты Кенигсберга, а моя сестра работала с Янтарной комнатой, когда та была доставлена в Кенигсберг...

Двенадцать лет работы в архивах увенчались удачей: нам с Элизабет (его жена) удалось установить место хранения ценностей, принадлежавших Псково-Печорскому монастырю.

При поддержке графини Дёнхофф, владелицы еженедельника «Цайт», и ряда членов бундестага эти ценности были возвращены законному владельцу, сумма достаточно велика — сотни тысяч марок, если не больше.

Я был удостоен ордена русской православной церкви, чем весьма — как человек верующий — горжусь. Затем мне удалось установить местонахождение похищенных нацистами материалов из Смоленского областного архива, за что мне были вручены золотые часы от Института марксизма-ленинизма, чем я также высоко горд...

Отметим, что разговор происходил после того, как Штайн понял, что никакой компенсации от церкви не получит, и, заметьте, — ни одной жалобы.

Когда мы начинали поиск, в этой стране почти все были однозначными сторонниками «холодной войны». Без поддержки директора газеты «Цайт» Дёнхофф мы бы просто-напросто не смогли бы начать работу.

Она не только дала нам рекомендательные письма, не только помогла с микрофильмированием архивных документов, но несколько раз просто-напросто заступалась за меня перед далеко не безобидными правительственными учреждениями: отнюдь не все поддерживают идею нашей работы...

«Красная графиня» Марион Дёнхофф — известная путешественница, общественный деятель и, что немаловажно, — редактор газеты «Цайт», с помощью которой графиня и проводила в мир свои политические взгляды и информировала читателей о поиске украденных в России ценностей. И это несмотря на то, что под Кенигсбергом графиня навсегда потеряла свое родовое имение Фридрихштайн.

Но вернемся к Георгу Штайну, который воодушевленно рассказывал своему гостю Юлиану Семенову о деле своей жизни.

И снова, читая подшивку «Цайта», я нашел заметку, что в библиотеке университета в Геттингене обнаружены некие «балтийско-ганзейские» архивы — там хранились какие-то документы из советских городов — Тарту, Таллина, Новгорода и Смоленска — всего 18 000 дел.

На мой запрос власти ответили, что русские архивы в описях не значатся.

Тогда я купил в архиве США 30 000 копий документов о рейхсминистре Розенберге. Исследование этих документов доказало: архив из Смоленска, представляющий огромную ис-

торическую ценность, был вывезен Розенбергом.

Работая в Геттингене, я встретил друга моего отца, кенигсбергского архивариуса Формстройтера. Он помог отснять 4000 дел из другого русского архива. Это уже доказательство.

В моей работе важно уметь ждать. Не все уголовники еще исчезли... Я не сразу сообщил о своей находке ценностей Псково-Печорского монастыря. Зафиксировав найденные документы, я написал федеральному министру, попросив дать информацию.

Мне ответили, что такого рода документами министр не располагает и никаких архивных дел ни из Кенигсберга, ни из других русских городов в архивах ФРГ не значится.

Лишь после этого я организовал передачу церковных ценностей.

Ряд наших журналов дали материалы:

ШТАЙН ДЕЛАЕТ БЛАГОРОДНОЕ
ДЕЛО,
ОН СМЫВАЕТ С НЕМЦЕВ ГРЯЗЬ РО-
ЗЕНБЕРГА.

Многие документы, подтверждающие очередной эпизод, он нашел сам, другие — с помощью своих многочисленных друзей и бескорыстных помощников.

Уже потом эти документы перекочевали в многочисленные статьи и даже книги о Янтарной комнате — после того, как «Архив Штайна» попал в Советский Союз.

Многие ценности были свезены в шахту Виттекинд, которая стала своеобразным хранилищем.

Пауль Эмке, полковник и историк из ГДР, суммировал все версии с этой шахтой.

В марте 1944 года Геттингенский университет разместил в этой шахте — в пещере на глубине 660 метров — свою библиотеку.

А на оставшейся площади в той же пещере спрятали оборудование из Кенигсбергского университета, «включая особо ценную коллекцию из янтаря, стоимость которой неисчислима, поскольку ее невозможно воссоздать».

Шахта Виттекинд с 1938 года использовалась... как военный склад! В ней — в пещере на глубине 540 метров — хранились боеприпасы и взрывчатка.

Кроме больших пещер на глубинах 540 и 660 метров, в шахте были еще две: на глубине 595 и 720 метров.

Их суммарная площадь составляла около полутора тысяч квадратных метров. А все университетское оборудование заняло около... 600!

К тому же рядом, в трех километрах, располагалась другая шахта — по добыче каменной соли. Здесь была еще более глубокая пещера — на глубине 917 метров. В бумагах с грифом «секретно» мы нашли планировку обеих шахт — они были связаны подземными ходами!

Итак, осенью 1945 года шахту Виттекинд разрушил загадочный взрыв. В 1955 году в нее

закачали 1000 кубометров бурильного шлама, забетонировав таким образом вход до глубины 400 метров. Нижние помещения оказались под крепкой «пробкой».

Когда владельцы старой соляной шахты по соседству (в 1978 и 1984 годах) предлагали свою помощь, чтобы расчистить взорванную шахту Виттекинд, правительство отнеслось к этому плану более чем прохладно — а ведь там должны находиться ценности стоимостью от 10 до 20 миллионов западногерманских марок!..

Мы со своей стороны тоже обращались с запросами в бундестаг. Госсекретари федерального ведомства внутренних дел вежливо отвечали нам, что правительство ФРГ уже давно прилагает усилия...

Георг Штайн был лишь простым смертным, но сделал он бесконечно много.

Вот что пишет по этому поводу доктор истории из ФРГ Клаус Кольдман — один из друзей Штайна, продолживший его дело и передавший свои материалы Юлиану Семенову:

За неделю до смерти Штайн писал одному священнику из Нижней Баварии:

«В Европе больше искать не имеет смысла, все это давно в Америке».

Он обнаружил документы, из которых следовало, что 20 ящиков были отправлены из Кенигсберга в Среднюю Германию. Их увезили на армейских грузовиках Международного

Красного Креста со швейцарскими опознавательными знаками.

После чего они и были спрятаны в солеварне — руководил операцией обергруппенфюрер СС Каммлер.

Позже американские войска обнаружили ящики. Штайн предполагал, что речь идет о соляном руднике Граслебен под Хельмштедтом, где к тому времени накопилось немало культурных ценностей из берлинских музеев.

Вышеупомянутые документы, как и весь архив Штайна, был выкуплен бароном Фальц-Фейном.

Когда 1 июня 1945 года английские офицеры приняли рудник у американцев, они увидели, что там проделана основательная работа. В заявлении офицеров Британской службы по охране памятников и произведений искусства Никколса и Норриса говорится:

Позднее, когда ящики были доставлены из Граслебена, оказалось, что из 6800 ящиков более половины были вскрыты.

Директор рудника Граслебен Кисслер сообщил Норрису, что американцы вывезли 10% всех спрятанных предметов.

Когда в британском хранилище художественных ценностей в замке Целле произвели проверку и инвентаризацию вещей, извлеченных из тайников, руководитель этого хранилища Лотар Претцель констатировал, что на множестве ящиков были обнаружены следы «серьезного ограбления»...

Клаус Кольдман продолжает:

Складские описи соляного рудника Граслебен, которые могли бы пролить на это свет, тотчас были конфискованы американской Секретной службой и до сих пор числятся пропавшими. ...В тюрингской шахте Меркерс, втором важном тайнике берлинских музеев, события разворачивались так же, как в Граслебене.

12 апреля 1945 года главнокомандующий американскими вооруженными силами генерал Эйзенхауэр при слабом свете шахтерских ламп осматривал тайник Меркерса.

— БОЖЕ! — воскликнул он при этом.

Перед ним на глубине 450 метров под землей было аккуратно сложено почти все достояние рейха. По позднейшим американским подсчетам, там было:

- 238 миллионов долларов золотом,*
- немецкие бумажные деньги стоимостью в 187 миллионов долларов,*
- 110 000 британских фунтов,*
- 89 000 франков,*
- 4 миллиона норвежских крон*
- 400 тонн произведений искусства из берлинских музеев в 3000 ящиках.*

14 и 15 апреля 1945 года американцы оперативно отправили все найденные ценности с конвоем на грузовиках во Франкфурт-на-Майне в здание рейхсбанка, чьи сейфы относительно спокойно пережили войну.

Хотя 29 грузовиков с грузом эскортировали 5 пехотных взводов, две пулеметные части, десять зенитных орудий, самолеты наблюде-

ния и бомбардировщики «мустанг», тем не менее три грузовика исчезли бесследно.

На одном из исчезнувших грузовиков, вероятно, находились 20 довольно ветхих деревянных ящиков, которые с тех пор не смогли обнаружить.

На каждом ящике была надпись: **УПРАВЛЕНИЕ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ КЕНИГСБЕРГА**, обозначенная красной точкой.

Профессор Пауль Ортвин Рабе, ответственный представитель берлинских музеев в шахте Меркерс, с удивлением записал в своем дневнике, что «ящики... отправляют раньше, чем личное дорогостоящее имущество Эриха Коха и рейхсминистра Руста...»

Да, по-видимому, в ящиках было что-то очень важное.

Не исключено, что они принадлежали Эриху Коху, которому подчинялась гидротехническая служба Кенигсберга.

Впрочем, узнать это теперь уже вряд ли удастся.

Клаус Кольдман объясняет столь массовое перемещение и захоронение ценностей по-своему:

Страх перед грабительской Красной Армией и постоянные бомбардировки союзников заставляли увозить на Запад культурные ценности.

Свыше 1800 тайников, соляных рудников, замков, бункеров и пещер, где были спрятаны драгоценные произведения искусства, находи-

лись в районах, позднее оккупированных американскими войсками.

В те дни исчезли последние следы произведений искусства, отображенных в апреле и мае 1945 года.

Хотя не исключено, что до сих пор где-нибудь в Америке хранятся сотни ящичков с немецким музейным имуществом, которое продолжает считаться исчезнувшим, сгоревшим, уничтоженным.

Глава тринадцатая, В КОТОРОЙ МЫ ПОСЛУШАЕМ ОДНОГО ИЗ ГЛАВНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ

25 сентября 1963 года на Кройцбергском военном кладбище в Западном Берлине по распоряжению военной прокуратуры была вскрыта могила, и захороненные в ней останки извлечены для судебного освидетельствования.

Надпись гласила, что в могиле похоронен Генрих Мюллер, родившийся 28 апреля 1900 года и погибший в уличном бою в Берлине в 1945 году.

Об этом же говорило и свидетельство о смерти за номером 11 706/45, выданное Берлинским центральным бюро регистрации.

Однако в могиле оказались останки по крайней мере трех человек, из которых ни один не был Генрихом Мюллером.

А в это время живой и невредимый группенфюрер СС Генрих Мюллер вот уже пятнадцать лет проживал в США, правда, под вымышленной фамилией. Новые документы ему выдало ЦРУ. Более того, бывший шеф гестапо, который благополучно исчез в самые последние дни войны, был найден американцами в Швейцарии, куда он вывез всю свою зна-

менитую картотеку, а также кое-что из довольно значительной коллекции художественных ценностей.

Найден не для того, чтобы арестовать его и отправить на скамью подсудимых, а чтобы... завербовать и использовать в борьбе с общим врагом — коммунизмом.

Сотрудники ЦРУ и провели с Мюллером на его вилле в Швейцарии длительные беседы, почтительно и терпеливо слушая откровения шефа гестапо.

Материалы этих бесед составили несколько тысяч страниц, часть из которых совсем недавно была опубликована издательством «Совершенно секретно» в книге американского документалиста Грегори Дугласа «Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы». Одновременно опубликованы и дневники Мюллера за 1948—1950 годы.

В предисловии Дуглас пишет:

В начале 80-х годов все личные архивы Мюллера попали в частные руки. Мы не будем обсуждать здесь, каким образом это произошло. Эти архивы содержали тысячи отчетов и донесений, написанных или полученных им.

Они отражают самые важные стороны его профессиональной деятельности и включают в себя расшифровки перехваченных разведкой телефонных разговоров, протоколы допросов, дневники, подробные досье на агентов вражеских разведок из России, Соединенных Штатов, Швейцарии и Англии.

В его бумагах содержится также список так называемых V-агентов (его осведоми-

тельской сети) и огромное количество материалов, включая разного рода доказательства по делу о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года.

Спрашивается, какой разведке не потребуются эта колоссальная справочная система, составленная в течение многих лет высоким профессионалом-разведчиком?!

В двух телевизионных программах «Совершенно секретно» мы следили за беседой с Грегори Дугласом, из которых явственно следует, что Дуглас был в дружеских отношениях с Мюллером долгие годы, пользовался его доверием и, более того, после смерти Мюллера в 1983 году унаследовал от него некоторые личные вещи и часть его дневников, которые ему передала американская жена Мюллера.

Перед нами открывается новый взгляд на, казалось бы, уже хорошо известные события прошлой войны, многократно описанные в сотнях и тысячах книг. Признания Мюллера, которые выглядят вполне искренними и убедительными — просто нельзя придумать такое количество фактов в мельчайших подробностях о жизни верхушки третьего рейха! — заставляют пересмотреть не просто подробности, а такие события, как, скажем, самоубийство Гитлера и Евы Браун.

По утверждению Генриха Мюллера, Гитлер и не помышлял кончать жизнь самоубийством, а это был лишь отвлекающий маневр, на который и клюнули «большевики». Вместо Гитлера

был убит и «предъявлен» русским двойник Гитлера.

На самом деле Гитлер, прихватив Еву Браун и любимую овчарку Блонди, отправился в свой родной город Линц — не правда ли, мистическое совпадение! — и 22 апреля 1945 года в 20 часов вылетел с базы КГ 200 в Айнринг/Гершинг (в 17 км к юго-западу от Линц/Донау). С фюрером было лишь несколько человек.

Сверхсекретный приказ о перелете Гитлера на самолете Юнкерс Ju A-6 (Werk Nr. 0185) издал не кто иной, как Генрих Мюллер. В материалах, полученных Грегори Дугласом лично от Мюллера, имеется подписанный Мюллером оригинал приказа.

Через некоторое время самолет благополучно приземлился в Барселоне. Генералиссимус Франко принял фюрера в свои гостеприимные объятия.

Все.

Больше о Гитлере Генрих Мюллер ничего рассказывать не стал. Но и этого достаточно, чтобы пересмотреть многие положения, хорошо усвоенные нами на уроках истории в средней школе.

Мы не собираемся лишать вас удовольствия прочесть эти интереснейшие книги и расскажем лишь о тех признаниях Мюллера, которые, несомненно, дополняют картину массового разграбления художественных ценностей из оккупированных Германией стран Европы.

Мюллер ничего не скрывал, а со свойственным ему сарказмом делился с собеседником сведениями, которых было вполне достаточно,

чтобы оказаться на скамье подсудимых Нюрнбергского процесса.

Но Мюллер был ПРОФЕССИОНАЛОМ. И наступило время, когда его лютей антикоммунизм и ненависть к евреям оказались востребованы американцами в преддверии «борьбы с Советами».

Кстати, если верить его признаниям, именно он организовал вброс компромата на ведущих военачальников Красной Армии, в результате чего Сталин уничтожил перед войной многих талантливых командиров.

Всем известно, что и за это нам пришлось заплатить огромную цену — миллионами человеческих жизней и сотнями разрушенных городов и сел.

Мюллер прекрасно понимал, что будет востребован в новой обстановке холодной войны, и ничуть не беспокоился о своей судьбе. 23 июля 1950 года он пишет в дневнике:

Я теперь американский землевладелец и в принципе могу завести себе вензель, который стану помещать на капоты машин и на банкноты. Но нет, это уж слишком суетно и может привлечь внимание всевидящей Судьбы...

Нет, как все-таки интересна может быть жизнь!

Итак, тем летом я еще был разыскиваемым преступником, а этим летом я уже уважаемый американский джентльмен, представленный к званию полковника американского генштаба, коллекционер редких произведений искусства (ну и что, если все они были когда-то у кого-то украдены?).

У меня красивая и умная жена (одновременно и подруга), прекрасный штат прислуги и около семи автомобилей!

Я могу сидеть и наслаждаться воспоминаниями о моем таком огромном старте с большой и не всегда приятной откровенностью перед самим собой и удивляться путям, которыми Господь ведет нас!

А в это время его законная жена и двое детей прозябали под Мюнхеном, частенько голодая и лишь изредка получая от Мюллера очень скромную помощь.

Невзирая ни на что, Мюллер считал себя (как и Гитлера) верным католиком.

Пикантность ситуации пребывания в Америке заключалась в том, что у Мюллера были

три набора документов: один германский, один швейцарский и документы американского гражданина. С одной стороны, я баварский католик, а с другой — еврей! Какая ирония судьбы!

Даллес высказал несколько грубых замечаний насчет того, что я скрываюсь под именем еврея, своего бывшего врага. Да, евреи были врагами — но Гитлера, а не моими. Делайте меня хоть эскимосом, мне все равно.

А Даллес — один из самых напыщенных говнюков, каких я только знал.

Во время одной из бесед с вербовщиком на вопрос об украденных произведениях искусства Мюллер сказал:

Украденные? Чепуха. Когда Гитлер собрал вместе всех импрессионистов и свалил все в одну кучу с Клее и Кандинским, толстяк Герман (Геринг) получил огромную их часть.

Конечно, я тоже решил взять несколько работ. Моей жене не нравились ренуаровские толстые монголоидные обнаженные, висевшие в ее очень приличной гостиной, и я взял шесть Моне, одного Мане и несколько маленьких вещей, которые дарил моим бедным родственникам на Рождество. Вы же, с другой стороны, помогли старику Герману распродать награбленное и не отрицаете этого...

Собеседник Мюллера: Нет нужды обсуждать это.

Мюллер: Но вы все равно торговали украденными картинами. И как много вы увезли вашей милой семейке в Америку? Одну? Две? Может быть, три или четыре, только чтобы уберечь их, конечно. Может, пять?

Собеседник: Я не брал ничего, если хотите знать. Вы продолжаете приставать ко мне с подобными вещами.

М.: А вы продолжаете приставать ко мне с царскими янтарными гарнитурами. Теперь, когда я продал их вам, вы хотите знать, есть ли у меня еще, не лежат ли сокровища где-нибудь поблизости. Вы иногда бываете таким занудой. Вы хотите отправить янтарь вашей семье?

С.: А, вот они где! У вас еще действительно что-то есть.

М.: Очень мало, и вы их не получите. С другой стороны, Дюрер великолепно смотрится в моем кабинете, большое вам спасибо.

Насчет янтаря ясно — он из коллекции Царского Села. Впрочем, Дуглас уверенно говорит, что у Мюллера были и фрагменты Янтарной комнаты, которые он кому-то очень выгодно продал!

Полное впечатление, что не Мюллера допрашивают, а совсем наоборот. Сотрудник ЦРУ постоянно вынужден обороняться:

С.: Генерал, ради Бога, вам непременно надо развивать эту тему?

М.: При чем здесь Бог? Скажите, ваша семья знает об украденных еврейских предметах искусства?.. К слову, один из моих садовников сказал, что видел вас вчера в городе с необычайно уродливой женщиной. Это ваша родственница?

С.: Нет, это мой друг.

М.: Если у вас такой же вкус в искусстве, то мне следовало бы отдать вам Ренуара, чтобы вы могли заряжаться радостью, рассматривая перед завтраком громадную дряблую задницу...

И так далее в том же издевательском тоне. Затем Мюллер поинтересовался, какие картины нравятся президенту Трумэну, и объяснил:

Я просто хотел узнать, могли бы мы дать взятку президенту в виде некоторых наших когда-то украденных картин?

С.: Почему бы вам не спросить об этом у него, если он когда-нибудь позволит вам приблизиться к нему хотя бы на милю?

М.: Я сначала приму ванну и натру тело одеколоном. Не беспокойтесь, держу пари, что я найду возможность встретиться с ним...

Мюллер не только встретился с президентом США Трумэном, но неоднократно принимал его в своем доме, угощал отборными винами из своего погреба и дарил ему «всякие мелочи». А самое главное — Мюллер постоянно консультировал Трумэна по вопросам текущей внешней политики и методов борьбы с евреями и коммунистами.

Ознакомившись с одной из аналитических записок Мюллера, Трумэн произнес:

Я вижу, мы тратим на вас деньги не напрасно, генерал. Меня это очень впечатляет.

Деньги тратили довольно большие — при переезде в США Мюллер получил 1 миллион долларов за вывезенный архив и ему предложили по 50 000 долларов ежегодно.

Хотя, конечно, группенфюрер в деньгах не нуждался.

Собеседник: Были разговоры о том, что вы покинули Берлин, имея при себе целое состояние в золоте и драгоценных камнях.

М.: Нет. У Фегеляйна была большая сумка, набитая этим добром, но у меня нет. В портфеле, который Гитлер передал мне в самом конце, было полно бумажных швейцарских франков, но ни золота, ни драгоценностей.

С.: Много денег?

М.: Да. И, разумеется, у меня имеется очень приличная сумма в сейфе швейцарского банка, частью из подарка Гитлера, но в значительно большей мере мои собственные деньги. Иногда кое-кому приходилось заключать определенные соглашения, и я должен был забирать значительную долю прибыли «Bernhard» у Бормана и его друзей и обращать их на мои собственные нужды. Так что я, безусловно, не нуждаюсь в каких-либо деньгах от вас или кого-нибудь еще.

Но от американских денег не отказался. В искренность Мюллера по поводу золота трудно поверить, если прочесть более позднее его признание:

Все захваченное золото, которое нам досталось, мы в ходе войны переправляли в Португалию через «Креди Сюисс» (крупнейший швейцарский банк).

Основная часть золота, захваченного в Голландии, Бельгии, Дании и Франции, отправлялась в Рейхсбанк, но я постарался, чтобы некоторые партии отправлялись «налево», в Швейцарию, а оттуда через оккупированную Францию в Испанию, в Португалию.

С.: Гитлер передал вам что-нибудь еще при расставании?

М.: Все, что было в портфеле, это пачки швейцарских бумажных купюр большого достоинства, коробочка с очень высокой наградой и личное письмо от Гитлера, в котором он благодарил меня за мою лояльность и на-

граждал этим орденом. Это был высший орден, который он мог дать.

С.: Рыцарский крест?

М.: Нет-нет, то была военная награда. Даже Геринг и Гиммлер не имели такой.

С.: Вы все еще храните его?

М.: Нет. Выкинул в озеро! Ну, разумеется, храню, так же как и письмо Гитлера.

Грегори Дуглас в упомянутой телепрограмме «Совершенно секретно» показал этот орден.

Мюллер с восторгом описывает прием, который он устроил для президента в своем доме:

Трумэн приехал ровно к восьми. Мы сели за стол к девяти, все при параде. Я, как и было согласовано (с Трумэном), надел все свои награды (включая все фашистские ордена!)...

Лакеи у меня стояли цепочкой вдоль коридора, и столовая выглядела великолепно. Хрустальные канделябры и цветочные композиции на столе и стенах.

На всех чашках и столовых приборах красовался двуглавый российский орел. Я решил не рассказывать Трумэну, что все это досталось мне из Императорского дворца в Пушкине благодаря усилиям вермахта...

Когда Гарри (как Трумэн просил его называть) уезжал, я приказал одному из слуг погрузить в его автомобиль ящик с остатком «бурбона».

«Бог мой, — сказал Трумэн, — вот это я называю королевским подарком. Честное сло-

во, этот ящик мне дороже, чем звание почетного доктора в Гарварде!»

Что тут добавить?

Мюллера не стесняясь принимали самые высокие чиновники и даже американский кардинал Спеллмен.

Его преосвящество сообщил через моих друзей, что с удовольствием встретится со мной. Может быть, в следующий раз я поеду в Рим и попаду на аудиенцию к Папе?..

О масштабах вывезенных Мюллером ценностей свидетельствует его личный дневник.

Договор об аренде дома подписан, я жду прибытия мебели. Ящики с картинами здесь в сохранности.

То, что взял их с собой, уберегло кого-нибудь чиновника от соблазна их украсть.

Ситуация с деньгами очень неплохая, но важно не дать понять этим идиотам, сколько у меня имеется, иначе они снизят мне жалованье.

Большинство из них не понимает разницы между настоящим Рафаэлем и Клее (Пауль Клее (1879—1940), швейцарский живописец-авангардист, график. Один из лидеров экспрессионизма, был близок к абстрактному искусству. Получил популярность в 20-х годах XX века), так что я чувствую себя в относительной безопасности, хотя и не могу повесить на стене то, что хочу.

Этот дом побольше того, что был в Женеве...

В своей библиотеке Мюллер разместил вещи из Екатерининского дворца в Пушкине.

Из Нью-Йорка прибыли настенные ковры и прочее, в выходные велю их развесить. Они добавятся к тем гобеленам, что уже висят в передней. Венский музей, наверно, их до сих пор ищет.

Комментарий Дугласа по этому поводу:

Гобелены были позаимствованы Гитлером из венского Кунстисторише Музеум для того, чтобы ими вдохновился Вернер Пайнер, немецкий художник, в то время работавший над собственной серией гобеленов с изображением сцен из германской военной истории.

Эта серия так и не была закончена, а старинные гобелены исчезли в конце войны.

Ну вот, теперь мы знаем, кто их увез.

Мюллер не имел специального искусствоведческого образования, но прекрасно ориентировался на антикварном рынке, правда, с некоторыми оценками, которые он позаимствовал у Гитлера.

18 марта 1948 года.

Сегодня рано утром к моему дому подъехали два больших армейских грузовика и несколько солдат в полной форме стали разгружать содержимое...

Это прибыла вторая часть груза с произведениями искусства из Антверпена, через Нью-Йорк. Обозначенный как особый груз, он миновал таможенную нераспечатанным, что очень кстати...

Я натянул свои кожаные штаны и провел счастливый день за распаковыванием ящиков и расстановкой содержимого по столам, которые я предусмотрительно установил в этой комнате, а также по ящикам.

Картины я оставил как есть, поскольку они будут проданы... Но несколько я оставил себе.

Набросок молодого человека Боттичелли из коллекции Гуттмана — явная подделка, она ничего не стоит... А эти любители показаться культурными людьми, их так легко надуть! «О, мне нужен Боттичелли, чтобы произвести впечатление на друзей!» — и торговцы картин в ответ скалятся, как акулы...

Сейчас здесь находятся вещи, сделанные до войны 1914 года и позже, вплоть до 30-х годов.

Есть отвратительная картина Матисса, изображающая женщину в красных штанах, возлежащую с голой грудью на кушетке. Лицо как маска. Картина была в коллекции Бернхайма, а уже через пару недель будет висеть в доме помощника госсекретаря, который уже ронял слюну, глядя на мои гобелены.

Он ни малейшего понятия не имеет, кто я такой на самом деле, так что я развлекал его рассказами о том, как ускользнул через Швейцарию от мерзкого гестапо!..

Еще одно убожище, Мане, из того же источникника; изображена деформированная женщина с глупой ухмылкой на толстой пролетарской роже. Тоже голая по пояс. Это не для меня. Она выглядит как сука с оттянутыми титьками...

Мне нужно продать рисунки Фрагонара и золоченую чашу работы Вийяра, которая мне понравилась. Эти вещи у меня от Вайля, у которого вкус получше, чем у Гуттмана, хотя Геринг сказал мне, что некоторые экземпляры в его коллекции были настолько плохи, что их следовало просто сжечь.

Нет, у Гитлера были здравые идеи, когда дело касалось произведений этой дегенеративной эпохи.

Небольшой ящик с прелестными греческими золотыми орнаментами, чашами, тарелками и так далее. Из России. Чувствую восторг, когда касаюсь этого «позаимствованного от сталинских крыс искусства».

Эти вещи упакованы вместе с рукописями Чайковского, которые прекрасно сохранились. Я положил их под пресс, и когда они станут выглядеть повыигрышней, я постараюсь продать их одному из директоров Национальной галереи, у которого такие вещи вызывают восторг. Наверно, в свое время у него случилась маленькая недостача подобных предметов.

Рукопись Чехова в совершенно нормальном состоянии, лежит на дне маленького ящика...

Одно из золотых греческих ожерелий — настоящая прелесть, я подарю его Ирмгард за ее любовь. Она и понятия не имеет, что

тут лежит. Но в любом случае ей нельзя ходить в кино с бриллиантовой брошью на воротнике.

Был очень рад, снова увидев прелестные финифти из коллекции Ротшильдов. Так много великолепных предметов в моей коллекции оттуда же, включая шахматы.

И еще должен заметить, что у Ротшильдов был хороший вкус к вину, у меня в погребе три ящика их вин, и в мыслях у меня ничего, кроме одобрения Ротшильдов, когда я пью это вино.

И лишь на следующий день Мюллер завершил любование полученными сокровищами.

Тут есть великолепный обеденный сервиз, сделанный для Наполеона...

Мне посчастливилось заиметь прелестную, хоть и очень маленькую, настоящую картину Яна Вермеера Делфтского (XVII век). Ее прихватили люди Розенберга в России в 1941 году.

Я отобрал три картины, небольшие, чтобы они не выглядели ошеломляюще; одну я преподнесу Президенту, моему непосредственному начальнику и моему единоверцу в Джорджтауне.

Я никак не использовал Беллини, поэтому этот подарок он должен воспринять как знак моего уважения. А три картины заменю двумя набросками Тьеполо.

Тем самым я укреплю наши отношения и буду выглядеть религиозным в глазах местной добропорядочной публики.

Еще одна запись в дневнике от 8 апреля 1948 года. Мюллер расчетливо прикидывает, что и кому повыгоднее продать. Одновременно мы можем оценить масштаб распродажи украденных ценностей.

Сегодня я отобрал все мои картины, которые я планирую продать.

У меня примерно сорок вещей. То, что не было отправлено в Люцерн в 1939 году, остается в надежном месте в Германии.

Геринг оставил себе больше, чем составляла его доля, но если взять мнение Гитлера на этот счет, никто не имел права раскрывать художников (картины, которые имелись у них в наличии), и их можно легко изъять из тайников.

Три работы Брака, восемь — Нолдса, один Барлах, два ранних Пикассо, один Гоген, восемь работ Шагала, три Дикса, восемнадцать вещей Клее, один Ван-Гог и еще около сотни работ Клее, которые он все подготовил как свидетельство против национал-социалистов и спрятал у друга перед тем, как бежать в Швейцарию.

Лично мне совершенно не нравятся эти картины, а уж Ван-Гог — вообще показатель расстроенного рассудка.

И все-таки подобный тип грубого надувательства очень популярен среди жителей США, а мой знакомый в Нью-Йорке испытывает просто щенячий восторг от мысли заполучить такую коллекцию в свои руки.

Надеюсь получить примерно 10 000 долларов от него, да еще акварель Тернера и пре-

лестную работу Рихтера, которая вызывает у меня сентиментальные чувства. Это вид на гору Вацманн, куда я несколько раз поднимался и которую можно видеть с террасы Бергхоффа (дача Гитлера).

Наверно, акварель сперли американские Джи-Ай.

Можно, конечно, приумножить примеры из успешной деятельности группенфюрера СС по распродаже украденных ценностей. Но это вряд ли что-то изменит. Если свидетельство Грегори Дугласа — правда, значит, мы имеем дело с новым вариантом истории, которая, как известно, постоянно переписывается.

Не зря ведь однажды Наполеон сказал, что писаная история — не что иное, как вымысел, с которым все согласны.

Ну а если книги Грегори Дугласа — грандиозная мистификация, тогда надо поаплодировать ее автору за редкую фантазию.

Однако для нашей истории это ничего не меняет — сотни тысяч предметов искусства, пришедших в движение с началом Второй мировой войны, по-прежнему разыскиваются их бывшими владельцами, а их нынешние хозяева с интересом наблюдают за этим, в общем-то, уже бесперспективным занятием.

Глава четырнадцатая, В КОТОРОЙ МЫ ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Спустя 6 месяцев после оккупации Польши был составлен иллюстрированный каталог на 635 произведений искусства, реквизированных в Польше.

В отчете Розенберга о результатах деятельности его штаба с октября 1940 по июль 1944 года указывается, что в странах Западной Европы было украдено 203 художественные коллекции, из которых отправлено в рейх 21 903 экспоната.

Д-р Ганс Поссе до своей смерти в декабре 1942 года «приобрел для музея фюрера» 5000 ценнейших произведений искусства.

В Кремсмюнстерском соборе монастыря обнаружены акты, составленные д-ром Поссе. Там значатся на хранении 491 картина, 327 единиц мебели, 490 произведений графики, 33 гобелена, 458 изделий прикладного искусства и 328 скульптур — а всего 2127 наименований из коллекций Ланца, Бонди, Гутмана, Торша, Альфонса и Луи Ротшильдов.

В «Перечне картин из коллекции Шлосса» упоминаются в основном картины нидерландской школы.

Под рубрикой «отобрано для Линца» значатся 249 картин старинных нидерландских мастеров и 10 полотен других европейских школ.

В рубрике «отобрано в Лувре» числятся 48 полотен нидерландских мастеров, в том числе Ван-Дейка, Франца Гальса, Остаде, Рембрандта, Рубенса, Рейсдаля.

В архиве Дрезденской галереи найден список экспонатов, подлежащих передаче в «музей фюрера» в Линце. 1736 экспонатов, закупленные 8 декабря 1942 года, среди них «Мужской портрет» Франса Гальса (уплачено 400 тысяч марок), «Автопортрет в кругу друзей» Рубенса (приобретен 16 мая 1944 года за 600 тысяч марок), «Святой Себастьян» Ван-Дейка.

Последняя покупка была совершена 6 апреля 1945 года, когда советские войска уже подошли к Дрездену — в этот день было приобретено 5 рисунков В. фон Кобелла.

Из хранилищ в копиях Бад-Аусзее (так называемая «Дора») было извлечено американцами 5350 картин старинных художников и огромное число экспонатов, имеющих музейную ценность.

Многое хранилось в баварских и других замках, в монастырях.

Резиденцией Поссе был замок Веезенштейн под Дрезденом, поэтому многие журналисты считали, что не найденные после падения Германии ценности были вывезены в Советский Союз вместе с коллекцией Дрезденской галереи.

Однако находившийся в замке Веезенштейн доктор Готфрид Реймер, референт по вопросам

«Операция Линц» в письме начальнику саксонской государственной канцелярии в Дрездене писал 27 марта 1945 года:

Относительно перемещения бюро по осуществлению «Операции Линц» из Дрездена в Альт-Аусзее (Верхняя Австрия).

Позволю себе сообщить для Вашего сведения, что по указанию господина рейхслейтера Бормана все находящееся в Дрездене и в хранилище замка Везенштейн имущество, связанное с «Операцией Линц», а также все документы и приложения были перевезены автоколонной, которую сопровождал лично я, в Альт-Аусзее (Верхняя Австрия) и размещено в абсолютно надежном бомбоубежище.

Занятые до сих пор этим имуществом подвальные помещения под зданием Государственной картинной галереи в башне и бункере замка Везенштейн освобождены для других целей...

Пользуюсь случаем, чтобы искренне поблагодарить Вас, глубокоуважаемый господин министр-директор, за помощь и поддержку, оказанную «Операции Линц» государственными органами Саксонии.

Жаль, конечно, что наши войска не застали коллекцию «музея фюрера».

А может, застали?..

А что же Линц?.. Как живет сегодня любимый город фюрера, которому была уготована блестящая судьба стать столицей на Дунае и затмить своей славой Будапешт?..

Информация из прессы конца 2000 года:

В австрийском Линце проходит фестиваль современного электронного искусства и средств коммуникации «Арс Электроника».

Провозглашенная цель фестиваля — «выявлять скрытые тенденции, происходящие в глубинах общественного сознания».

Главные темы фестивальной программы — жизнь в компьютерной сети, быт и нравы поколения on-line.

Судя по выставленным экспонатам, их быт и нравы недалеко продвинулись от будней off-line.

Отношения цивилизации и природы, секс и продолжение рода — этими проблемами озадачены художники, съехавшиеся на «Арс Электронику».

«Nature?» — вопрошает надпись на пластиковом боксе, в котором порхают бабочки с перекрашенными крыльями. По соседству в физиологическом растворе плавают пупсы, постепенно обрастающие какими-то клетками.

Так художники создают полуживые существа — полубъекты, поясняет каталог.

Всевозможные видеоинсталляции и фильмы с разной степенью откровенности разрабатывают темы естественного секса и искусственного оплодотворения.

Художники пытаются убедить зрителей в простой и в общем-то не новой морали: есть секс и есть половое размножение, и ничего общего между этими явлениями нет.

Директор фестиваля Герфрид Штекнер утверждает:

Дальнейшее разделение сексуальности и размножения — это тенденция, которую можно с уверенностью предсказать. Наша жизнь все больше стандартизируется, и очевидно, что люди не будут согласны отдавать такой важный момент, как продолжение рода, на волю случая. Спрос на медицину, на новые технологии будет неуклонно возрастать.

Европейское искусство стремится идти в ногу, а то и обгонять медицинские, технические и социальные новации.

Однако художественные критики, побывавшие на ярмарке в Линце, ни социального, ни сексуального, ни художественного драйва «Арс Электроники» не разделяют.

Бедный фюрер!

Мог ли он представить, что совсем немного времени спустя, после того как мир узнал о его грандиозной программе, о ЕГО ГОЛУБОЙ МЕЧТЕ, на его родине будет работать выставка, которую нетрудно квалифицировать как «дегенеративное искусство»?!

А директора этой выставки он даже не сможет расстрелять.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
Глава первая, В КОТОРОЙ МЫ РАССКАЖЕМ О ГОЛУБОЙ МЕЧТЕ ФЮРЕРА	11
Глава вторая, В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ С ДОКТОРОМ ГАН- СОМ ПОССЕ	50
Глава третья, В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ С ТЕМ, КАК УС- ПЕШНО ПОТРУДИЛСЯ ДОКТОР ПОССЕ В АВСТРИИ ..	61
Глава четвертая, ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ, КАК ШЛА БОРЬБА МЕЖДУ ДОКТОРОМ ПОССЕ И РЕЙХСМАРШАЛОМ ГЕРИНГОМ.	80
Глава пятая, В КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ О СУДЬБЕ ЗНАМЕНИТОГО ГЕНТСКОГО АЛТАРЯ	104
Глава шестая, В КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ О «ДАМЕ С ГОРНОСТАЕМ», А ЗАОДНО — ЗА ЧТО БЫЛ ПОВЕШЕН ГАУЛЕЙТЕР ФРАНК.	116
Глава седьмая, В КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ, ПОЧЕМУ БЫЛИ ПОВЕШЕ- НЫ БОЛЬШИЕ ЦЕНИТЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕН- НОСТЕЙ — АЛЬФРЕД РОЗЕНБЕРГ, ЙОАХИМ ФОН РИБ- БЕНТРОП И ГЕРМАН ГЕРИНГ	156
Глава восьмая, ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ, КАК ГЕРИНГ, РИББЕН- ТРОП И ПОССЕ ГРАБИЛИ ДРУЖЕСТВЕННУЮ ИТАЛИЮ	193

Глава девятая, ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ О СУДЬБЕ ВЫШЕБРОДСКО- ГО АЛТАРЯ	208
Глава десятая, ИЗ КОТОРОЙ МЫ УЗНАЕМ, КУДА ДЕЛСЯ «ЗОЛОТОЙ ЭШЕЛОН»	219
Глава одиннадцатая, В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ С ЭНТУЗИАСТА- МИ — ОДНИ ГРАБИЛИ, А ДРУГИЕ ПЫТАЛИСЬ СОХРА- НИТЬ НАГРАБЛЕННОЕ ИЗ РОССИИ.....	231
Глава двенадцатая, В КОТОРОЙ МЫ ПОЗНАКОМИМСЯ С ДОН КИХОТОМ НАШИХ ДНЕЙ	273
Глава тринадцатая, В КОТОРОЙ МЫ ПОСЛУШАЕМ ОДНОГО ИЗ ГЛАВНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ	295
Глава четырнадцатая, В КОТОРОЙ МЫ ПОДВЕДЕМ ИТОГИ	313

Виталий Аксенов

**ЛЮБИМЫЙ МУЗЕЙ ФЮРЕРА
УКРАДЕННЫЕ СОКРОВИЩА**

Серия «Досье»

Ответственный за выпуск

А. И. Колпакиди

Корректор Е. В. Амелогова

Верстка А. Н. Соколова

Подписано в печать 20.01.03.

Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Уч.-изд. л. 9,92. Усл. печ. л. 16,8.

Изд. № 01-2798-Д. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 2783.

«Издательский Дом „Нева“»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Образование»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23А, стр. 10

Отпечатано с готовых диапозитивов

в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

127473, Москва, Краснопролетарская, 16

ВИТАЛИЙ АКСЕНОВ

Виталий Аксенов — известный автор книги «Дело о Янтарной комнате», кинорежиссер и сценарист. Родился в 1931 году.

Эта книга

- **о голубой мечте фюрера: музей, который превзошел бы Лувр, Эрмитаж и Метрополитен;**
- **о том, куда исчезли сокровища семьи Ротшильдов и корона венгерских королей;**
- **о том, почему обед президента Гарри Трумэна в гостях у шефа гестапо Мюллера был сервирован тарелками с гербами Екатерины II...**

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
НЕВА**

ISBN 5-94849-227-3

9 785948 492278 >